

INSPIRIA

СТРАННЫЕ

ИГРЫ

Она делает
с куклами то...

...что он делает
с людьми.

МАЙК ОМЕР

INSPIRIA

Annotation

От автора мирового бестселлера «Внутри убийцы» о профайлере Зои Бентли, экранизированного в России.

Восьмилетнюю Кэти Стоун похитили прямо с лужайки перед собственным домом. Прошло пятнадцать месяцев, и уже никто не верит, что девочка жива. Пока не случается чудо: Кэти находят на обочине дороги в соседнем городе. Теперь все хотят знать, что с ней произошло.

НО ДЕВОЧКА НЕ ПРОИЗНОСИТ НИ СЛОВА И ОЧЕНЬ НАПУГАНА.

Детский психолог Робин Харт – единственная, кому удалось наладить контакт с ребенком. В качестве игровой терапии она использует кукольный домик.

И ТОГДА КЭТИ НАЧИНАЕТ ИГРАТЬ В КРАЙНЕ СТРАННЫЕ ИГРЫ.

Каждый сеанс ее кукла-злодей делает жуткие вещи с одной из кукол, «живущих» в домике. Одну закалывает ножом, другую топит, третью приковывает цепью к пластиковому диванчику... А потом Робин узнает из новостей о телах девушек, найденных полицией. Телах с травмами, похожими на те, что наносила кукла-злодей. И становится ясно:

ДЕВОЧКА РАЗЫГРЫВАЕТ НАСТОЯЩИЕ УБИЙСТВА...

«Мастерское сочетание повседневных страхов с острыми ощущениями от деяний серийного убийцы». – *Kirkus Reviews*

«Легкий и затягивающий слог Омера позволяет полностью погрузиться в сюжет. Захватывающая история, от которой волосы встают дыбом». – *Publishers Weekly*

«Потрясающая история! Способность Омера написать сложный сюжет сочетается с классными персонажами, в результате чего книга полностью погружает в происходящее». – *Bookreporter*

-
- [Майк Омер](#)
    -
    - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)

- [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Глава 46](#)
  - [Глава 47](#)
  - [Глава 48](#)
  - [Глава 49](#)
  - [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Глава 52](#)
  - [Глава 53](#)
  - [Глава 54](#)
  - [Глава 55](#)
  - [Глава 56](#)
  - [Глава 57](#)
  - [Глава 58](#)
  - [Глава 59](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Майк Омер

Странные игры

Mike Omer
Please Tell Me

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Text copyright © 2023 by Michael Omer. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Тулаев В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава 1

Кэти ковыляла вдоль дороги, крепко прижимая к груди напуганную сгустившейся темнотой куклу. Объятия порой помогают одолеть страх.

Несколько минут назад пошел дождь, и колючие капли жалили щеки Кэти. Ее потрепанная пижамка пропиталась влагой, кукла тоже промокла и замерзла.

Болели ноги – девочка брела босиком. Когда-то, давным-давно, у нее были туфельки, и она всегда их надевала, выходя поиграть во двор. Увы, туфли превратились в слабое далекое воспоминание. Иной раз Кэти от них отказывалась, и они с мамой ругались из-за этого – подумать только! Полжизни отдала бы сейчас за обувку...

Сколько она уже ходит босая? Несколько недель или несколько месяцев? Может, даже год? Кэти точно не знала.

Где лучше идти – непонятно. Сперва она шла по дороге, но шершавый асфальт царапал ноги. Потом переместилась на обочину – ступать по травке оказалось куда приятнее, – однако вскоре в пятку впился острый шип. Кэти вскрикнула и остановилась. Выдернула колючку и вновь взвизгнула от боли. Кукла поцеловала поврежденное место, только это не сильно помогло.

От долгой ходьбы обе ступни ужасно саднило, и Кэти, усевшись под уличным фонарем, осмотрела подошвы. Вся кожа была исцарапана, а кое-где даже проступали алые капельки.

Но задерживаться нельзя! Она встала и снова пустилась в путь. Плохие люди могут выследить ее по кровавому следу – тут и думать нечего.

Кэти спустилась к ручейку вдоль дороги, зашла по щиколотку и подождала, пока вода не смоет кровь. Как холодно! Она вздрогнула и невольно застучала зубами.

Так можно застудиться и умереть.

Надо идти дальше.

Большие квадратные строения вдоль дороги внушали страх: ни одно из них и близко не походило на ее родной дом, а его Кэти помнила отлично. Красивый дворик, беленый забор, красная крыша...

На Рождество папа обычно украшал комнаты весело подмигивающими гирляндами.

Кэти захотелось рассказать кукле о доме, вот только слова не шли наружу – смешивались в голове, а потом куда-то пропадали. Вздохнув, она прижала игрушку к себе и побрела вперед. Надо поскорее оставить позади эти жуткие здания.

Иногда маленьких девочек, блуждающих по ночам в таких страшных кварталах, поджидают большие неприятности – это Кэти знала точно.

Неподалеку послышался громкий рев. Она вздрогнула, резко обернулась, и у нее перехватило дыхание. Шум был знакомый – Кэти раньше его слышала, и даже порой видела внутренним взором: зияющая рана, крики боли, хлещущая кровь – много, много крови. Закрыв глаза и заткнув уши, она съежилась, и все же картинка продолжала стоять перед глазами. Ее словно парализовало; легкие отказывались работать, а этот визг...

Наконец звук стих вдали.

Застыв на месте, Кэти обхватила себя руками. Зубы все еще выбивали частую дробь; в ушах отдавались лишь стук дождя по асфальту да собственные хриплые всхлипы.

Наверное, мимо просто-напросто проехал грузовик, однако сложно сказать, какие звуки представляют угрозу, а какие – нет.

Ей надо попасть домой. Там она будет под защитой. Там нет плохих людей. Их с куклой встретят и обнимут мама с папой.

Рассказать бы кукле о родителях, об их объятиях, о безопасном маленьком мире, но слова никак не хотели сходить с языка...

Кэти замерзла и устала. Зажмурившись, она все же сделала шаг, потом другой, и сразу стало теплее, а стук дождя немного стих. Раз так – может, прилечь ненадолго?

В стороне снова раздался громкий шум.

Распахнув глаза, Кэти обернулась и уперлась взглядом в два ярких огня. Какой ужасный, резкий звук! Словно кого-то истязают... В ее голове замелькала череда образов. Кровь, боль, страх! Она неловко отступила назад и, широко открыв рот, закричала. Хриплый визг ничем не напоминал голос ребенка.

– Эй, эй!

Из машины выскочил человек и побежал к Кэти. Иногда мужчины делают жуткие вещи с девочками, гуляющими в темноте в одиночку. Она упала плашмя на колючий асфальт. От сотрясения рот захлопнулся, и его наполнил вкус крови.

– Эй, малышка... Ты заблудилась? Позвонить твоим родителям?

Кукла отлетела куда-то в темноту – не найдешь. Надо бежать! Кэти поднялась на четвереньки и уставилась на незнакомца. Тот медленно приближался. Попытался схватить ее за руку, однако Кэти, вновь вскрикнув, отпрянула. Мужчина удивленно округлил глаза и сделал шаг назад. Крик перешел в кашель, руки и ноги словно отнялись, а горло опять сжало спазмом. Кэти кашляла все сильнее. Похоже, прикусила язык – во рту стало совсем солоно.

– Привет... – Незнакомец поднял руки и отступил еще на шаг. – Я не собираюсь тебя обижать, слышишь?

Кашель наконец стих, и Кэти, дрожа, села на дорогу. Быстро посмотрела вправо, влево: удастся ли сбежать?

– Как тебя зовут? – спросил мужчина, медленно опустившись на корточки.

Дрожь усилилась так, что девочка застучала зубами. Ее звали Кэти, только вслух она свое имя произнести не могла – слова по-прежнему застревали в горле.

– Я – Иэн. А как твое имя?

На плохого человека он не походил, но Кэти знала: плохого человека от хорошего навскидку отличить сложно.

– Живешь где-то рядом?

Рядом? Она не могла сказать наверняка. Просто хотела домой и изо всех сил пыталась туда добраться.

– Послушай... Может, хм... сядешь ко мне в машину? Хотя бы укроешься от дождя.

Кэти с заколотившимся сердцем отползла назад и тяжело задышала.

– Хорошо, хорошо. Как скажешь. Не хочешь в машину – не надо. – Он скинул куртку и, наклонившись, протянул ей. – Вот, надень.

Кэти не сводила с него глаз. Пытается заманить? Она вытянет руку, а незнакомец ее тут же схватит и...

– Надень, согреешься.

Он разжал пальцы, и куртка упала на землю – совсем рядом.

Когда-то у нее была любимая курточка – розовая, с теплой пушистой подкладкой. Вот бы сейчас ее накинуть! Вдруг эта тоже с мехом внутри? Согреться было бы совсем неплохо...

Кэти дернула куртку к себе и тут же отползла на безопасное расстояние. Одевшись, обнаружила, что рукава свисают до колен, а подкладка обычная, не меховая. Ничего, все равно так лучше.

– Вот и отлично, – мягко сказал мужчина. – Ты только... хм... не убегай. Сейчас я кому-нибудь позвоню, ладно?

Под пристальным взглядом Кэти он вытащил из кармана телефон. Может, все-таки дать деру? Увы, ноги не подчинялись. Зато кукла валяется совсем рядом – надо подобрать.

– Алло! Да... Меня зовут Иэн. Я только что наткнулся на девочку посреди пустой дороги. Да, маленькая... Не знаю, сколько лет. Шесть или семь, наверное.

Кэти было девять. Она хотела подсказать, но не сумела произнести ни слова.

Глава 2

Робин Харт наблюдала, как маленькая Лаура возится с пластмассовой кухней – одной из самых замысловатых игрушек в кабинете. Там имелись и маленькая мойка, и духовка, и даже холодильник, а над плитой на крошечных крючках висели сковороды и кастрюльки. Робин вспомнила о горе грязной посуды в собственной раковине. Эх, если б ее кухня была столь же идеальна, как эта...

Лаура держала пластиковое яичко, делая вид, что разбивает его о край сковородки.

– Жаришь яичницу? – заметила Робин. – Омлет или глазунью?

– Глазунью, – пропела Лаура, отложила яйцо и передвинула сковороду.

– М-м-м... Выглядит аппетитно.

– Готовлю для тебя.

– Для меня? Огромное спасибо... Обожаю яичницу!

Сегодня от девочки исходило спокойствие, впрочем, как и на нескольких последних сеансах. Впервые Робин встретила с ней год назад – тогда Лаура была напряжена, замкнута и страшилась всего на свете, однако двенадцать месяцев психотерапии улучшили ее состояние. По словам Бет, матери Лауры, ночные кошмары дочку мучить почти перестали. Пожалуй, вскоре придется сказать, что курс подошел к концу. При этой мысли Робин ощутила печаль – сеансы с Лаурой доставляли ей удовольствие.

Девочка вручила ей пластмассовую тарелочку и вилку.

– Все, готово! Я еще добавила несколько картофельных оладий.

– Ух, слюнки текут! – Робин притворилась, что ест воображаемое блюдо. – Правда вкусно!

Лаура радостно улыбнулась и, отвернувшись от кухоньки, огляделась. Робин следила, как девочка осматривает уже привычную ей игровую зону.

Стены комнаты были выкрашены в кремовый оттенок, на полу лежал бледно-голубой ковер, а занавешенное окно пропускало внутрь достаточно солнца. Робин сделала все, чтобы цветовая гамма настраивала детей на спокойный лад. Вдоль одной из стен шел ряд из

четырёх полок, заставленных пластмассовыми игрушками. С другой стороны стояла миниатюрная кухонька, пластиковый столик, за которыми обычно сидят врачи, и кукольный домик. У окна Робин пристроила маленькую песочницу и небольшой желтый стол с разложенными на нем цветными карандашами, бумагой и акварельными красками.

Лаура двинулась к песочнице.

– Можно я здесь немного поиграю?

– Конечно, если хочешь.

Девочка знала, что в игровой зоне ни с какими ограничениями не столкнется – именно этого Робин и добивалась. Осознание полной самостоятельности и контроля над обстановкой для процесса лечения значили очень многое.

– Во что будем играть? – спросила Лаура, остановившись у песочницы, и Робин подошла ближе.

– Хм... Например, в «До и после». Не возражаешь?

– А что это за игра?

Робин присела на корточки рядом с маленькой пациенткой, и их головы оказались на одном уровне. Взглянув на девочку, она вспомнила свою фотографию в рамке, висевшую в гостиной у матери. На фотопортрете ее лицо было круглым и пухлощеким; большие карие глаза полны любопытства, рыжие волосы рассыпались по плечам... Теперь детская округлость пропала, хотя мать настаивала, что Робин все еще следует «работать над собой». Что именно она имела в виду – непонятно.

Лаура застыла в ожидании, и Робин начертила на песке две линии, разделив песочницу на три равные части.

– В «До и после» играют так: здесь будет «до», – указала она на левую сторону. – Возьми с полки игрушки и расставь их так, чтобы я поняла, как ты себя чувствовала до исчезновения Кэти.

Девочка задумчиво посмотрела на песочницу, затем подошла к полке с игрушками и внимательно их изучила. Робин следила, как она выбирает фигурки. В прошлом году сеансы посещали четыре ребенка из ее родного Бетельвилля – и всех привели к ней в результате похищения Кэти. А если считать ее племянницу Эми, лучшую подружку пропавшей, – то и все пять. Как и взрослые жители городка, дети испытывали приступы страха и неуверенности после исчезновения девочки – правда, в отличие от своих родителей, имели

весьма смутное представление о произошедшем. Вчера подружка была здесь, а сегодня куда-то делась... Родители и учителя в подробности не вдавались. Кэти так и не нашли, потому версии по Бетельвиллю гуляли самые противоречивые. Детям говорили, что она умерла, уехала в путешествие или потерялась. Когда ребяташки начинали обсуждать случай с Кэти в школе, гипотезы переплетались и лишь усиливали страх и смятение. Похитителя не поймали, и он превратился в зловещее чудовище, которое таится в шкафах или под детскими кроватями и – того и гляди – придет за новой жертвой.

Лаура вернулась к песочнице с полной пригоршней игрушек и поставила их на песок.

– Это ребята из школы, – объяснила она, – а вот это мы с Кэти.

Поместив фигурки двух девочек бок о бок, Лаура развернула их так, словно те держатся за руки.

– Девочки выглядят веселыми.

– Они неразлучны. Любят встречаться в парке, ходят друг к дружке с ночевкой...

– По-моему, остальные дети тоже счастливы? – полувопросительно заметила Робин, посматривая на расставленные пациенткой игрушки.

Фигурок мальчиков и девочек в кабинете имелось всего восемь, и Лаура дополнила группу чем пришлось, взяв с полки Губку Боба, Дональда Дака и Питера Пэна.

– Они играют в догонялки, – придумала Лаура. – Все счастливы, потому что еще не знают.

– Не знают чего?

– Не знают, что иногда с детьми случается что-то ужасное, – пробормотала Лаура. Поставив с краю фигурки пожарного и балерины, она пояснила: – Мои родители.

– Они тоже держатся за руки.

– Ага. Мама с папой никогда не ругаются и не боятся ни плохих людей, ни разных вирусов.

Подобно многим пациентам Робин, Лаура связывала между собой пандемию и похищение Кэти, хотя пандемия началась за год до потрясшего город события. Обе катастрофы обрушились словно волны цунами, и Бетельвилль под их ударами пошатнулся.

Лаура осмотрела фигурки, а затем придвинула двух девочек еще ближе друг к другу и сообщила:

– Готово.

– Отлично. – Робин указала на среднюю часть песочницы. – Сюда мы поставим игрушки, которые покажут нам, как ты себя чувствовала после исчезновения Кэти.

– Можно передвинуть несколько фигурок из «до»? – Девочка глянула на нее.

– Если это необходимо – то да.

– Ага, хорошо.

Немного повременив, Лаура снова пошла к полкам и остановилась в раздумьях.

Именно подобную цель и преследовала игровая зона в кабинете Робин. Взрослые могли поведать психотерапевту о тяжелых и болезненных для них событиях, осмысливая их в разговоре, а вот детям вербальный компонент давался хуже. Просто сообщить – мол, лучшая подружка Кэти пропала, и никто не знает, куда она делась, – еще не значит рассказать о своих эмоциях, о чувстве потери. Лежа ночью в кровати, ребенок боится, что с ним случится то же самое. Детскими репликами не передать обиду на родителей, не дающих своему чаду прямых ответов.

Робин же предоставляла маленьким пациентам место, где те могли поделиться своими опасениями самым естественным для себя способом: кто-то выражал внутренние страхи в игре, другие – в рисунках. Робин мягко подталкивала их в том направлении, на котором необходимо сосредоточиться.

Лаура вернулась с пластмассовым малышом и заборчиком от игрушечной фермы. Малыша она поставила в центр средней части и огородила его забором.

– Ребенок выглядит одиноким, – проговорила Робин.

– Ну да. – Лаура поправила заборчик. – Она и правда одинока. Все время плачет.

– Наверное, ей страшно одной...

Девочка поместила две изображающих родителей игрушки за ограждением, но по разные стороны.

– Родители не выпускают ее из дома... – Она вздохнула. – Говорят, так будет лучше. Надо сидеть в домике, потому что за ней охотятся

плохие люди. И с другими детьми играть нельзя – вокруг полно вирусов.

– Родители ее защищают.

– Ага.

– За руки они теперь не держатся...

– Не держатся. Все время грустят и ругаются. Мамочка хочет куда-нибудь переехать, но папочка говорит, что дочке нужно встречаться с друзьями. Мама с ним спорит и часто плачет. А девочка скучает по подружке, не знает, что с ней случилось...

Лаура погрузилась в молчание. Робин собралась продолжить разговор, но девочка поднялась и снова направилась к полкам. Выбрала Скелетора^[1] из сериала «Хи-Мэн» – зеленого скелетика в бордовом плаще. У Робин на полках имелось несколько подобных страшноватых игрушек – такие детям тоже требуются. Например, жестокий отец вполне может превратиться в пластмассового людоеда, а задиристая сестренка – в покрытую бородавками ведьму. Каждой из этих фигурок маленький пациент был вправе всячески манипулировать и даже их наказывать – таким образом у ребенка возникало чувство контроля над ситуацией, которого в обычной жизни ему не хватало.

Лаура поставила Скелетора в угол средней части песочницы и заявила:

– Это плохой человек.

– Маленькая девочка боится плохого человека, – сказала Робин.

– Ага. Он хочет ее украсть.

Робин молча ждала продолжения, и Лаура подняла взгляд.

– Не хочу играть в «после».

– Ладно, – кивнула Робин.

Хорошо, что Лаура вообще согласилась на подобную игру – как ни крути, это большой шаг вперед. Прошло немало времени с начала лечения, прежде чем она нашла в себе силы побеседовать о Кэти, не говоря уж о самом факте ее исчезновения. Более того, еще на последнем сеансе Лаура этой теме старалась избегать, а вот сегодня, как ни странно, открылась.

Робин указала на третью полосу:

– А вот здесь мы придумаем кое-что новенькое. Покажи, как ты себя чувствуешь прямо сейчас – ведь плохие сны тебе больше не

докучают, да и о Кэти мы уже говорили не раз.

Лаура передвинула фигурки родителей в третью часть песочницы и разместила их рядом друг с другом, хотя и не слишком близко – за руки на таком расстоянии не возьмешься. Затем взяла с полки новую игрушку – на этот раз Чудо-женщину. Поставила фигурку около родителей, и ее лицо осветилось лукавой улыбкой.

– Ага, девочка выросла, – улыбнулась в ответ Робин.

– Теперь она смелая. Знает, что плохой человек не причинит ей зла. Опять начала встречаться с подружками.

Забрав фигурки детей из первой части, Лаура расположила их вокруг Чудо-женщины и родителей.

– Похоже, мама с папой стали веселее?

– Ну да. Им больше не нужно каждую ночь подходить к кровати дочки, поэтому они чувствуют себя лучше.

Лаура переместила из части «после» заборчик и поставила его полукругом вокруг Чудо-женщины.

– А забор все-таки остался, – огорчилась Робин.

– Остался. Иногда девочка за ним прячется – когда грустит или скучает по подружке.

– Понятно, – мягко произнесла Робин.

К счастью, Скелетор в третьей части игры не появился.

Некоторое время они играли фигурками в песочнице, а потом Робин обратила внимание, что ее самой на игровом поле нет, и Лаура, захихикав, выбрала фиолетового тролля. Правда, тут же извинилась за шутку и заменила тролля на Барби. Фигурки Чудо-женщины, Барби и родителей она поставила кружком – вроде как все четверо собрались за ланчем.

Затем Робин предложила закончить игру, и девочка принялась рисовать Кэти – уже не в первый раз за последнее время. Обычно подружка получалась у нее улыбающейся, с ангельскими крылышками на спине и обязательно в каком-нибудь красивом месте. Лаура объясняла, что Кэти умерла и теперь живет на небесах. Похоже, такое объяснение ее успокаивало, и Робин испытывала удовлетворение: наконец в душе пациентки воцарился мир.

Через несколько минут в дверь позвонили.

– Наверное, пришла твоя мама, – улыбнулась Робин.

– Но ведь я еще не дорисовала! – возмутилась Лаура, сосредоточившись на прическе ангела Кэти.

– Ничего, время у тебя есть – мы пока поболтаем.

Робин вышла из игровой комнаты, и в открытую дверь тут же ворвался большой американский бульдог.

– Менни! – прикрикнула на него Робин. – Ну-ка брысь отсюда!

Помахивая хвостом, собака подошла к столику и обнюхала Лауру. Та засмеялась и выставила вперед руки:

– Фу, щекотно!

– Выходим, – приказала Робин, схватив бульдога за ошейник, и вывела его из комнаты.

Оставляя Менни наедине с Лаурой она не боялась – ее питомец ни за что человека не обидел бы. Другое дело игрушки. Пес имел неприятную привычку воровать их и пережевывать до неузнаваемости. Особую страсть он питал к пластмассовым стетоскопам, и Робин уже три раза приходилось покупать новый.

Притворив дверь, она отпустила Менни и пошла открывать. Стоявшая на крыльце Бет здорово походила на игрушечную балерину, которой обозначила ее в игре Лаура: такая же худенькая, жилистая, с забранными в пучок черными волосами.

– Здравствуй, Бет, – приветствовала ее Робин. – Лаура в игровой комнате, хочет закончить рисунок.

– А, ну и отлично, – отозвалась мать пациентки, отступив на шаг, когда Менни обнюхал ее лодыжку. – Как она сегодня?

– Неплохо, – улыбнулась Робин. – По-моему, ей гораздо лучше.

– Так и есть, – подтвердила Бет. – Кошмаров не было уже восемь дней. Новый рекорд! И о Кэти она теперь говорит гораздо больше.

– Хороший признак, – согласилась Робин. – Помнишь, когда она пришла в первый раз, даже имя подружки произнести отказывалась. Любое упоминание о Кэти тут же пробуждало в ней тревогу.

– Еще как помню! И все равно не люблю говорить с ней на эту тему. Не хочу, чтобы Лаура заикливалась на смерти малышки. Мало ей переживаний – на прошлой неделе в школе опять репетировали, как вести себя при вооруженном нападении! Да еще ребята постоянно обсуждают этот проклятый ковид...

– Что делать, он прочно вошел в нашу жизнь.

– И все же... Им бы в таком возрасте болтать о мультиках да о днях рождения, а не о социальной дистанции и ненормальных стрелках... Кстати, слышала о видео, которое ходит по школе?

– Что за видео?

– Какой-то парнишка нашел в интернете ролик об убийстве той бедной девочки. Ну, в последних выпусках показывали. Хейли... хм, забыла фамилию.

– Хейли Паркс...

Робин, как и все жители городка, напряженно следила за новостями о страшном происшествии. Две недели назад участники туристического похода обнаружили на юге Индианы тело двадцатисемилетней Хейли Паркс, оставленное убийцей в лесу Кларк. Убийство блогера с сорока тысячами подписчиков, естественно, привлекло повышенное внимание. Ее видеоролики, снятые за несколько дней до смерти, пользовались большой популярностью в Сети. Обстоятельства гибели Хейли вселяли страх – девушку убили ножом, а затем повесили на дереве. Робин видела одну жуткую, хоть и не слишком четкую фотографию, и образ несчастной преследовал ее до сих пор.

– Точно, Паркс... – Бет вздохнула. – В общем, видео и фотографии с места преступления очень натуралистичные – пятна крови и все такое... Пока учителя не спохватились, ролик посмотрела целая куча детишек.

– О господи... Лаура тоже видела?

– Слава богу, нет, зато слышала, как дети о нем рассказывали. Она очень напугана.

– Хм, а на сегодняшнем сеансе ее страхи никак не проявились, – удивилась Робин.

– Вот и прекрасно. Знаешь, если... А, вот и ты, милая! – При виде выскочившей из игровой комнаты Лауры тревогу на лице Бет тут же сменила улыбка. – Ну, готова идти домой?

– Ага, – отозвалась девочка и вручила матери рисунок. – Смотри, мам, я нарисовала Кэти!

Пока Бет восхищалась творчеством дочери, Робин присмотрелась к ее произведению. Как и прежде, Лаура изобразила Кэти с крылышками, но сегодня добавила еще нимб вокруг головы и

маленькие розовые туфельки, от которых по спине Робин пробежал
холодок. Она вспомнила, где их нашли больше года назад.

Глава 3

Народу в кафе «У Джимми» было битком. В основном посетители сидели на улице, наслаждаясь приятным деньком. Держа Менни на поводке, Робин зашагала к входу, внимательно поглядывая на столики. Не стоило приходить минута в минуту – если договариваешься о встрече с Мелоди, лучше опаздывать на полчаса, и то сестра появится еще минут через пятнадцать, не раньше. Придется теперь сидеть одной, скрашивать ожидание чашечкой кофе и...

Ого! А кто это болтает по телефону за столиком слева?

– Смотри, какие люди! – обратилась она к Менни.

Пес радостно завилял хвостом и, путив нечаянную струйку слюны, шумно облизнулся.

Робин начала пробираться к Мелоди, и та, заметив ее, махнула рукой, хотя телефон от уха не отняла. Сестра сегодня нарядилась в свободное черное платье и нацепила огромные черные очки. Каштановые волосы длиной до плеч были, как всегда, уложены в безупречную прическу. Солнечный луч, отразившись от унизывающих ее пальцы колец, пустил несколько веселых зайчиков.

– Нет, не в корзине для белья. В шкафу, в их комнате, на третьей полке. На третьей! Да, сверху. Фред, ты вообще понимаешь, что я говорю? Мне до лампочки. Скажи ему заткнуться и слушать внимательно! На третьей полке. Нет, ты не можешь отправить их в обычной одежде. Для Малой лиги требуется форма, вот почему. Да, это твоя проблема! Ты ведь не хочешь, чтобы тренер отчитывал их из-за твоей безалаберности? Третья полка сверху! И, пожалуйста, проверь, чтобы Шейла подготовила отчет о прочитанной книжке до того, как за ней пойдет подружка. Что там за шум у вас? Почему это они играют с пылесосом? Третья полка, третья!

Сестра никак не могла закончить разговор, и Робин откинулась на стуле, поглядывая на улицу. Напротив кафе находился салон красоты «Санни». Во времена ее детства там была другая вывеска – «Этель». Мать каждые два месяца водила туда обеих дочерей. Сперва они стриглись, а потом заглядывали к Джимми, позволяя себе чашечку горячего какао и шоколадное пирожное. Этель умерла восемь лет

назад, и мать миллион раз сетовала, что новому салону не хватает стиля. Сейчас за его окном делали прическу две женщины, и ни одну из них, похоже, отсутствие изюминки не беспокоило.

– Нет, я не разрешаю Шейле тусоваться с подружками, Фред. Скажи ей, что я запрещаю! Ей надо подготовить отчет о книге – завтра его уже сдавать. Что значит «уже ушла»? Всё, я кладу трубку.

Мелоди с отвращением бросила телефон на столик и повернулась к сестре.

– Ничего мужчинам доверять нельзя!

– Они неисправимы, – согласилась Робин. – Значит, Фред сегодня дома?

– Ага. Сейчас он может работать удаленно два дня в неделю. Вот, пробуем новую модель – называется «по вторникам мамочку не трожь, иначе развод».

– Хорошее название, берет за душу... Менни, прекрати! И что же происходит в этот особый вторник?

– Фред остается дома и занимается детьми. – Мелоди потрепала пса по мощному загривку, и тот от наслаждения зажмурился. – А я получаю день в свое полное распоряжение.

– Что ж, очень мило. – Робин вытащила телефон из сумки и положила на столешницу.

– Начали на прошлой неделе. Надеялась, что смогу выделить часок на дневной сон, но не тут-то было – дети по очереди ломались в спальню, поэтому сегодня надумала повидаться с тобой. Так теперь они решили изводить меня звонками.

– Хм, понимаю, почему ты пришла вовремя...

– О чем это ты? Я никогда не опаздываю. – Пес вновь пустил щедрую струю слюны, и Мелоди отдернула руку. – Фу, Менни!

Они на минутку погрузились в уютное молчание. Робин вздохнула. Так бы и сидела в тишине и спокойствии... Однако ничего не поделаешь – есть один не слишком приятный разговор.

– Послушай, – начала она.

– О господи... – застонала Мелоди.

– Что? Я пока и слова не сказала!

– И не надо! По твоему специальному психотерапевтическому тону сразу понятно: речь пойдет о Диане.

– Нет у меня никакого специального тона! – запротестовала Робин.

– Еще как есть! Вещаешь, словно учитель в школе, который хочет, чтобы я взялась за ум.

– Я вовсе не так общаюсь с пациентами.

– А, значит, эти интонации только для меня?

– Ты не ошиблась, – Робин скрестила руки на груди. – Я действительно собиралась поговорить о маме.

– Чего ей надо? – хмыкнула Мелоди.

– Ты должна ей позвонить.

– В смысле? Я ей звонила несколько дней назад.

Мелоди упорно называла мать по имени. Своего рода бунт, начавшийся еще в подростковом возрасте. Мать каждый раз приходила в негодование. Дальше – хуже: все четверо детей Мелоди тоже звали ее исключительно Дианой. Мать возлагала вину на Робин – ведь у той не было детей, которые могли бы обращаться к бабушке как положено.

– Этого недостаточно, Мелоди. Когда ты о ней забываешь, досаду она вымещает на мне. Это ведь не новость.

– Ты тоже звонишь ей не каждый день.

– Зато часто заглядываю.

– Ну, она не горит желанием меня видеть.

Робин свернула салфетку и начала рвать ее на мелкие кусочки.

– Только не надо, сестренка! Сама знаешь, почему она тебя не приглашает, – ты якобы не сделала прививку своим детям. Во всяком случае, мама в этом уверена.

– И что?

– Мелоди, они же вакцинировались несколько месяцев назад!

– Допустим, однако ей-то какое дело?

– Долго собираешься водить ее за нос? – Робин закатила глаза.

– Хоть еще немного, – оправдывающимся тоном забормотала Мелоди. – Слушай, я не могу зайти к матери прямо сейчас. У нас все нормально – мы перезваниваемся каждые несколько дней. Мне так легче, чем ходить к ней в гости.

– Тебе, может, и легче... – Робин скомкала обрывки салфетки. – Позвони ей. Сегодня же.

– Ладно, договорились.

Чувство умиротворения не вернулось; впрочем, Робин на это и не надеялась. С Мелоди всегда так.

К их столику неторопливо подошел сам Джимми.

– Ну и ну! Надо же, сестры Харт сегодня вместе в моем заведении!

Робин ответила ему улыбкой. Джимми владел кафе, сколько она себя помнила. В детстве родители праздновали здесь ее дни рождения, а потом Робин часто заглядывала сюда с подружками после школы. Было время, когда она просто сходила с ума по шоколадным пирожным Джимми с горячей помадкой – фирменному местному десерту, который хоть раз в жизни пробовал каждый обитатель Бетельвилля. В те дни черный, как ночь, кофе от Джимми помогал ей продержаться до вечера.

Владелец кафе отличался пышными усами, буйной – уже совсем седой – гривой волос и лохматыми бровями. Подобная внешность в сочетании с очками делала его похожим на одного из персонажей Диснея – Джепетто^[2].

– Я ошибаюсь, или в вашей беседе прозвучало имя Дианы? – осведомился он. – Вам следовало бы ее пригласить. Все три дамы Харт в кафе у Джимми – вот было бы дело! Давненько такого не видел.

Робин приложила некоторое усилие, чтобы сохранить улыбку, хотя предложение привело ее в ужас.

– Да, пожалуй, как-нибудь...

– Обязательно пригласим, – равнодушно бросила Мелоди.

– Вам никто не говорил, что у вас обеих материнский голос? – продолжал Джимми.

– В самом деле? – откликнулась Робин. Владелец кафе повторял это миллион раз.

– У Дианы голосок соловья, – с мечтательной улыбкой пробормотал Джимми. – Так хочу ее снова услышать...

– И не говорите, – поддержала его Мелоди.

– Джимми, я тут собиралась принять у них заказ, – заявила подошедшая племянница хозяина, Элли.

Недавно окончив колледж, жизнерадостная, вечно улыбающаяся девушка в свободные вечера подрабатывала у дяди. Сегодня она красовалась в черной тунике поверх блузки в горизонтальную полоску. Когда Робин была в ее возрасте, подобный узор при пышной, как у

Элли, комплекции считался совершенно невыносимым. Все знали – такой наряд толстит. Впрочем, Элли подобные соображения, судя по всему, не беспокоили.

– Да ну? Что-то не похоже, – проворчал Джимми. – Робин уже давно сидит за пустым столиком, а Мелоди допила свой кофе.

– Дядя, я действительно шла к их столику, но ты меня опередил.

– Хм, а мне показалось, ты копаешься в телефоне... Вы, миллениалы, настолько одержимы интернетом, что забываете, каким должно быть хорошее обслуживание.

– Сто раз тебе говорила – никакой я не миллениал! – Элли закатила глаза. – Когда слышу о миллениалах, сразу кажется, что... э-э-э... речь идет о стариках. Без обид, ладно? – Она бросила взгляд на Робин и Мелоди.

– Никто и не обижается, – ухмыльнулась Робин.

– Так, теперь мы оскорбляем клиентов, – снова заворчал Джимми.

– Робин, что вам принести? – спросила Элли, не обращая внимания на брюзжание дяди.

– Кофе, если можно.

– Хорошо. Мелоди, еще капучино?

– Да, пожалуйста.

– Капучино с обычным молоком? – встрял Джимми.

– Дядя, ради бога!..

– У вас есть не только обычное? – заинтересовалась Мелоди.

– Дай волю моей племяннице – и у нас тут будет куча разных видов, – хмыкнул Джимми. – Например, миндальное молоко, соевое, молочная паста...

– Молочная паста – это совсем другое, – поправила Элли.

– Она настаивает, чтобы я предлагал посетителям поддельное молоко, представляете? Как вообще можно доить миндаль? Вымя у него, должно быть, совсем крошечное...

Робин расхохоталась.

– Куда ни кинь, везде продают альтернативные молочные продукты, – возразила Элли. – Ты все шутишь, а ведь некоторые люди не переносят лактозу. И не забывай о веганах...

– Может, тебе такое и подавали в колледже, пока ты тратила время на сочинение сценариев и снимала свои модные фильмы. Но в реальном мире пьют настоящее молоко. А если не переносят лактозу –

просят черный кофе, вот как Робин, например! Молоко – штука полезная, в нем содержится кальций.

– Да ладно! Давно доказали, что это нездоровый продукт. Кстати, в альтернативном молоке тоже есть кальций.

– Молочная промышленность по вине твоего поколения приходит в упадок, Элли.

– Хорошо... – Девушка почесала нос. – Значит, один черный кофе и капучино с настоящим коровьим молоком, так? Поддержим молочные заводы!

– Все правильно, спасибо, – посмеиваясь, произнесла Мелоди.

– А что изволит заказать джентльмен? – осведомился Джимми, поглядывая на собаку.

Менни радостно фыркнул.

– Может, миску воды? – предложила Элли. – Сейчас сделаем, сэр.

– Отсыпь ему собачьего печенья, – посоветовал Джимми. – У нас есть немного в...

– На верхней полке шкафчика, знаю, – перебила его Элли и, присев на корточки перед псом, почесала его между ушами, а затем взглянула на Робин. – Шутку о вымени миндаля я за последние два дня слышала раз двадцать.

– Я не рискнула бы предлагать Джимми изменить привычное меню, – ухмыльнулась Мелоди.

– Всего-то один раз и осмелилась – сказала, что можно попробовать соевое молоко. А теперь круглые сутки выслушиваю его тирады...

Мелоди посмотрела через плечо сестры, и ее улыбка вдруг пропала. Обернулась и Робин.

Между столиков пробиралась Клэр Стоун.

Она всегда была стройной, однако за пятнадцать месяцев, прошедших со дня исчезновения дочери, похудела до неузнаваемости, а тоскливые глаза совсем провалились в глазницы.

– Привет, Клэр! – хором поздоровались сестры.

– Привет, – кивнула та и фальшиво улыбнулась.

Вела Клэр себя странно – будто сохранила память о нормальном человеческом общении, однако способность применять прежние навыки отчасти утратила. Слабо махнув рукой, она остановилась.

– Доброе утро, – нарушила неловкое молчание Робин.

Едва не спросила – как, мол, дела. Вовремя прикусила язык – подобный вопрос прозвучал бы... неправильно. Ответ напрашивался сам собой: плохо.

Женщины замялись. Мелоди была к ней ближе других – ее дочка Эми дружила с маленькой Кэти Стоун. Мелоди не раз разговаривала с Клэр после исчезновения дочери, пыталась поддержать подругу. Элли и Робин общались с несчастной матерью постольку поскольку: Элли иногда присматривала за Кэти, Робин же училась с Клэр в одном классе.

В городке жило всего-то пять тысяч человек, и многие были между собой знакомы, однако Клэр в связи с пропажей Кэти теперь знали все без исключения. Похищение девочки стало главной темой разговоров – его обсуждали при встречах, о нем шептались на кухнях. У каждого имелась своя зловещая гипотеза. «Я бы на ее месте...» – говорили одни. «Со мной такого никогда не случилось бы», – заявляли другие. Сплетни получили новый импульс, когда выяснилось, что полиция изучает родственников и друзей Стоунов, ведь никаких признаков борьбы при похищении не обнаружили. Похоже, Кэти пошла с похитителем добровольно.

Сперва исчезновение девочки стало для горожан общей психологической травмой. В поисках принимали участие решительно все – каждый делился своими мыслями в социальных сетях и пытался помочь Клэр с Питом чем только можно. Со временем надежда на возвращение Кэти начала таять, не рассчитывали обнаружить даже ее останки, и несчастная мать стала живым памятником постигнутому Бетельвилль несчастью. Пит более или менее пришел в себя, а Клэр застряла в том ужасном дне, переживая его снова и снова. То же самое испытывали и все знакомые при встрече с ней: каждый принимался вспоминать, чем занимался, когда пришла страшная весть о Кэти.

Клэр изобразила бледную тень прежней улыбки и пошла дальше.

– Она к нам теперь почти не заходит, – прошептала Элли.

– Наверное, ей неприятны любопытные взгляды, – предположила Робин.

– Слышала, Пит в эти выходные уехал? – пробормотала Мелоди. – Перебрался в Индианаполис.

– Слышала, – сказала Робин, бросив взгляд на бывшую одноклассницу, остановившуюся у стойки поговорить с Джимми.

– Фреду он заявил, что больше не может, – продолжила сестра. – Хочет, дескать, начать все с чистого листа в месте, которое не будет постоянно напоминать ему о Кэти.

Пит частенько играл в бильярд с мужем Мелоди и бывшим супругом Робин. Мужчины в маленьком городке старались держаться друг друга.

– Сложно представить, каково им пришлось, – вздрогнула Элли.

– Фред рассказывал, что Пит не находит в себе мужества проехать мимо тридцать первого леса, – вздохнула Мелоди. – Если ему надо в ту сторону – делает крюк.

Лесной массив в западной части Бетельвилля в народе называли по номеру 31-го федерального шоссе, по которому обычно выезжали из города. Наверняка у леса было и официальное наименование, однако о нем никто не вспоминал. Популярностью в качестве места для прогулок он не пользовался – в городе имелось достаточно приятных парков. А после исчезновения Кэти так и вовсе обрел дурную славу, поскольку именно там нашли туфельки несчастной девочки.

Примерно в миле к югу от Бетельвилля проходила узкая грунтовая дорога, ведущая в лес. Сверху ее прикрывали кроны деревьев, и легко было проскочить мимо, если не знаешь, где искать. Грунтовка заканчивалась у давно покинутого, пришедшего в упадок фермерского дома. Городские подростки порой забредали в развалюху, где втайне баловались похищенным у родителей алкоголем или, устроившись у костерка, покуривали «травку» – наслаждались ощущением независимости. Бывало и так, что в тех местах находили использованные шприцы и гильзы, говорившие о не столь невинных развлечениях.

Через четыре дня после исчезновения Кэти полиция обнаружила в заброшенном фермерском доме ее заляпанную грязью обувь, после чего пошли слухи о педофильских порножурналах, окровавленном ноже и длинной толстой веревке. Робин лично слышала немало теорий относительно произошедшего в развалинах. И все же достоверно было известно лишь о туфельках, которые стали указанием на последнее местонахождение Кэти. Народ склонялся к тому, что убийца закопал тело девочки в тридцать первом лесу, хотя полиция прочесала весь массив со служебными собаками и ничего не нашла.

– Наверное, Клэр действительно стоит начать жизнь с нуля, – снова заговорила Элли. – Интересно, почему она не переехала вместе с Питом?

Они молча посмотрели друг на друга. По небу проползло облако, и яркий солнечный день утратил краски, словно Клэр заразила его своим унынием.

– Она не уедет. – Мелоди пожала плечами. – Она ждет, когда вернется Кэти.

Глава 4

Что бы ни задумала Клэр – все требовало от нее огромных усилий.

Иной раз она задавалась вопросом: почему люди не могут полностью представить себе многочисленные компоненты, из которых состоит каждая задача? Например, сидят они в гостиной с Питом, и тот говорит – схожу, мол, в туалет. Клэр хочется ответить, что это не так просто, как кажется. Надо встать с кресла, сделать шестнадцать шагов, открыть, а затем закрыть дверь, запереться и... не вдаваясь в лишние подробности, совершить ряд разных действий, зависящих от цели посещения туалетной комнаты. Потом нажать на кнопку бачка, помыть руки, откинуть защелку, открыть дверь, вернуться в гостиную (шестнадцать шагов) и снова сесть в кресло. А муж говорит: «Схожу в туалет»...

То есть – говорил. До отъезда в Индианаполис.

Сама Клэр туалет теперь посещала нечасто. Одного раза в день вполне хватало. Некоторые общепринятые элементы этой процедуры она опускала – ей было все равно.

Раньше все давалось гораздо легче. Не только поход в туалетную комнату – вообще все. Представить только, как много ей удавалось сделать за день! Даже первые дни после похищения Кэти Клэр безостановочно печатала листовки, звонила в полицию, связывалась с частными детективами и даже со служившим в ФБР дальним родственником. Время шло, и в ее жизни появились другие персонажи – журналисты, эксперты, экстрасенсы и...

Боже, о чем она только думает? Совсем потеряла нить. Обычное дело: теперь ей практически не удавалось сосредоточиться. Идет куда-нибудь – и остановится, вспоминает: куда направлялась? Вот как сейчас – застыла в дверях спальни, а зачем сюда пришла?..

Она уставилась на прикроватную тумбочку Пита. Чистая, пустая, только лежит забытый зарядник для телефона. У мужа их был целый десяток, валялись по разным углам по несколько штук, безнадежно перепутавшись проводами. Куда ему столько? Откуда они все взялись?

Зачем вообще покупать их в таком количестве? От одной только мысли об этой загадке Клэр обессилела.

После исчезновения дочери на нее обрушилась буря эмоций. Вина, грусть, гнев, надежда (за которой всегда следовало глубокое разочарование), желание действовать...

Способен ли человек долго жить в таком эмоциональном водовороте?

Клэр выдержала семь месяцев.

Могла и дольше – была бы поддержка, – но друзья и знакомые один за другим приходили к выводу: Кэти мертва. Началось с горожан, затем неверием заразились полиция, семья и, наконец, Пит – вот уж кто предал, так предал. Клэр все чаще слышала от него: надо жить дальше. То есть оставить надежду. Так проще – все ведь смирились. Почему она не может?

Потому что неверие равносильно предательству. Пит этого так и не понял. Отсутствие надежды несправедливо по отношению к Кэти. Если дочь жива – значит, кто-то должен верить в благополучный исход, кто-то должен искать ребенка! В противном случае она, считай, мертва, даже если это и не так. До тех пор, пока Клэр будет думать, что шансы есть, огонек веры не погаснет.

И она надеялась всей душой, а в результате совсем лишилась сил.

В кухне зазвонил телефон. Придется идти к нему в другой конец дома...

На звонки у нее теперь выработался чисто физический рефлекс – она съеживалась, как от удара, и одновременно в душе поднималось отвращение. Потому что каждый раз в течение последних пятнадцати месяцев, когда оживал телефон...

Каждый раз Клэр трепетала: вдруг это по поводу Кэти? Пыталась подавить робкую надежду, но та предательски закрадывалась в сердце. Шла к телефону, едва не переходя на бег. Хотела ответить спокойно, однако дыхание перехватывало.

Обычно беспокоили из банка, или звонила мать Пита, либо кто-то ошибался номером. Так или иначе, ее неизменно ждало горькое разочарование.

Вот почему и сейчас рефлекторно включилось чувство безнадежности и утраты. Клэр подсознательно запрограммировала себя на ненависть к терзающим нервную систему звонкам. Считала

телефон хищником, и в мозгу ярко высвечивалось: *внимание, опасность!*

Она прислушалась. Пока дойдет до кухни, звонок оборвется. Прислушивалась и посматривала на шкаф, с полок которого Пит неделю назад скидывал вещи в чемодан.

Он предлагал ей уехать вместе. Клэр в сотый раз повторила, что никуда не поедет: если дочь найдут, она должна быть здесь. Кэти наверняка рассчитывает вновь оказаться в своей старой комнате...

Перед расставанием они поругались последний раз. Пит настаивал, что Кэти больше нет – Клэр на него накричала. Как он смел оставить надежду?

«Надежду? – фыркнул муж. – Хочешь сказать, сама не отчаялась? По тебе не скажешь!»

Конечно, он был прав. Пожалуй, Клэр выразилась неправильно. Как передать ощущение жизни в реальности, из которой ушли все краски? Порой она понимала, что прожила несколько часов подряд без единой связной мысли. Наверняка психотерапевт назвал бы ее состояние депрессией, только депрессией тут и не пахло.

Клэр просто хотела вернуть свою дочь.

Телефон умолк. Она тяжело вздохнула и слегка расслабилась. Лечь спать? Время уже позднее.

В кухне снова раздался звонок.

Стиснув зубы, Клэр резко развернулась, с трудом доплелась до телефона и подняла трубку. Банк, конечно. Или одна из еще оставшихся подруг – хочет спросить, как ей без Пита.

– Алло...

– Здравствуйте, это Клэр Стоун?

Голос мужской, довольно официальный. Точно банк.

– Да, слушаю.

Она прислонилась к стене.

– Э-э-э... Вы ведь мама Кэти Стоун?

Клэр заморгала. Секунда шла за секундой, а ей никак не удавалось выдать ни слова.

– Д-да... – наконец выдохнула она.

– С вами говорит инспектор Перес из управления полиции Джаспера. Миссис Стоун, мы нашли вашу дочь.

Глава 5

Войдя в дом матери, Робин почувствовала себя так, словно попала в довольно паршивый образец машины времени. Не в ту, что перенесет в восьмидесятые, где можно сходить на концерт «Куин», сделать ставку на уже известный тебе исход футбольного матча или прикупить акций «Майкрософт», а потом вести жизнь миллионера. Нет, эта машинка мысленно перекидывала на пару десятков лет назад, заставив вновь стать четырнадцатилетней девчонкой, способной лишь робко оправдываться в ответ на материнские тирады.

Пока не умер папа, все было куда лучше. Отец расспрашивал о будущей работе, об отношениях – словно закидывал крючок на несколько лет вперед, когда она превратится во взрослую женщину. Если сложить их с мамой характеры и поделить надвое, родители у сестер Харт были вполне сносные.

– Привет, мам, это я! – крикнула Робин, закрыв за собой дверь.

– Я в гостиной! – откликнулась мать.

Робин прошла по ярко освещенному коридору, украшенному двумя цветочными вазами. Живые цветы у матери в доме были всегда. Робин однажды поинтересовалась – как она может позволить себе подобную роскошь, и мать застенчиво намекнула, что покупает их не сама. Правда, потом сухо спросила – уж не беспокоится ли дочь о будущем наследстве.

Диана Харт сидела на диване, перелистывая фотоальбом, который Робин тотчас признала. Это же ее фотографии со свадьбы с Эваном...

Возникло невольное подозрение: она специально подстроила просмотр свадебного альбома к приходу дочери. Хотела ее задеть и тем самым подготовить почву для ссоры. Своего рода наказание за проступок – Робин не была у матери уже четыре дня...

Да ну, бред! Она ведь не звонила, не предупреждала о своем приходе. Значит, мать, заметив ее машину, метнулась в гостиную и шарила по шкафам, пока не нашла конкретный альбом? Успела сесть, открыть его ближе к середине, словно уже некоторое время рассматривала фотографии. Нет, никто так заморачиваться не стал бы. Робин ощутила угрызения совести: надо же, заподозрила мать в

совершенно ненормальном поступке... Ну, листала альбом – она это любит. Подумаешь, свадебные снимки дочери! Совпадение, и только.

– Отлично выглядишь сегодня, мам! – воскликнула Робин, стараясь компенсировать чувство вины.

– Как же вы были счастливы, – печально отозвалась мать. – Он просто красавчик! Повезло тебе тогда.

Выстрел был прицельным, каждая фраза мастерски выверена. Мать затейливо переплетала прошлое и настоящее: «были счастливы» – а теперь, значит, нет. А Эван до сих пор красавчик. Если Робин образумится, то еще может вернуть мужа. Ей «повезло *тогда*», но она засунула свою удачу псу под хвост.

Или мама ни на что не намекала? Всякий раз приходится ломать голову.

– Да, красивая была свадьба, – как можно естественнее откликнулась Робин и тут же, пытаясь не доводить дело до спора, добавила: – В этом синем платье ты смотрелась просто божественно. Оно ведь сохранилось?

Мать едва заметно улыбнулась. Похоже, комплимент сработал, и намечающийся конфликт удалось предотвратить. Или?..

– Боюсь, я его кому-то отдала. Слишком грустные воспоминания...

– О... Жаль. Ладно, я принесла тебе почту.

– Только что говорила с мамой Эвана, Глендой, – перебила мать, перевернув страницу альбома. – Оказывается, он еще никого постоянного себе не нашел. Встречается с кем-то, конечно...

– Ну и молодец.

– Ей кажется, что Эвану до сих пор нужна ты. Если попробуешь что-то изменить, наверное, он согласится на вторую попытку.

– Мам, я к нему не вернусь.

– Почему бы тебе не сходить к семейному консультанту? Думаю, Эван все устроит, он такой внимательный...

– Ни за что!

Губы матери задрожали.

– Зачем ты на меня кричишь? Я ведь хочу, чтобы ты была счастлива, всю жизнь к этому стремилась. Неделю от тебя ни слуху ни духу, а стоило прийти – сразу в крик...

Ее глаза наполнились слезами, и Робин принялась оправдываться:

– Я... я не хотела. Прости... – Присев рядом, она обняла мать за плечи. – И в мыслях не было тебя расстраивать. А потом – какая неделя? Мы ведь виделись в субботу.

– Для меня время тянулось просто нестерпимо. Да и в субботу ты заглядывала совсем ненадолго...

Робин стиснула зубы, пытаясь сдержаться, и все-таки выпалила:

– Ничего, сейчас наверстаем. Сегодня посвящу тебе все утро.

– Знаешь, Эван ведь и вправду чудесный парень. Любая женщина будет счастлива за него выйти, Робин. Любая! Он такой успешный... Если вы снова сойдетесь, тебе больше не придется беспокоиться из-за отсутствия клиентов.

– У меня и без этого все нормально, – возразила Робин, стараясь не обращать внимания на сквозящую в тоне матери иронию.

Когда бывший муж начинал карьеру фотографа, Робин уже имела стабильный доход. Мать тогда восхищалась цельной натурой Эвана – мол, старается зарабатывать любимым делом... Теперь же, по ее мнению, он добился успеха, а стало быть, дочери следовало забросить психотерапию и жить за ним, как за каменной стеной. Ей не приходило в голову, что Робин тоже любит свою профессию.

– Нормально? Ты уверена? Мелоди рассказывала... Впрочем, не важно.

Робин не попала на крючок, хотя наживка была заманчива. Что бы там ни говорила сестра, мать умело извращала ее слова, лишая их первоначального значения и превращая в колкости. Много лет назад она самозабвенно дирижировала ссорами между Робин и Мелоди, которые могли длиться по несколько дней. Теперь же дочери выросли, но... родительница все же могла потряхнуть стариной, хоть и не слишком часто.

Мать перелистнула еще страницу и улыбнулась. Тронула пальцем фотографию, на которой стояла с папой.

– Только погляди на него. Каким здоровым он тогда выглядел...

– Да уж...

Робин задержала взгляд на улыбающемся отце. Мать права: здоров, счастлив... На свадьбе она танцевала с папой и помнила, как тот сыпал шутками.

– А потом – один сердечный приступ, и все кончилось. – Мать тяжело вздохнула. – Страну как раз охватила пандемия...

Люди по всему миру тогда умирали от ковида, а отец имел наглость скончаться от инфаркта – с этим мама отчего-то никак не могла смириться. Похоже, считала, что неприлично было делать ее вдовой по столь обыденной причине.

– Во всяком случае, он не мучился, – привычно повторила Робин.

Она не раз слышала эти слова от врачей, от друзей и от родственников, да и сама их нередко произносила. Странно... Как будто быстрая смерть что-то меняла к лучшему!

– Да-да. – Мать не отводила взгляд от снимка. – А я была хорошенькая!

– Ты и сейчас ничего, – машинально откликнулась Робин.

– Ах, брось! Не лги, не надо щадить мои чувства.

– Нет, правда! Выглядишь хоть куда... Не понимаю, как тебе удается.

– В таких-то старых обносках? Сомневаюсь.

– Что на тебе за юбка? Никогда ее не видела. Очень современная! По-моему, я встречала нечто подобное в модном журнале.

Господи... Никуда от этого не деться! Необходимость расточать фальшивые похвалы просто сводила Робин с ума. Обязательная часть разговора с мамой... Та испытывала потребность раз за разом выслушивать дежурные дифирамбы. Привычно приbedнялась, заставляя дочерей возражать и сыпать все новыми комплиментами.

Попытки сменить тему или убедить маму, что ей вовсе не нужно выглядеть идеально всегда, неизбежно вызывали продолжительную истерику. Об аргументах типа «для своего возраста ты в прекрасной форме» не стоило и вспоминать. Когда Робин было восемь, мать спросила папу – не кажется ли ему, что новые туфельки зрительно утолщают ее лодыжки. «Не думаю, – неосмотрительно ответил отец, – но если тебя это беспокоит, надень другую пару». Мать бросила туфли в камин, да еще случайно подпалила штору. Потом целый вечер кричала на папу, а дочери прятались в комнате Мелоди, укрывшись с головой одеялом. После инцидента мать три дня не выходила из своей спальни и отказывалась принимать пищу. Робин до сих пор помнила, как отец молил о прощении сквозь закрытую дверь.

Впрочем, следовало признать: Диана Харт действительно выглядела прекрасно. Белокурые, с пепельным оттенком волосы пышной волной спадали на плечи, а макияж делал ее лет на двадцать

моложе. Одеты она всегда была стильно, и все же, помимо изысканной одежды, ей требовалась невидимая мантия, сотканная из комплиментов и восхищения.

Мать удовлетворенно вздохнула, перекинула еще одну страницу альбома и остановила взгляд на фотографии улыбающейся Робин в свадебном платье.

– Ты тоже тогда неплохо смотрелась, – с легкой ностальгией произнесла она.

– Ага...

– Помнишь, как дядя Дональд выпил лишнего и пытался станцевать со всеми твоими подружками? Старый развратник!

Робин ухмыльнулась и, придвинувшись к ней, заглянула в альбом.

– Помню. Я все боялась, что тетя Хильда выльет ему на голову кувшин воды.

– О да! – взвизгнула от смеха мать. – Хильда та еще штука... Странная пара! Надо сказать, что твой отец был лучшим представителем своей семьи.

– Да, точно.

Мать коснулась пальцем фотографии.

– Чудесная улыбка... Помнишь еще, как я перед сном заставляла тебя по пять минут чистить зубы? Всегда настаивала, чтобы ты регулярно посещала стоматолога... Вот и результат – твои зубки тогда были белоснежными.

– Пойду приготовлю чай. Налить тебе чашечку?

– Что?.. А, нет, спасибо, – отказалась мать и добавила вслед выходящей из гостиной дочери: – От чая образуется зубной налет.

На кухне Робин прислонилась к стене и сделала несколько глубоких вдохов. Пришлось напомнить себе: мать одинока, и после смерти отца ей было нелегко. С начала пандемии она избегала лишней раз выходить из дома и тем самым вынужденно отказалась от любимого образа жизни – попить кофейку с подружками, пройтись по магазинам...

Робин заварила чай и немного повременила, восстанавливая защитную броню, которая в основном сдерживала язвительные уколы. Однако в последнее время никак не удавалось избавиться от бессонницы, и из-за постоянной усталости она ощущала себя более уязвимой.

По пути в гостиную Робин задержалась у материнской спальни. Заглянула внутрь. Там все еще стоял самый притягательный объект ее детства – все такой же манящий и недоступный.

Трехэтажный кукольный домик в стиле викторианской эпохи красовался на большом столе. Три спальни, кухня, гостиная, ванная. Каждая из крошечных комнат была обставлена изящной, мастерски выполненной мебелью. Крохотные шкафчики и комоды таили в себе комплекты постельного белья и миниатюрные наряды. Маленькое пианино в гостиной могло при желании издать несколько нот.

Домик всегда был под запретом. Мама раз за разом объясняла детям – это, мол, не игрушка. Настоящий винтаж, причем очень недешевый. Если с ним играть – обязательно что-нибудь повредишь. Дочери ее умоляли, обещая соблюдать предельную осторожность, однако неизменно получали отказ.

Робин до сих пор иногда играла с домиком – разумеется, втайне от матери, опасаясь, что та ее вычислит. Однажды услышала шаги в коридоре и так перепугалась, что нечаянно сломала крохотный стульчик в игрушечной кухоньке. А потом...

Она отбросила воспоминания прочь и вернулась в гостиную. Ага, мать отложила альбом в сторону. Ну и слава богу.

– Знаешь, когда мы беседовали с мамой Эвана...

– Мам, я не хочу больше о нем говорить, хорошо? Пожалуйста...

– Да я не о нем, – обиделась мать. – Думаешь, я способна обсуждать только тебя и твой распавшийся брак?

– Ладно, прости. – Робин присела рядом. – Что ты собиралась сказать?

– Не важно.

– Нет, правда. Мама, о чем...

– Ты все время раздражаешься и повышаешь голос – меня это каждый раз расстраивает. Надеялась провести приятное утро с дочерью... – Мать прикрыла глаза и устало откинулась на спинку дивана. – Вспомни, как прекрасно мы общались, когда ты была ребенком. Что с тех пор произошло?

Ответ на этот вопрос Робин знала точно. Он мучил ее много лет, после каждого неудачного визита к матери. Она размышляла об их отношениях бессонными ночами и даже во время

психотерапевтических сеансов, а теперь могла четко представить, что пошло не так. Впрочем, вероятно, все было неладно с самого начала.

– Не знаю, – вздохнула она.

Мать обычно возлагала вину на нее. Объяснения были разными: дескать, Робин – неблагодарная дочь, Робин сделала неправильный выбор, Робин не идет ни в какое сравнение с Мелоди... Сегодня ничего такого не прозвучало; мать сидела, угрюмо разглаживая юбку.

Впрочем, тут и думать нечего: ей действительно хотелось рассказать о разговоре с мамашей Эвана. И дело тут не в бывшем муже дочери, а в том, что Диана Харт обожала больше всего на свете. Сплетни...

И если мать пренебрегла обсуждением многочисленных недостатков Робин, стало быть, слухи и в самом деле стоящие. Не какие-то второсортные – например, об участнице книжного клуба, севшей на новую диету, или о семейной паре, скандалящей так, что соседи могут пересказать каждое слово. Сегодняшняя сплетня явно заслуживала внимания. Допустим, вдруг стало известно о любовной интрижке, да еще со снимками в Сети... Или кто-то из горожан попался на мошенничестве и ему грозит тюрьма...

Словом, Робин умирала от любопытства.

Нет, завзятой сплетницей она не была. Разумеется, поделиться слухами не возражала – что тут особенного? Всегда мучительно хочется узнать новости, о которых почти никто еще не слышал. Передать их дальше – дополнительный бонус, будто состоишь в каком-то тайном обществе. Но не в этом дело. Когда они сплетничали, между ними возникала особая связь: они снова становились близки, как и свойственно маме с дочкой.

Спросить? Нет, пожалуй, теперь будет секретничать до последнего... Любопытство Робин давало матери возможность ею манипулировать – от такого она ни за что не откажется. И Робин сменила тему:

– Видела, у тебя свежие цветы... Они прекрасны!

– Спасибо. Вот, разжилась розочками и лилиями.

– Там ведь и еще что-то? Как называются эти, пушистенские?

– Так вот, Гленда мне кое-что рассказала...

– Неужели? – небрежно бросила Робин. – И что же?

– В жизни не догадаешься. – Глаза матери заблестели, и она, придвинувшись ближе, понизила голос, словно их могли подслушать. – Новости потрясающие, касаются Клэр Стоун.

Наверное, об отъезде Пита, решила Робин, однако догадку высказывать не стала, лишь улыбнулась.

– Да?

– Говорят, ей звонил полицейский из Джаспера. Она сперва подумала – ошибка. Так рассказывает Гленда. С чего бы инспектору с другого конца штата набирать номер Клэр?

– И что он сообщил?

– Кстати, ты слышала, что Пит Стоун уехал из города? – Мать лукаво улыбнулась, оттягивая удовольствие.

– Слышала, слышала, – скрывая нетерпение, ответила Робин.

– Так вот, он вернулся. – Мать взяла ее за руку и слегка сжала пальцы. – Вернулся, потому что, похоже, Кэти Стоун нашлась. Причем живой и здоровой.

Глава 6

Дорога из Бетельвилля в Джаспер, судя по проложенному в интернете маршруту, занимала чуть больше четырех часов. Правда, Клэр пришлось прождать еще час, пока не подъедет Пит – муж настаивал, что ехать надо вместе, и готов был сесть за руль. Итого пять с половиной – словно пять с половиной дней.

Обычные утренние препараты Клэр принимать не стала – да она и пила-то их только потому, что жизнь без Кэти, без малейшего представления о ее судьбе стала невыносимой. А теперь, когда дочь вернулась...

Вернулась ли?

...теперь ей никакие таблетки не нужны. Как только она обнимет Кэти...

Это точно не сон?

...необходимость снимать тревогу лекарствами сама собой отпадет. Теперь ей требовалась полная ясность ума.

Не факт, что решение было верным – после шести-то месяцев под психотропами. К тому же поездка в одной машине с Питом – человеком, отныне не внушающим Клэр никакой симпатии, – лишь усугубляла стресс. Всю дорогу она просидела, уткнувшись в телефон: разглядывала три снимка Кэти и короткое видео, которые прислали из Джаспера.

Правда ли на фотографиях Кэти?

Клэр листала снимки снова и снова. Кэти спит, Кэти ест, Кэти рисует. Это все, что у нее имелось. Пока она не заключит дочь в объятия...

Если такой миг настанет...

...придется лишь смотреть на экран телефона.

И вдруг в душу вползло беспокойство.

Пятнадцать месяцев Клэр провела в настоящем аду. Просыпалась и ложилась спать без Кэти, проживала бесконечную череду дней в отчаянии, тоске и страхе. А потом прозвучал звонок, и она впервые ощутила облегчение. Чувство было странным, и Клэр едва не решила: это всего лишь сон, ведь ей не раз снилось, как дочь возвращается

домой. Она кусала губы буквально до крови, лишь бы убедиться, что не спит.

Потом Клэр набрала Пита и, рыдая, рассказала ему о телефонном звонке. Они нашли Кэти, она в Джаспере и... да, жива, конечно, жива; им нужно забрать малышку, ведь полиция привезет ее только завтра, а я не могу ждать ни одной чертовой лишней секунды... Она снова укусила себя за губу – на всякий случай.

На полпути к Джасперу ей в голову и закралась жуткая мысль: точно ли это Кэти?

Голоса дочери Клэр не слышала – коп сообщил, что бедняжка в шоке и пока на контакт не идет. На видео Кэти тоже голоса не подавала. Да, похожа, но... Кэти всегда была такой жизнерадостной девочкой, а та, что на фото – бледная, худенькая и совсем не веселая.

Естественно, испытания, пережитые ею за последние пятнадцать месяцев, наложили свой отпечаток. И, как говорил коп, у дочери шок. Однако облегчение было настолько странным для Клэр чувством, а дорога, проведенная за листанием фотографий, – столь долгой, что она невольно задавалась вопросом: Кэти или не Кэти? Вдруг жизнь снова играет с ней злую шутку? Ведь дочь Клэр уже якобы видели дважды, причем далеко от Бетельвилля, и все же каждый раз сведения оказывались ошибочными.

Не совладав с собой, Клэр написала полицейскому, потом позвонила и попросила прислать еще несколько снимков. Тот сбросил еще одно фото крупным планом. Кэти...

Девочка, похожая на Кэти?

...снова спала. Она, она! Или?..

Наконец они добрались до участка. Пит подошел к женщине за стойкой, и та взялась за трубку телефона. Клэр едва сдержалась, чтобы не закричать от разочарования: неужели никто не предупредил глупую дежурную, что они в пути? Как же так, ведь их дочь здесь, в этом здании...

Или совсем чужая девочка?

...а Клэр до сих пор не может ее обнять! Сколько еще терпеть?

Слава богу, из коридора наконец появился полицейский и махнул рукой, приглашая их следовать за ним. На ходу заговорил: как здорово, ведь ему нечасто доводится сообщать людям хорошие новости – наверное, сегодня лучший день в его карьере! Открыл дверь, и...

Кэти.

Дочь сидела на диванчике, сложив руки на коленях, и смотрела в пол.

– Кэти... – дрожащим от слез голосом произнесла Клэр.

Девочка подняла взгляд. Она! И в самом деле она! Улыбается – робко и удивленно.

А потом малышка спрыгнула на пол и бросилась в объятия. Клэр сомкнула руки вокруг худенького тела.

Больше никогда ее не отпущу! Никогда, ни за что!

Прильнув к матери, дрожащая Кэти заплакала, и Клэр отстранилась лишь на секундочку – глянуть дочери в лицо.

– Ты как, милая? – опустившись на колени, выдохнул Пит.

Кэти рыдала; по ее щекам текли слезы, подбородок дрожал.

– Малышка, ты как? – повторил Пит.

– Не произнесла ни слова с тех пор, как ее обнаружили прошлой ночью, – объяснил полицейский. – Социальный работник сказал, что у нее, видимо, шок. И все же мы быстро вычислили, кто перед нами, – помогла национальная база данных «НамУс». Это система поиска пропавших...

Он продолжал говорить, однако Клэр его уже не слышала. Пятнадцать месяцев она неустанно расспрашивала копов о малейших подробностях расследования по делу похищенной дочери; теперь же, когда Кэти очутилась в ее объятиях...

Да, Кэти, никаких сомнений.

...ей стало все равно. Теперь это не имело никакого значения.

Глава 7

Робин с колотящимся сердцем пробежала по комнатам, уже понимая – опоздала. Точно опоздала... Неужто пропустила? Если передача кончилась – ей конец. Где же чертово радио? Обязательно надо его найти! Ведь было же на кухне... Как можно заблудиться в собственном доме? То есть не в собственном – в материнском... И что она здесь делает? Переехала? Ах, да не в этом дело: ей срочно нужно радио.

Ага, вот и кухня, вот и старый приемник. Робин в панике нажала на кнопку включения, однако услышала лишь статические помехи. О, нет! Нет, нет, нет... Работай же, черт возьми! Скоро вернется мама. Робин покрутила диск настройки, и невнятный шум лишь усилился. Господи, сейчас все проснутся! Что там на улице? Свет фар? Мать вернулась... Громкий треск помех отдавался в каждой косточке тела, заставляя вибрировать зубы...

Робин проснулась с криком ужаса и сильнейшим сердцебиением. Поморгала, и детская комната осталась там, где ей положено быть: во сне. Черт, опять вскочила посреди ночи... Ей бы выспаться! Сердце продолжало прыгать в грудной клетке, а рот заполнила горечь – отголоски пережитого страха. Успокоиться не удавалось – в голове мелькала череда воспоминаний, склеенная из точно таких же ночей: она сидит у стола, устало протирая глаза и внимательно слушая радио. Нельзя упустить ни слова, каждое из них может оказаться важным.

Робин тихонько выдохнула. Который, интересно, час?

Она ткнула пальцем в лежащий на тумбочке телефон и прищурилась. Семь минут третьего, глубокая ночь. Господи, лучше б не смотрела... Спала меньше трех часов, а теперь яркий свет от экрана заставил мозг думать, что настало утро. Мало того, еще и почта сообщает о поступившем письме... Вдруг новый клиент? Конечно, надо ответить. Не откликнешься – уйдет к другому психотерапевту.

Открыв почтовый ящик, Робин застонала. Какой там клиент... Письмо от «Нетфликс», рекламирующее новый сериал, только и всего.

Уже взяла телефон в руки, и – ничего не поделаешь – пальцы сами забегали по экрану. Вон и в уголке иконки «Фейсбука»^[3] заманчивая

красная единичка. Как в нее не ткнуть?

Ага, это Мелоди выложила пост в группе собачников, в которой они обе состоят. Наверное, только Господь да Марк Цукерберг знают, почему Робин следует получать ночью оповещения о такой ерунде. Порой ей писали в социальных сетях, а телефон спокойно помалкивал, игнорируя и новости от лучшей подруги по колледжу, – а вот пустяковый пост Мелоди, оказывается, заслуживал немедленного уведомления...

И все же фотография была миленькой: крупный лабрадор со щеночком – оба с испачканными носами. Раздражение улеглось.

Так или иначе, в «Фейсбук» Робин уже зашла, и пальцы в командах от мозга не нуждались – знай себе листай ленту.

Что такое? Что за куча постов от местных друзей в сообществе?.. Ах да, Кэти вернулась. Восторгу жителей городка нет предела. Какое счастье, девочка нашлась! Миллион эмодзи с сердечками, будто в разгар Дня святого Валентина...

Робин не слишком понимала людей, стремящихся поделиться чувствами в социальных сетях. Конечно, она пришла в восторг, услышав новости от мамы. Да и как иначе? Со дня исчезновения страшно переживала и за пропавшую девочку, и за ее родителей. Через какой ужас пришлось пройти Клэр и Питу... И тут случилось чудо – иначе и не скажешь. Другое дело, что Робин даже в голову не пришло писать по этому поводу посты. В социальных сетях она в основном размещала забавные фотографии Менни, порой делилась смешными мемами, однако ничего личного старалась не выкладывать. Когда умер отец, опубликовала обычное, принятое в подобных случаях объявление, и не более того. Разумеется, после поблагодарила всех, кто выразил соболезнования.

Сегодня Робин вновь почувствовала себя белой вороной. Как же, до сих пор предпочитает выражать свои мысли по старинке – устно, в личных разговорах с друзьями... А казалось бы, чего проще? Берешь и пишешь в Сети, и пусть все восемьсот с лишком друзей – включая парня, установившего ей новую раковину, и нескольких однокурсниц по колледжу, с которыми не общалась годами, – наслаждаются ее восторгом.

Вот, например, Деннис, живущий на их улице:

Кэти – одна из моих любимых учениц!

Тереза, с которой Робин посещала занятия по йоге, написала, что мать Кэти – ее ближайшая подруга. Пола... Дай бог памяти, это еще кто такая? Пола заявляет – мол, помню Кэти со дня ее рождения. Похоже, каждый первый стремится заявить хоть о какой-то связи с малышкой Стоун. Чем могла похвастаться в соцсети Робин? Например – они с Клэр учились в одном классе, хотя в детстве особой симпатии между ними и не возникло. М-да... Тут правду следует фильтровать. Однажды, на третьем году обучения, Клэр одолжила ей карандаш... «Мы с Клэр двенадцать лет просидели чуть ли не за одной партой, и в трудный момент она всегда приходила на помощь» – так, что ли?

Некоторые посты были якобы мотивирующими:

Всегда надо сохранять позитивный настрой, и вот доказательство...

Мы молились за возвращение малышки, и Бог нас услышал...

Другие в основном выпячивали на передний план личность самого пишущего:

Когда услышала, что ее нашли, – заплакала от счастья...

Последний год только и думала о Кэти...

Робин решила лайкнуть каждый пост: вдруг скажут – дескать, Харт вроде как все равно? Правда, от комментов лучше воздержаться. Засосет, как в воронку... Она просмотрела реакции «друзей». Рассыпаются в обоюдных похвалах:

Ты заставил меня прослезиться...

Отлично сказано...

Какой-то парень написал под одним из радостных сообщений:

Что ей стоило уделять дочери побольше внимания? Тогда и горевать было бы не о чем.

Сердце Робин захлестнула волна гнева, и ее палец быстро прокрутил ленту вниз. Не будет она связываться с этим подонком! Наверняка «тролль», провоцирующий других на ответ. Напиши отповедь – и тем сделаешь ему приятно. Не зря ведь говорят: «Не подкармливай тролля!»

Теперь уж точно не уснуть. Надо успокоиться. Робин вошла в «Инстаграм». И здесь та же лихорадка... Куча надерганных из газет снимков Кэти до исчезновения. Скриншоты заметок о ее счастливом возвращении. Фотографии радостных жителей города со сложенными сердечком руками. Хештег – #КэтиВернулась.

Может, все же написать хоть что-нибудь? Ведь реакции ожидают от каждого. Неужели она совсем бесчувственна?

Робин снова вошла в «Фейсбук» и попыталась сочинить пост – не слишком пространный, но достаточно эмоциональный. Почему бы не позаимствовать броских фразочек у других? От себя можно добавить кучу сердечек. Написала, стерла, придумала другой текст – не столь восторженный. И сердечко одно. Снова удалила. Третья попытка – цитата Нельсона Манделы^[4] – вроде бы удалась...

Истинный характер общества раскрывается в том, как оно относится к своим детям.

Забраковала и его, после чего испытала к себе отвращение.

Черт, она все злилась на того парня. И подходящий ответ родился. Прекрасная формулировка! Возможно, убудок проникнется, признает свою неправоту и принесет извинения. Робин полистала ленту, отыскивая гадкое сообщение. Да где же он? В середине или ближе к началу? Она проверила комменты под каждым постом, но искомого так и не обнаружила. Что за ник там был? Вроде бы на букву «Р»...

Боже, как глупо! Не устыдится он – наоборот, обрадуется. Слава богу, что не нашла.

В голову пришла другая мысль, и, не в силах совладать с собой, Робин ткнула в поле поиска. Даже писать ничего не пришлось – система автоматически подставила ее предыдущий запрос: имя бывшего мужа.

Она удалила Эвана Мура из «друзей» и сама удалилась из списка его фолловеров во всех социальных сетях, а все же против воли за ним следила. Сама не понимала, что пыталась найти. Упоминание о том, как несчастен без нее Эван? Или его новую подругу?

Несчастен? Как бы не так! Иной раз его посты были претенциозными; в других он восхвалял себя, а порой сочетал и то и другое. Разумеется, Эван присоединился к числу ликующих по поводу Кэти. Благодарил Бога, что дочь друга нашлась. Он ведь знал ее с пеленок! Да-да, Кэти называла его дядей Эваном – с тех пор как научилась говорить. Постоянно думал о ней все последние месяцы. Хороший урожай – сто семнадцать лайков, пятьдесят семь восторженных комментов.

О чем, интересно, говорится в предыдущем посте? Ага, его работа выиграла на выставке на тему «Нищета и пандемия». Робин

пролистка страничку вниз. Ну, здесь все уже читала, за что страшно себя ненавидела. Особенно за слезку за бывшим. Даже по ночам. Нажав кнопку возврата, она вернулась к собственной ленте.

Так, пост Клэр... Благодарит всех и каждого за добрые слова, Господа – за возвращение Кэти. Пишет, что на душевное восстановление семьи уйдет немало времени. Семь тысяч реакций! Робин лайкнула сообщение и напечатала:

Ужасно за тебя счастлива!

Глянула на часы: без восьми три. Проклятье! Кто заставляет ее сидеть в интернете?

С отвращением отшвырнув телефон, Робин отвернулась от прикроватной тумбочки и закрыла глаза. Сделала несколько глубоких вдохов и попыталась зацепиться за сон. Однако мозг отказывался отдыхать; сорок пять минут белого шума в цифровом мире и яркий свет экрана будто вернули ее в раннее детство, и Робин уподобилась трехлетнему ребенку, съевшему большой шоколадный пломбир. Она перескакивала с одной мысли на другую, и ее разум закружили образы, воспоминания, сожаления, тревоги и фантазии.

Не следовало прерывать Лауру на последнем сеансе: похоже, девочка готова была сказать нечто важное. Красивое платье у ее мамы... Интересно, где его купили? Надо бы пройтись по магазинам. Когда она последний раз занималась шопингом? Как здорово они однажды в детстве прогулялись с папой по торговому центру... Робин ощутила укол боли; горе после папиной смерти еще не улеглось окончательно. Зачем же она пялилась в чертов телефон? Зачем раздражалась по поводу того коммента? Уж очень поганым он показался... В отличие от многих пользователей она лишь лайкнула пост Клэр, «супер» не поставила. Бесчувственность или?.. Не пробежала ли между ними кошка? Вроде не сказать, что в школе они друг друга недолюбливали – вращались в разных компаниях, вот и всё. Робин оказывала бывшей однокласснице кое-какую помощь после исчезновения Кэти. Может, дотянуться до телефона и поменять реакцию? Лежать, Робин, лежать...

Ей нужно уснуть.

Настоятельная потребность в сне лишь ухудшала ситуацию: в голове закрутилась настоящая карусель мыслей, а тревога никуда не делась. Если не отключиться прямо сейчас, завтра придется тяжело.

Третья ночь подряд с недосыпом. Завтра будет катастрофа. Наверное, уже четыре... Спать, иначе с утра начнется кошмар!

...Ее разбудил Менни, лизнув в щеку. Господи, будто и не смыкала глаз ни на минуту!

Глава 8

День похищения

Клэр выглянула из окна. Кэти во дворе не было – наверное, решила поиграть в прятки.

Куклы дочери остались на газоне перед крыльцом: Барби, куколки из набора «ЛОЛ Сюрприз» и русалка, которую Кэти подарила на день рождения тетке. Сидели они кружком, и лишь русалка лежала в стороне, зарывшись головой в траву. Именно валяющаяся на газоне игрушка заставила Клэр задержаться перед окном. Любимая кукла, и такое небрежное обращение... Странно.

Клэр отчищала форму для выпечки – задача нелегкая, особенно если учесть, что утром в ней подгорел пирог. Черная корочка забилась в углы и никак не поддавалась. Пришлось перевернуть форму под другим углом, и скопившаяся на дне мыльная вода немедленно выплеснулась на юбку. Клэр раздраженно скрипнула зубами. Скорей бы покончить с грязной работой да приняться за дизайн нового ожерелья! Последнее время ее штучные ювелирные изделия неплохо продавались в онлайн-магазине, и ей хотелось запустить новую серию.

Клэр то и дело поглядывала в окно – не появится ли дочь? Никуда не денешься – смотрела и в сторону дороги. Движение в сонном пригороде Бетельвилля было далеко не самым интенсивным, однако иной раз на полной скорости пролетал какой-нибудь чокнутый. Если Кэти решила поиграть у обочины... Нет, нет! Глупенькой дочь не назовешь.

Уже потом, раз за разом прокручивая в голове свои действия, Клэр не могла себя простить.

Вздыхнув, она повернулась к мойке и принялась тереть еще усерднее.

Кэти исполнилось восемь, и столько же – материнскому опыту Клэр. А он подсказывал: десятки и даже сотни раз за последние годы она не могла понять, куда девалась дочь, но всегда оказывалось, что Кэти в полном порядке – или в соседней комнате, или в туалете, или с мужем, а то и тихонько играет прямо за спиной у матери.

О да, Клэр снова ощутила знакомый трепет, свойственную заботливому родителю тревогу. Бог подарил ей ребенка, ставшего центром вселенной, а потом наделил дитя способностью принимать самостоятельные решения. Кэти могла куда-нибудь забрести, поиграть у дороги, забраться на высокое дерево, подобрать ржавую острую железяку или запихнуть в рот комок земли. Внимание, постоянное внимание – иначе беды не избежать. Однако не сводить глаз с дочери ни на секунду все же невозможно.

Клэр относилась к тем матерям, что кудахчут над своим ребенком, словно заботливая наседка. Подробно расспрашивала учителя, как прошел день: всё ли в порядке, хорошо ли кушала, играла ли с другими детьми, не обижал ли кто часом малышку? Делала все, что в ее силах, лишь бы уберечь ребенка от поразившей мир невидимой новой опасности – ковида.

И все же в тот день она усердно скребла форму для выпечки. Ведь дело наполовину сделано ценой испачканной юбки – значит, надо довести его до ума. Вот закончит – и выйдет из дома, позовет Кэти и прикажет играть на виду.

Клэр терла и скоблила, а беспокойство все росло. Дверь в дом не открывалась и не захлопывалась – наверняка взвизгнули бы петли, она бы услышала. Сколько раз говорила Питу их смазать... Стало быть, в доме Кэти нет. На заднем дворе? Вряд ли. Туда ведет дорожка посреди колючих розовых кустов, и Кэти наверняка прошла бы через дом. Колючек она боялась, как и жужжащих вокруг цветов пчел. Пит на работе в своей бухгалтерской компании – а значит, дочь не с ним. Да, перед домом есть несколько мест, которые из окна кухни не увидишь, а Кэти любит играть сама с собой в прятки, исследовать что-нибудь любопытное, но... русалка! Небрежно валяется, уткнувшись лицом в траву... Дочь не из тех девочек, что доверяют собирать свои игрушки родителям. Любимую русалку точно не доверит.

Клэр начала тереть быстрее. Правда, надо поскорей разделаться с этим нагаром, выйти из дома и убедиться: Кэти жива-здорова. Или черт с ней с посудой? Останется подгоревшая корочка – и ладно. Она выключила воду, сунула форму на сушилку и вышла из кухни. На бег не переходила – зачем? Восемилетний опыт подсказывал, что с Кэти все прекрасно. Тем не менее Клэр шла гораздо быстрее обычного. И дыхание почему-то сбилось.

Она открыла входную дверь, и внутрь пробрался обжигающий зимний воздух. Кэти отправилась на прогулку в пальтишке, и Клэр пожалела, что вообще позволила ей играть во дворе.

– Кэти? Беги домой, детка! На улице слишком холодно.

После таких слов дочери по всем правилам следовало отозваться и сделать попытку успокоить маму. Сердце перестанет колотиться, Клэр с облегчением выдохнет, вернется на кухню и начнет готовить завтрак.

Кэти не откликнулась.

Опять-таки, тишина еще ничего не значила. Клэр нередко называла себя в шутку Неслышимой Леди. Есть Невидимая – в фильме о вселенной «Марвел», а вот она – Неслышимая. То есть Клэр говорит, а ее никто не слышит, особенно муж и дочь. Кэти она порой звала к обеду раз пять, затем приходилось повышать голос, и только тогда Кэти откликалась, да еще и принималась капризничать – дескать, мать на нее кричит. Клэр оправдывалась, что приглашала ее к столу несколько раз, дочь же лишь пожимала плечами: ничего не слышала.

Неслышимая...

Клэр направилась на задний двор, наткнулась рукой на шип розы, но даже не заметила укола.

– Кэти!

Пришлось добавить децибелов – на Клэр постепенно накатывало раздражение. Ну почему дочь не слышит ее именно сейчас, почему заставляет беспокоиться и даже пугаться?

– Кэти!

Она уже кричала, едва не переходя на визг – на подобный призыв не среагирует только глухой. Соседи возмутятся? Ну и пусть! Ей нужно увидеть дочь – сию минуту. Стало трудно дышать, сердце в груди ухало, словно паровой молот, а Клэр все пыталась припомнить: когда Кэти последний раз попадалась ей на глаза? Пять минут назад? Десять? Да куда она подевалась?

Клэр бросилась в дом. Да, скрипа петель вроде бы не было, а с другой стороны – она могла просто не обратить на него внимания. Вдруг Кэти спокойно сидит у себя в комнате? Или, например, в туалете... Обычно дочь принималась там тихонько напевать – не любила находиться одна в маленьких тесных помещениях. Если поет громко, то вряд ли слышит, что происходит снаружи.

Дверь в ванную была открыта, внутри темно. В родительской ванной тоже никого. Клэр заглянула в каждую комнату. Пусто... Она металась по дому, раз за разом повторяя имя дочери, и ее все больше охватывал ужас; голос охрип от подступающих рыданий. Господи, как только Кэти найдется – получит по полной! Лучше злость, чем страх. Боже, какое она испытает облегчение, когда отыщет паршивку!

Может, зашла к соседям? До пандемии подобные визиты были самым обычным делом. Кэти любила играть с дочкой Миллеров, почти ровесницей. Потом нагрянул коварный вирус, вынудивший и детей, и взрослых уйти на «добровольную» изоляцию. Запросто уже ни к кому не зайдешь – сперва надо позвонить и, преодолев неловкость, выяснить: все ли нормально, нет ли у кого простуды, не общались ли на днях с человеком, который, говорят, сдал положительный тест? Пандемия убила не только миллионы людей, но и саму возможность поддаваться сиюминутным порывам.

И все же Кэти могла заглянуть к Миллерам. Клэр решила постучаться к соседям. Плевать на социальную дистанцию! Главное – узнать, что дочь действительно в гостях у подружки.

Задыхаясь, на грани истерики, она забарабанила в дверь, с запозданием сообразив, что можно было набрать номер Веры Миллер. Та успокоила бы ее по телефону: да, Кэти у нас, разве она тебя не предупредила? Они посмеялись бы, посетовали: сведут нас эти детишки с ума. Однако Клэр понятия не имела, где телефон. Просто хотела увидеть дочь собственными глазами, даже наказать, чего за ней не водилось – Кэти хорошая девочка, а наказания неэффективны и...

– Клэр?

Вера открыла дверь и тут же отступила на пару шагов. Один из маленьких ритуалов, родившихся в новом мире социальных дистанций.

– Привет, Вера!

Ей не хотелось выказывать тревогу, но голос предательски дрогнул, горло сдавило спазмом, а по лицу покатались слезы.

– Кэти... Кэти у вас?

– Кэти? Нет, не заходила.

Естественно. Малышка знала, что нельзя просто так собраться и сбежать к подружке. Наверняка сперва спросила бы разрешения.

Другое дело, что об иных вариантах даже думать не хотелось. Разумеется, гипотеза оказалась несостоятельной, и в голове у Клэр роем злобных ос завертелись объяснения, одно хуже другого. Кэти могла уйти на соседнюю улицу. Упала в яму, расшиблась... Побежала за щенком или котенком и попала под машину...

И последняя, основная и самая страшная для любого родителя версия. О подобных случаях часто сообщали в новостях: села в машину к незнакомцу. В черный фургон с тонированными стеклами, внутри – нечеткий силуэт. Окошко опущено ровно настолько, чтобы можно было говорить. Ее наивная девочка, вероятно, даже не помнит предостережений матери: не разговаривать с незнакомыми мужчинами и ни в коем случае – ни при каких обстоятельствах! – не садиться...

Стоп... Что там говорит Вера?

– Прости, не расслышала?

– На заднем дворе смотрела?

А то нет, черт возьми! Клэр захотелось удушить тупую соседку. О чем она только думает? Считает, что Клэр сразу побежала к ней за помощью, не удосужившись поискать дочь у дома?

– Конечно! Все обошла... Ее нигде... – Клэр душили слезы.

– Пойдем-ка посмотрим вместе, – предложила Вера.

– Спасибо, – прошептала Клэр.

Она была в отчаянии. Как знать, вдруг Вере придет в голову совершенно банальное объяснение, и окажется, что Клэр напрасно предается черным мыслям? Или соседка сообразит, в каком укрытии спряталась Кэти, заглянет в один из уголков двора и... оп! Кэти, живая и невредимая! День вновь станет нормальным, обычным, останется лишь осадок от дурацкого недоразумения. Клэр расскажет Питу о своих глупых страхах, когда тот придет с работы.

Они добежали до участка Стоунов. Кричали во дворе и в доме, звали Кэти во весь голос. Судя по всему, оригинальных идей насчет тайного схрона во дворе у Веры не имелось. Соседка была явно встревожена, и ее волнение спокойствия не добавляло. Более того, похоже, она перепугалась не меньше самой Клэр.

Когда она беседовала с Кэти по поводу незнакомцев в машинах? Не так давно... Клэр выражалась ясно и твердо, однако о последствиях подобного поступка говорила уклончиво. Не хотела, чтобы ребенок составил себе четкий образ «плохого мужчины». Зачем Кэти знать о

педофилах, насильниках и убийцах? У них состоялся единственный разговор, а после того на эту тему они не общались. Уж больно она жуткая, и лишний раз пугать дочь не стоило.

А надо было повторять каждый день, как заклинание. Перед сном, например. Вдолбить Кэти прописные истины в подсознание, оставить в ее мозгу зарубку. Ничего, пусть рассуждала бы о детских страхах с психотерапевтом, когда повзрослеет...

– Придется позвонить Питу, – с тихим отчаянием сказала она.

Вера кивнула и заметно побледнела, а затем сказала четыре слова, которых Клэр избегала всеми силами:

– Я сообщу в полицию.

Короткая фраза поставила страшную точку: сегодняшнее происшествие – не просто досадное недоразумение, которое вот-вот разрешится.

Глава 9

В Бетельвилле проживали порядка пяти с половиной тысяч человек. Немало. Шансы встретить близкого знакомого – допустим, бывшего супруга – в очереди в почтовом отделении были невелики. Теория дала серьезный сбой, когда сзади возник Эван.

– Привет, Робин! – поздоровался он, слегка тронув ее за плечо.

Эван был высок – на голову выше, и, как не раз говорили после развода мама и другие соболезнующие, невероятно хорош собой. Густые черные волосы, широкие плечи и не столь уж частое для мужчины качество – хороший вкус. Даже повседневную одежду, вот как сегодня – джинсы, белую футболку и коричневую куртку, – он подбирал удачно. Добрая улыбка – во всяком случае, так ее описывали знакомые. Робин когда-то тоже так считала...

– О, привет, – слегка приподнятым тоном откликнулась она, словно подобной встречи не ожидала (не без этого) и приятно удивилась (ничего подобного).

Дама перед ней спорила с мужчиной за стойкой насчет несусветной цены за посылку, так что Робин застряла в очереди.

– Слышала о Кэти? Здорово, правда? Так рад за Стоунов!

– И я. Слава богу!

– Я звонил Питу. Говорит, Кэти пока не готова вернуться в школу.

Робин кивнула. До нее также дошли слухи. Впрочем, прошло всего десять дней – это вполне объяснимо.

– Мне кажется, ей нужно возвращаться к учебе, – заявил Эван. – Чем быстрее войдет в прежний режим, тем быстрее восстановится от травмы.

Ого... Всего-то двадцать секунд разговора, а бывший муж уже пытается что-то втолковать ей насчет психотерапевтических подходов, хотя ни черта в них не понимает.

– Все зависит от индивидуальных особенностей и от характера психологической травмы. – Робин вежливо улыбнулась.

– Ну, тебе виднее, – признал Эван. – Однако, по-моему, так будет лучше для всей семьи.

– Угу, – пробормотала она, поглядывая на раздраженную женщину у окошка отправки посылок. Та неохотно доставала из кошелька монетки – одну, другую, третью. Боже, видимо, это надолго... – М-м-м... Слушала на прошлой неделе твое интервью. Ну, по поводу первого приза на той выставке. Правда, отличная работа.

– По-моему, я нес какую-то чушь. – Усмехнувшись, Эван многозначительно примолк.

Тот, кто вырос в доме Дианы Харт, попытку напроситься на комплимент распознает за милую. Но польстить самолюбию матери – дело святое, а бывший супруг, пожалуй, обойдется. Робин снова улыбнулась и не сказала ни слова.

Эван откашлялся и заговорил:

– Впрочем, рад, что согласился на интервью. По-моему, тема нищеты и пандемии заслуживает куда больше времени в эфире. Пришлось даже отменить кое-какие дела, иначе не вырвался бы – да ты знаешь, как это бывает.

– О да, ты ведь человек занятой, – сухо заметила Робин.

Во время их совместного проживания Эван упорно пытался сделать карьеру профессионального фотографа. В основном снимал свадьбы, хотя постоянно ныл, жалуясь на рутинную и совершенно не творческую работу. Прорыв случился с введением карантина. Поняв, какие открываются возможности, Эван совершил тур по стране, снимая покинутые парки развлечений, опустевшие городские улицы и погрузившиеся в спячку станции метро. Фотографировал он и людей, пытающихся совладать с аномальной ситуацией. На одном из его снимков фигурировали три человека, вступивших в схватку за упаковку с туалетной бумагой. Фото быстро стало вирусным, и Эвана впервые заметили, а дальше он стал медленно продвигаться к славе. Как бы Робин ни относилась к бывшему мужу, в таланте она ему отказать не могла. Глаз у него был цепкий.

– А как ты? – помолчав, поинтересовался Эван. – Ну, ты понимаешь, о чем я... с тех пор как стало известно о Кэти.

Робин нахмурилась, не сообразив, что он имеет в виду.

– Хм... Ну как? Счастлива за них и все такое.

– Да-да, – кивнул Эван. – Я о другом – о нашей... э-э-э... истории. Возможно, возвращение Кэти заставило тебя задуматься...

Ее захлестнула волна гнева, и она на миг лишилась дара речи. Совершенно в стиле бывшего мужа связать два события. И еще смотрит с таким выражением – фирменная доброта и забота!

Робин сжала кулаки, сглотнула ком в горле и хрипло выдавила:

– Нет, не заставило.

Резко отвернулась, решив больше не обращать на Эвана внимания. Тот с легким раздражением вздохнул за ее спиной. Робин не желала показывать ему свою ярость. Пусть думает, что его слова не достигли цели. Впрочем, Эван наверняка заметил, насколько она напряжена. Всегда умел считывать ее настроение.

– Робин... – снова начал он.

К счастью, выручил звонок телефона – рингтон с фрагментом песни Тейлор Свифт «Shake it off». Очень вовремя... Робин глянула на экран. Клэр Стоун? Хм, вроде бы в список контактов она бывшую одноклассницу не вносила. Хотя... Несколько лет назад они дважды созванивались, когда Клэр занималась организацией встречи выпускников.

– Алло? – ответила Робин, пытаюсь изгнать из тона легкое смущение.

– Робин? Привет, это Клэр... э-э-э... Клэр Стоун.

– Да, привет! Как ты?

– Спасибо, хорошо. – Собеседница коротко и нервно усмехнулась. – Ну, ты в курсе. Счастлива, что Кэти вернулась.

– Могу себе представить! Прости, не было возможности поздравить тебя лично. Я правда за вас очень рада.

– Да, спасибо еще раз. Робин, я тебе по этому поводу и звоню. Ты ведь работаешь с детьми, верно?

Робин выбралась из очереди и отошла в сторонку. Не стоит никому слышать разговор, а уж Эвану – особенно.

– Да-да, все верно.

– Хотела спросить... Не сможешь ли ты встретиться с Кэти? Ну, у себя в кабинете.

– Конечно, с удовольствием!

– Она... У нее некоторые проблемы. Со дня возвращения не произнесла ни слова. Все время молчит.

Робин вздрогнула. Бедняжка! Кэти нашлась, и все были в таком восторге, что совсем забыли о пережитой ею трагедии. Девочку

похитили и держали в заточении больше года – вдали от родителей, от дома... Бог весть, через какие ужасы она прошла.

– Последствия предсказуемые. Писать она в состоянии?

– Нет. Вообще ничего, связанного с речью – ни с устной, ни с письменной.

– Ясно. Как насчет ответов типа «да» и «нет»?

– Отвечает. Может кивнуть или покачать головой. Однако стоит задать ей два-три вопроса подряд – впадает в тревогу. Особенно плохо реагирует на любой вопрос о случившемся.

– Поняла. Тут ничего странного нет.

– Правда?

– Конечно. Видимо, ей пришлось немало вынести. – Насколько Робин было известно из новостных выпусков и со слов знакомых, полиция до сих пор не имела понятия, где Кэти держали последние пятнадцать месяцев. – Неудивительно, что каждый намек на недавнее прошлое включает тяжелые воспоминания – словно триггер.

– Какого рода воспоминания?

– Сложно сказать. Даже разлука с родителями – само по себе событие весьма травмирующее.

– Да, наверное, ты права. Ее трудно заставить выйти из дома. Иногда соглашается побыть на заднем дворе, но только вместе со мной. Пару раз выбирались в парк, и Кэти начинала сильно беспокоиться.

– В чем выражается беспокойство?

– Напрягается, хватает меня за руку. Отказывается отпустить хоть на секунду. Подпрыгивает от каждого звука, начинает тяжело дышать... – Клэр охрипла от волнения.

Робин ей сочувствовала. Пожалуй, бывшая одноклассница переживает сильнейший стресс: постоянная тревога за дочь, желание понять, что случилось и как помочь...

– Ясно. Что ж, я вполне могу поработать с твоей малышкой.

– Еще ей все время требуется находиться в одной комнате со мной. Без преувеличения – даже когда иду в туалет. Считаешь, она сможет?... Я хочу сказать – нормально ли для девочки, пережившей подобное, так себя вести?

– Дети переносят психологические травмы по-разному. Мы не знаем, через что ей довелось пройти, однако твои наблюдения не

говорят о каком-то необычном для таких случаев поведении.

– И все же, получится ли... – У Клэр перехватило дыхание. – Как по-твоему, она поправится? Сможет снова говорить?

– Большинству пациентов типа Кэти со временем становится намного лучше – нужны лишь особый подход и помощь.

Робин старалась выражаться расплывчато. Вряд ли стоит обещать конкретный результат.

– Кэти была такой жизнерадостной девочкой... Ты ведь ее видела? Ну, до того как...

– Вроде бы встречала раз-другой у Мелоди, они играли с Эми.

– Иногда я умоляла ее быть поспокойнее. Она ведь могла говорить без умолку. А как заразительно смеялась... – невнятно, сквозь слезы пробормотала Клэр.

– Да, конечно, – мягко сказала Робин.

– Так рада, что она снова с нами! Едва не поверила Питу, он ведь повторял – все кончено. А Кэти вернулась в мою жизнь! Не представляешь, как я благодарна Господу! Хочу снова видеть ее счастливой...

– Обратиться к психотерапевту – хорошая идея. Если хочешь, можем начать завтра утром.

– Завтра? Было бы чудесно! – с огромным облегчением воскликнула Клэр.

– Кроме того, мне понадобится проводить сеансы с тобой и с Питом, но уже без Кэти.

– Со мной и... Зачем? – настороженно спросила Клэр.

Дело привычное. Родители частенько ожидали, что Робин взмахнет волшебной психотерапевтической палочкой и за несколько сеансов решит любую проблему их ребенка.

– Кэти должна получить именно ту помощь, в которой нуждается. Ей необходима постоянная поддержка. Не сомневаюсь – вы отдаете дочке всю свою любовь и внушаете ей уверенность. Да, это важно, однако от меня вы получите некоторые чисто профессиональные рекомендации, которые помогут справиться с самыми сложными этапами преодоления психологической травмы.

– О... да, конечно. С удовольствием примем твои советы.

– Вот и прекрасно. Да, Клэр... Будьте готовы – процесс займет немало времени и потребует терпения.

– Я готова. Пусть будет долго – лишь бы помогло.

Глава 10

Робин наблюдала в окно кухни, как Клэр паркует машину у обочины. Ее пальцы невольно стиснули кофейную чашку, а сердце застучало чаще. Чего она, интересно, нервничает? Подобной работой занимается уже несколько лет, каждый месяц – новый пациент. Чем отличается сегодняшний день?

И все же отличия имелись.

Кто знает, через что прошла Кэти? Травма могла оказаться тяжелейшей. Обычно Робин была уверена в своих профессиональных способностях, а сегодня в душу закрадывались сомнения. Справится ли она? Сумеет ли по-настоящему помочь?

Жаль, не выпалась – иначе чувствовала бы себя куда спокойнее. Увы, тревога и возбуждение по поводу предстоящей встречи с Кэти поспать почти не дали. Три чашки кофе с утра лишь еще больше взбудоражили нервную систему.

Ладно, ничего. В любом случае показать, что она не в форме, непозволительно. Общаясь с Клэр и Кэти, Робин должна проявить несокрушимую уверенность, дать им надежное убежище от ужасных событий недавнего прошлого, безопасное место, где девочка сделает первые шаги к выздоровлению.

Клэр вышла из машины и, заколебавшись, огляделась. Дело привычное – отдельного входа в кабинет не было, и новые клиенты частенько стеснялись постучаться в дверь жилого дома. Робин быстро сделала последний глоток кофе, поставила чашку и вышла на крыльцо.

– Привет, Клэр! – окликнула она женщину, подойдя к машине. – Кабинет у меня в доме.

– А, здорово, – робко ответила та.

Выглядела она куда лучше, чем при прошлой их встрече, и это еще мягко сказано. На щеки вернулся румянец, и Клэр немного поправилась: лицо уже не было таким угловатым. Печаль, волочившаяся за ней, словно шлейф, уступила место волнению.

– Кэти обязательно нужно, чтобы я находилась с ней в одной комнате. Это проблема?

– Вовсе нет. Так часто бывает, – ответила Робин и бросила быстрый взгляд в салон машины. Девочка сидела сзади, опустив голову, и что-то придерживала на коленях.

– Копы пока не выяснили, кто ее похитил, – продолжила Клэр. – На самом деле им почти ничего не известно. Говорят, что явных следов... хм... насилия не обнаружили. У меня есть копия медицинского заключения. Если тебе нужно...

– Посмотрю позже. Что ты ей сказала по поводу сегодняшнего визита?

– Придумала, что мы идем в гости к моей хорошей подруге... – Клэр пожалала плечами. – Может, неправильно?

– То, что надо. Расположимся, и я ей все объясню.

– Хорошо бы не напоминать дочке о случившемся, – обеспокоенно предложила Клэр. – Кэти плохо реагирует на такие разговоры.

– Мы никуда от этого не денемся, – мягко возразила Робин. – Скрывать от нее цель посещения психотерапевта нельзя – Кэти лишь встревожится, поняв, что мы недоговариваем. Дети прекрасно чувствуют, когда им лгут.

– Хм... – Клэр нерешительно затопталась у закрытой дверцы автомобиля. – Есть надежда в итоге узнать, что с ней происходило?

– Цель моих сеансов – вовсе не расследование, – вздохнула Робин. – Задача у меня одна: облегчить состояние ребенка. Возможно, во время занятий мы узнаем какую-то информацию, но не факт. Сегодня речь вообще не об этом.

– О чем же?

– Постараемся, чтобы Кэти ощутила себя в безопасности в игровой комнате. Кроме того, она должна понять: я для нее угрозы не представляю. Пока не закрепим это ощущение, работать с устранением травмы не начнем.

– Я сказала, что ты очень милая женщина и беспокоиться ей не о чем.

– Спасибо за комплимент, – усмехнулась Робин, – однако слов тут недостаточно. Мир Кэти серьезно пошатнулся, и словами, даже материнскими, делу не поможешь. Почувствует себя в безопасности – приступим к лечению.

Клэр задумалась, затем кивнула:

– Хорошо. – Открыв дверцу машины, она пригласила Кэти выйти: – Солнышко, мы приехали.

Девочка неловко выбралась наружу и, оторвав взгляд от земли, посмотрела сначала на мать, а затем на Робин.

Пару лет назад, как и говорила Робин, она в самом деле встречала Кэти у сестры. Особого внимания на нее тогда не обратила – в доме Мелоди вечно носилась толпа играющих и вопящих детей. Да, точно, Кэти в тот день присутствовала в шумной компании. С тех пор Робин видела ее лишь на фотографиях в новостных выпусках да в соцсетях, и все они были сделаны до исчезновения.

Ребенок, разглядывающий ее лицо, на снимки не походил совершенно.

Конечно, выросла. Полтора года – большой срок для маленькой девочки. Черные волосы теперь спускались почти до пояса. На большинстве фотографий Кэти улыбалась, а сегодня от той улыбки не осталось и следа. Глаза широко раскрытые, тревожные – словно у оленя, застывшего под светом фар.

Кэти прижимала к боку тряпичную куклу. Вероятно, когда-то та была миленькой темноволосой девочкой в платьице с цветочным орнаментом. Теперь ее покрывал слой впитавшейся грязи, а из дырки в щеке выбивался клоч шерстяной набивки. Похоже, она вылезла почти вся – лицо куклы обвисло, и голова склонилась под неестественным углом.

Робин охватила ребенка долгим взглядом, не позволяя себе внешне выразить собственные чувства. Напротив, сохранила спокойную, теплую улыбку.

– Привет, Кэти! Я – Робин. Давайте пройдем?

Она провела Клэр с дочерью в дом. Кабинет располагался слева от входа, и гости обычно имели возможность мимоходом заглянуть в гостиную. Дверь в спальню Робин всегда держала закрытой, разделяя профессиональную и личную жизнь. Кроме того, там сидел Менни – как обычно, когда приходил новый пациент. После нескольких сеансов ребенок осваивался, и тогда Робин выпускала собаку гулять по комнатам. Однако при первом посещении так делать было нельзя: все еще зыбко и неопределенно, маленький пациент настороже...

Пройдя в кабинет, Робин с улыбкой обернулась. Как поведет себя Кэти?

Некоторые дети стремглав бросались к игрушкам или к маленькой песочнице, но Кэти замерла, едва перешагнув порог, и медленно обвела глазами комнату. Затем прижалась к матери и обхватила ее руками за бедро.

Робин закрыла дверь.

– Кэти, это моя игровая комната. Здесь совершенно безопасно. Можешь заняться игрушками – никто не будет заставлять тебя делать того, что тебе не по душе.

Кэти по-прежнему бросала взгляды в разные стороны, однако стояла неподвижно.

– Твоя мама знает: с тобой случилось нечто плохое, – спокойно и мягко продолжила Робин. – Поэтому она решила привести тебя ко мне в гости, чтобы помочь справиться с тревогой.

Она отступила на несколько шагов, освобождая место для Клэр и Кэти, и приготовилась ждать.

Клэр откашлялась.

– Кэти, не хочешь поиграть?

Девочка съежилась и еще сильнее вцепилась в материнскую ногу. Клэр метнула на Робин отчаянный взгляд, но та ответила ей легкой улыбкой, пытаясь внушить уверенность. Неторопливо прошла по кабинету – поставила на ножки упавшего на бок слоника, повесила на пластиковый крючок игрушечный стетоскоп, поправила на столе коробку с карандашами. Снова обернулась к Кэти. Девочка слегка расслабилась – и все же была явно настороже.

– Игрушек много, так сразу и не выберешь, правда? – заговорила Робин. – Не хочешь поиграть с мамой в песочнице? Или лучше что-нибудь приготовишь на кухне?

Она оставила Кэти два варианта – теперь пусть думает сама. Когда выбор слишком большой, ребенок может впасть в ступор.

Кэти посмотрела на песочницу, потом на игрушечную кухню, и выражение ее лица изменилось. Испуганная девочка исчезла, а вместо нее появилась другая, пытающаяся принять решение.

Через несколько секунд Кэти, взяв мать за руку, двинулась вперед, подошла к песочнице и присела рядом.

– Ты решила поиграть в песочнице, – прокомментировала Робин.

Девочка нарисовала круг на ровной золотистой поверхности, а затем, отложив в сторону тряпичную куклу, погрузила обе руки в

песок до самых запястий.

– Ты спрятала руки в песке. Теперь мы их не видим, но ты продолжаешь их чувствовать. Никто, кроме тебя, не знает, где твои пальчики.

Похоже, на лице Кэти появился намек на улыбку? Или просто дрогнули губы? Песчаный холмик изменил форму – Кэти шевелила пальцами. Глубоко вздохнув, она чуть отодвинулась и вынула руки. Позволила песку течь из кулачка тонкой струйкой и, когда выросла маленькая пирамидка, набрала еще и продолжила ее достраивать.

– О, ты построила высокую песчаную горку, – заметила Робин.

Говорить она старалась естественно, невозмутимо и мягко – давала Кэти понять, что внимательно за ней наблюдает, интересуется. Пусть девочка видит – хозяйке кабинета не все равно. Действия пациента Робин всегда проговаривала вслух. Вербальное отражение – основной и самый мощный инструмент психотерапевтического арсенала.

Некоторое время Кэти работала над песчаным холмиком, делая его выше и шире, а Робин терпеливо и спокойно комментировала ее действия.

Через несколько минут девочка подняла глаза, и они встретились взглядами. Песок из ее ладошки медленно посыпался на ковер.

– Кэти! – попыталась одернуть ее Клэр. – Пожалуйста, не...

– Ты дала песку просыпаться на пол, – гнула свою линию Робин, чуть повысив голос, чтобы перебить Клэр. – Теперь он не только в песочнице, но и на ковре.

Кэти глянула себе под ноги и нахмурилась. Нагнулась, попыталась собрать песок и пересыпать его на место.

– Ты убираешь песок туда, где он и должен быть.

На этот раз на лице маленькой пациентки точно появилась слабая улыбка. Отвернувшись к песочнице, Кэти одним взмахом руки смела пирамидку.

– Ты разрушила свой холмик. Теперь песок...

Мимо дома с ревом проехал мотоцикл. Робин, сосредоточившись на девочке, почти не обратила на этот звук внимания. Кэти же вскочила на ноги и бросилась к матери, открыв рот в беззвучном крике. Схватила Клэр за руку и, заметно дрожа, спряталась за ее спиной. Дышала она теперь часто и хрипло.

– Кэти, солнышко, успокойся. Это всего лишь мотоцикл, – повысила голос Клэр.

В ее тоне Робин уловила отчетливые нотки раздражения. Видимо, подобные происшествия случались по нескольку раз на дню. Наверное, Клэр совсем измучилась.

Впрочем, девочке явно приходилось еще хуже, о чем говорила реакция на шум мотора, – а ведь лишь несколько секунд назад она была увлечена песочницей. Кэти все время чутко прислушивалась и присматривалась, поминутно ожидая неизвестной угрозы. Отсюда и гипервентиляция: несомненный признак некомпенсированной психологической травмы. Вечная настороженность жутко выматывала девочку, сосала из нее силы и оставляла совершенно опустошенной. Над этой проблемой и предстояло поработать в первую очередь.

Робин подошла к одному из шкафов и достала синюю бутылочку с мыльной пеной, затем повернулась ко все еще прячущейся за матерью Кэти. Та дрожала и не двигалась с места, а Клэр пыталась ее успокоить. Робин открутила крышку, вынула трубку и дунула.

Глаза девочки неотрывно следовали за плавающими в воздухе мыльными пузырями, а те лопались один за другим. Дышала Кэти все еще прерывисто, однако фокус явно приковал ее внимание.

– Я могу регулировать количество пузырьков силой дуновения, – рассказала Робин, присев на корточки рядом с девочкой. – Если хочу сделать больше пузырей – дуну сильнее.

В подтверждение своих слов она дунула – и выпустила два маленьких пузырька и невесомый шлейф мыльной пены.

– Сработало не очень хорошо, – Робин пожала плечами. – Наверное, надо сделать глубокий вдох, а вот выдыхать медленно.

Она втянула в легкие воздух и долго дула в трубочку – еще и еще. По комнате поплыла целая куча пузырей.

– По-моему, четырнадцать, – быстро пересчитала их Робин. – Рекорд нашей игровой комнаты!

Завинтив колпачок, она протянула бутылочку Кэти. Та на миг заколебалась, а затем выхватила контейнер, раскрутила крышку и вытащила трубку. Глубоко вдохнув, дунула. В мягком свете, проникавшем сквозь занавешенное окно, замерцали мыльные пузыри, и Кэти забегала глазами по комнате, пытаясь их сосчитать.

– Прекрасно! – улыбнулась Робин. – Хочешь попробовать еще разок?

Кэти кивнула и повторила фокус.

С третьего подхода ей удалось выдуть целое облако пузырей, и те разлетелись по всем углам.

– Восемнадцать! – ахнула Робин. – Да ты побила мой рекорд!

Глубокие вдохи дали заранее задуманный эффект: Кэти заметно расслабилась и теперь без опаски занималась с трубочкой.

– А знаешь что? – предложила Робин. – Забери-ка ты эту волшебную бутылочку домой и занимайся с ней каждый день. Посмотрим, получится ли у тебя перекрыть собственное достижение. Мама поможет тебе считать пузыри. Годится?

Кэти кивнула, бросив взгляд на подарок, а Робин обернулась к Клэр.

– Делайте это упражнение по вечерам, перед сном. Пожалуй, утром тоже, а еще разочек в районе полудня, хорошо?

Клэр, с удивлением наблюдая, как Кэти забавляется с выдуванием пузырей, прошептала:

– Хорошо.

Оставалось надеяться, что дыхательные упражнения помогут Кэти снизить гипертонус перед отходом ко сну, да и в течение дня. Итак, начало положено.

Девочка настолько увлеклась, что Робин предположила: на этом занятие, по сути, и закончится. Первый сеанс обычно заключался в знакомстве ребенка с игровой комнатой и самим психотерапевтом. Чем активнее Кэти станет играть, тем более безопасным будет считать пространство кабинета. В идеале – обретет уверенность, что и Робин не представляет для нее никакой угрозы. Оставалось лишь подбадривать пациентку, следя за ее успехами – и то ладно.

И все же через некоторое время Кэти закрутила бутылочку и передала Клэр, а потом осмотрелась. К обстановке она немного привыкла и, похоже, заинтересовалась возможностями игровой комнаты.

Подняв с пола тряпичную куклу, девочка перенесла ее на пластмассовый столик и уселась на стул. Куклу разместила сидя, прислонив спиной к стенке. Удовлетворенно на нее глянула, взяла чистый лист бумаги и некоторое время пристально на него смотрела.

– В этой комнате только ты решаешь, что нарисовать, – подбодрила малышку Робин. – Можешь потом показать нам рисунок, но это необязательно. Бери что хочешь – карандаши, мелки или краски.

Кэти выбрала коробку с черной дактилоскопической краской. Открыв ее, изучила блестящую гладкую поверхность, а затем аккуратно обмакнула палец в ванночку и медленно начала наносить краску на бумагу.

Сперва изобразила улыбающегося человечка, замерла в нерешительности и снова принялась за рисунок. Погрузила в ванночку два пальца, потом три. Ее действия становились все более уверенными и целеустремленными.

– Ты рисуешь человечка, – сказала Робин. – Улыбающегося человечка. По-моему, он счастлив.

Кэти сделала паузу, разглядывая свое произведение. Открыв коробку с красной краской, коснулась ее подушечкой пальца и провела длинную красную линию поперек руки человечка.

– Кажется, человек поранил руку, – спокойно прокомментировала Робин.

Еще мазок.

– Другую руку тоже...

Сузив глаза, Кэти хорошенько зачерпнула красной краски и вновь провела пальцем по листу.

– Теперь он повредил ногу. И вторую.

Клэр издала неопределенный звук, и Робин бросила на нее быстрый взгляд, слегка покачав головой. Кэти ни в коем случае не должна была почувствовать, что рисунок расстроил мать или психотерапевта. Ей не следовало волноваться насчет маминого восприятия. В противном случае она сочла бы себя провинившейся или задалась вопросом: не стала ли мама любить ее меньше? Цель рисунка заключалась в выражении чувств и потребностей пациента.

Похоже, Клэр готова была разрыдаться. Робин пристально на нее смотрела, пока та не кивнула, затем отступила на несколько шагов, отвернулась и, утерев слезы, глубоко вздохнула.

Отлично, до истерики дело не дойдет. Робин вновь обратила внимание на Кэти. Та продолжала наносить красную краску, замазывая нижнюю часть листа.

– Красная краска покрывает пол.

Кэти макнула палец в черную ванночку и мазнула по лицу человечка, увеличив его глаза и заставив рот зиять огромной дырой.

– Человечек уже не радуется. Похоже, ему больно.

Еще мазок красной краской. И еще один. Кэти старательно закрашивала рисунок.

– Красная краска покрывает все вокруг.

Кэти наносила алые полосы круговыми движениями, создавая нечто вроде багрового вихря под ногами человечка. Перешла выше, и черное тело начало исчезать в красной спирали. Наконец осталось лишь изуродованное до неузнаваемости лицо с выпученными глазами и вопящим ртом, а потом скрылось и оно. Кэти продолжала закрашивать лист алым, иногда выходя за его границы.

– Человек исчез под красной краской.

Девочка судорожно вздохнула и посмотрела на свои ладони.

– Твои руки покрыты липкой красной краской. Она везде.

Кэти огляделась. Попробовала вытереть руки другим листом бумаги, оставила на нем большое цветное пятно, однако результата, естественно, не добилась.

– Не хочешь смыть липкую красную краску? – мягко предложила Робин. – Раковина вон там, в туалете.

Девочка кивнула.

Они вошли в санузел и включили воду. Кэти подставила обе руки под струю из крана и стояла, наблюдая, как краска уходит в сток.

– Вода смывает липкую красную краску, – заговорила Робин. – Руки снова становятся чистыми.

Она показала девочке, как пользоваться дозатором для жидкого мыла, и та долго отмывалась, зачарованно разглядывая розовую мыльную пену. Клэр в туалет не заходила. Ждала дочь в дальнем конце игровой комнаты, изучая игрушки на полках – видимо, пыталась собраться.

Робин отметила некоторые плюсы: Кэти вроде бы не осознала, что матери нет рядом. Или поняла, однако с Робин ей было вполне комфортно.

Руки она мыла куда дольше, чем необходимо. Наконец сочтя их достаточно чистыми, выключила воду и, проигнорировав полотенце,

вытерла ладошки о футболку. Затем нахмурилась и встала у двери, разглядывая ногти, под которыми остались частички краски.

– Вот, возьми, попробуй отчистить, – предложила Робин, протянув девочке маленькую пилку для ногтей.

Сама встала на изготовку – вдруг Кэти вздумает использовать пилку не по назначению? Мало ли что острие затуплено, а сам инструмент крошечный... Если приложить усилие, вполне можно пораниться. Но опасения были напрасны: девочка аккуратно поскребла под ногтями и, добившись сносного результата, вернула пилку.

Затем она вернулась в игровую комнату и присоединилась к матери, по-прежнему стоящей у полки с игрушками. Прошлась вдоль стены, рассматривая фигурки, и вдруг остановилась. Подумав, взяла улыбающуюся женщину с тортом, изучила ее и вернулась к кукольному домику. Посадила кондитера в кухню, а затем попыталась запихнуть туда же свою тряпичную куклу.

– Девочка устроилась в кухне рядом с женщиной, – прокомментировала Робин. – Похоже, им там тесновато.

Места и впрямь было не слишком много – большую куклу пришлось утрамбовывать. Кэти явно осталась недовольна. Вытащив свою игрушку обратно, она вновь пошла к полкам и схватила фигурку девочки. Та поместилась в кухню без всяких усилий.

– В кухню зашла девочка.

Кэти потихоньку втянулась в игру и начала перебирать игрушки: покрутила в руках Чудо-женщину, затем пластмассового фермера. Выбирала явно не наобум – рассматривала фигурки, ставила на место, а тех, что приглянулись, заселяла в домик. Компанию женщине с тортом и девочке составили балерина, а потом и усатый Мистер Монополия в черном цилиндре.

Кэти внимательно изучила игрушки, окружившие женщину, и наконец взяла с полки последнюю фигурку – Джокера, заклятого врага Бэтмена. Робин купила его на распродаже во дворе, и Джокер стал одним из самых зловещих персонажей в кабинете. Походил он на злого клоуна: большие, налитые кровью глаза и жуткая улыбка. Кэти перенесла его в дом и, немного поколебавшись, посадила в отдельную комнату на втором этаже.

Посчитав игру законченной, девочка обернулась к матери, а затем к Робин. Выглядела она бледной, измученной и напряженной. На

какой-то миг Робин испугалась, что Кэти вот-вот упадет в обморок. Однако та нашла опору – прислонилась к стене и застыла, вяло поглядывая вокруг.

Робин покосилась на часы. Как правило, сеанс продолжался ровно час, у них же получилось семьдесят минут. Время прошло быстро – Робин и не заметила, настолько насыщенной событиями оказалась первая встреча.

– Наверное, на сегодня достаточно, – сказала она и глянула на кукольный домик.

Хм, похоже, у игрушек что-то типа вечеринки...

А на втором этаже, сложив на груди руки и мерзко улыбаясь, стоял злой клоун.

Глава 11

Робин дописала короткий отчет о первом сеансе с Кэти и, откинувшись на стуле, помассировала лоб. Подремать бы... Увы, вечером ей еще предстояла встреча с Клэр и Питом. Она посмотрела на часы. Немного времени до начала есть.

Перед глазами снова всплыл тревожный рисунок. Некоторые ее пациенты практиковали подобное, однако Кэти наносила красную краску в особой манере, а открытый в беззвучном крике рот изображенного ею человека никак не шел из памяти.

А игрушки, которые Кэти поселила в кукольном домике? Она ведь явно действовала с определенным намерением. Похоже на отголосок тяжелого, рвущегося наружу воспоминания... Хорошо бы заставить Кэти вернуться к этому занятию на следующем сеансе.

Робин задумалась о выпавших из жизни девочки месяцах. Что с ней происходило? Держал ли похититель ее взаперти? И где именно – в Джаспере? Ведь Кэти нашли именно там. Как связано поведение малышки на сеансе с никому не известными событиями?

Робин встала и вытащила из сумки медицинское заключение, которое принесла Клэр. Присев за стол, открыла документ.

Несколько первых страниц содержали фотографии, и сердце Робин подпрыгнуло. Ей не довелось увидеть Кэти ни в первый день, когда ту доставили в полицейский участок, ни сразу после. Господи, совсем исхудавшая, глаза запали, на спине многочисленные воспаленные царапины...

Робин перешла к следующей странице и бегло просмотрела отчет. Из леса Кэти вышла босая, и на подошвах ее ног обнаружили кровоточащие ранки, а на рубашке и верхней части штанишек – пятна крови. Скорее всего, как предположил врач, из ссадин на спине. Зубы, вероятно, девочка не чистила все пятнадцать месяцев своего отсутствия. Следующая часть заключения была посвящена установленным исключениям: переломов нет, кровоподтеки отсутствуют, как и признаки сексуального насилия. Никаких видимых причин для затруднений с устной и письменной речью.

Робин снова бросила взгляд на часы. Скоро начало сеанса со Стоунами. Поскольку Кэти отказывалась оставаться в доме без матери, договорились, что встреча состоится в «Зуме». Не самый удачный формат: во-первых, поздний вечер, во-вторых, уже за два часа до отхода ко сну Робин старалась избегать контакта с любыми экранами. Мозг расценивает их мерцание как дневной свет, а потому заснуть становится сложнее, а Робин и так находилась на грани нервного истощения.

Она открыла приложение. Ага, Клэр уже ждет. Так, подключаемся. Вот и Пит. Камера у Стоунов была направлена под таким углом, что Клэр оказалась в центре экрана, а ее муж – в правом углу, даже одно ухо осталось за кадром. Пит излучал бодрость и энергию, Клэр же, судя по уныло опущенным плечам, явно устала. Оба сидели на диванчике в гостиной, как определила Робин. Ноутбук, похоже, стоит на кофейном столике.

– Привет, – поздоровалась Робин, мельком глянув на окошко с собственным изображением.

Рыжую шевелюру она откинула назад, час назад подкрасила губы и теперь выглядела не слишком утомленной, хотя чувствовала себя отвратительно. Впрочем, скрывать свое состояние ей было не впервой – пара десятков лет опыта точно имеется. Разумеется, она позаботилась, чтобы пространство за ее спиной смотрелось аккуратно. Собственно, Клэр с Питом увидят лишь книжный шкаф, забитый трудами по психотерапии, да комнатное растение в горшке. Захламленный стол камера точно не покажет.

Гостиная Стоунов предстала перед Робин практически идеальной. Возможно, в других частях дома царит жуткий беспорядок? Ставшие привычными за последние пару лет онлайн-встречи научили людей: перед общением в Сети тщательно прибираться в доме смысла нет. Достаточно привести в порядок пяточок, попадающий в поле зрения камеры.

– Привет! – откликнулась Клэр.

– Рад тебя видеть, Робин, – добавил Пит.

Раньше, во время замужества, ей нередко приходилось видеть супруга Клэр – Эван любил приглашать их с Фредом на мальчишники. Мужчины попивали пиво, а еще Эван готовил на гриле бургеры. Бывший муж никогда не говорил, что Робин не следует путаться под

ногами: был слишком хорошо воспитан. Однако, если ей случалось вдруг оказаться поблизости, разговор друзей медленно затухал, улыбки становились напряженными и вымученными. Робин ничего не оставалось, как ретироваться и смотреть у себя в комнате сериалы «Нетфликс». Мелочь, но мелочь ненавистная, наряду с раскатистым смехом Фреда за стенкой или самоуверенным тоном Пита, когда тот разглагольствовал о политике. По утрам она обнаруживала во дворе грязные тарелки и пустые пивные банки, однако подчеркнуто их игнорировала, пока у Эвана не возникало желания прибраться.

Однажды Робин спросила мужа – почему они практически никогда не встречаются с друзьями на их территории? Эван заявил, что он – единственный из приятелей, у кого пока нет детей, поэтому у них собираться гораздо проще. Заявил довольно раздраженно – видимо, в бездетности обвинял именно ее.

Что было, то прошло. Робин улыбнулась мужу Клэр:

– Я тоже, Пит. Сразу скажу пару важных слов, пока не приступили к делу. Мы с вами прекрасно знаем друг друга. С Клэр я училась в одной школе, Пит с Эваном были хорошими друзьями, так что за прошедшие годы нам приходилось встречаться не раз. Однако в процессе восстановления Кэти придется о прежних отношениях забыть – они не должны влиять на мое общение с вашей дочерью и на наши с вами сеансы.

– Конечно, – откликнулась Клэр.

Робин взглянула на Пита, и тот кивнул. Посчитав предварительную часть завершенной, она спросила:

– Как дела у Кэти?

– Вот, наконец улеглась, – с ощутимым облегчением ответила Клэр.

– Прекрасно. Пузыри пускали?

– Да, и, по-моему, ей помогло. Сегодня вечером Кэти была спокойнее, чем в последние дни. А потом на одной из улиц завывала сирена «Скорой помощи», и малышка напугалась. Долго не могла прийти в себя – как на сеансе, когда мимо проехал мотоцикл. У нее такое часто бывает.

– В основном плохо реагирует на громкие звуки? – уточнила Робин.

– Похоже на то. Хотя всякое случается. Например, ходили с ней в парк. Там ребята играли в футбол, и мяч подлетел к нам. Кэти тогда сильно занервничала. Еще боится незнакомых людей. Пару дней назад к нам заглядывал детектив, и Кэти пришла в ужас.

– Дело не только в незнакомцах, – добавил Пит. – На днях забегал мой брат, и Кэти ни в какую не желала оставаться с ним в одной комнате.

– Да-да, – подтвердила Клэр. – Томас – здоровенный парень, и Кэти пережила шок, когда он появился в дверях.

– А ведь она знает Тома с детства, – продолжил Пит. – Я тогда еще подумал... хм... короче, не очень приятная история.

– Понимаю, – согласилась Робин. – Наверняка вам в подобных случаях бывает непросто.

– Мы-то ладно, а вот Кэти действительно тяжело, – вздохнула Клэр.

– Да, правда. Но для вас ее реакции – тяжелое испытание, это вполне естественно. Как вы успокаиваете дочку?

– Сразу обнимаю и говорю, что с нами она в безопасности, – сказала Клэр.

– Убеждаем, что бояться нечего, – поддакнул Пит.

Внимательно наблюдая за родителями Кэти, Робин отметила: Пит старался говорить за двоих, а вот Клэр явно себя от него отделяла. Их попытки совладать с тревогой дочери были классическими: Клэр словно давала Кэти убежище и пыталась создать для нее ощущение безопасности, а Пит, как и любой отец, больше старался ободрить ребенка.

– Отлично. Мы с вами проработаем некоторые дополнительные упражнения, которые помогут успокоить Кэти, когда ее настигает стресс. Будет здорово, если вы станете действовать как сплоченная команда.

– О чем это ты? – вскинулся Пит. – Естественно, мы так и делаем. Ну, то есть... Я ведь работаю и целый день торчать дома не могу, но в любом случае возвращаюсь как можно раньше – хочу побыть с Кэти, пока она не легла спать.

– Понимаю, – кивнула Робин, – однако я имела в виду другое. У вас разные подходы, и мне хотелось, чтобы вы их между собой обсудили. Нет, подобная разница может оказаться полезной – разные

методы дополняют друг друга и в итоге синхронизируются, – однако Кэти не должна почувствовать ваши разногласия.

– Мы в ее присутствии не спорим, – возразил Пит.

Робин кивнула. Дети куда более восприимчивы, чем представлялось Питу, а уж те, кто, подобно Кэти, остро ощущают перемену настроения окружающих, – вдвойне. Наверняка девочка улавливала любую напряженность между родителями, легко считывая возникающие между ними противоречия.

– Знаете, чего я от вас хочу? Каждый из вас должен сейчас поставить себя на место другого. Скажите от первого лица, что чувствует ваш партнер.

– Но... мы ведь планировали обсудить способы помочь Кэти? – спросила Клэр.

– Совершенно верно, и мой вопрос – часть плана. Нам следует сообразить, как работать плечом к плечу, добиться лучшего понимания. Тем самым я получу представление о наилучших подходах к Кэти во время сеансов. Мне следует знать ваши точки зрения и отношение к методам партнера.

В гостиной Стоунов воцарилось долгое молчание, затем Пит откашлялся.

– Ну, Клэр считает...

– Попробуй говорить от первого лица. Как будто ты – Клэр, – предложила Робин.

Пит неловко заерзал.

– Хм... Я считаю, что Пит мог бы забежать домой и днем – немного пообщаться с Кэти. Он не приходит – говорит, она все равно не отвечает, а Клэр... то есть я уверена: Кэти нас слушает и от звука наших голосов успокаивается.

Робин растерянно заморгала. Не ожидала от Пита подобной способности к рефлексии, да еще на первом сеансе.

– И Клэр... в смысле, мне кажется, что Питу стоит попытаться и вообще проявить больше понимания к ужасу, через который прошла Кэти.

Он вновь откашлялся и несколько напрягся.

– Хорошо, – улыбнулась Робин. – Как насчет тебя, Клэр? Что чувствует Пит?

– По-моему, – твердо заявила та, – жена слишком уж носится с Кэти и тем самым подавляет ее. Ставит дочь в полную от себя зависимость.

– Я никогда не говорил... – ошетинился Пит.

– Дай ей закончить, – мягко перебила его Робин.

– Когда мы были детьми, родители над нами не кудахтали, даже если мы сталкивались с проблемами. Они давали нам возможность принимать решения самостоятельно, – продолжила Клэр, насмешливо копируя интонации мужа. – И мы должны поступать с Кэти точно так же, однако Клэр со мной не согласна.

Робин уловила промелькнувшую в глазах бывшей одноклассницы искорку гнева. Впервые та позволила себе выразить раздражение. Что ж, лучше выпустить пар, чем держать его в себе. И все же плохо, что Клэр злится на супруга: эту помеху придется устранять.

– Хорошо, – подытожила Робин. – Давайте пока отложим ваши разногласия в сторону. Я вижу преимущества и одного, и другого подхода, так что, зная ваши точки зрения, смогу помочь Кэти более качественно. Нам же следует продолжить встречи – попробуем добиться синхронизации и работать сообща.

Ни Пит, ни Клэр особого воодушевления не выказали.

– Теперь поговорим о сегодняшнем занятии с Кэти, – продолжила Робин, меняя тему.

– У тебя здорово получилось, – улыбнулась Клэр.

– Рада, что ты так думаешь. Пит, не знаю, рассказывала ли тебе Клэр о сеансе...

– Говорила о жутковатом рисунке.

– М-м-м... да, было и такое, однако это лишь небольшой эпизод нашей встречи. В общем-то Кэти делала невероятные успехи. Ей нужно было ослабить свой страх и наслаждаться обстановкой игровой комнаты, а она еще и выразила свои чувства совершенно потрясающим образом.

– Малышка ведь все еще не говорит, – подчеркнул Пит. – Нам точно есть куда двигаться.

Клэр, сжав челюсти, повернулась к мужу, явно намереваясь что-то сказать, однако Робин ее опередила:

– Она пока передает мысли через игры и рисунки. Что касается перенесших психологическую травму детей, рассказ о пережитом –

далеко не главный способ выражения эмоций. Ролевые игры и творчество – лучший метод совладать с проблемой.

– Ладно... – Пит пожал плечами. – Можешь предположить, когда Кэти начнет разговаривать?

– Невозможно прогнозировать, насколько быстро наступит улучшение, и я уже сказала Клэр: надо набраться терпения.

– Ты хочешь встречаться с Кэти раз в неделю?

– Пока начнем так, а дальше посмотрим – в зависимости от эффекта.

Пит кивнул и нахмурился. Смотрел он куда-то мимо камеры, и у Робин вдруг закралось подозрение: не на экран ли телевизора? Она терпеть не могла подобную особенность онлайн-встреч. Сколько раз приходилось видеть, как люди отвлекаются от диалога. Кто-то стучит по клавиатуре, другие незаметно двигают мышку... Могут даже сидеть в соцсетях!

– Робин... я хотела спросить о рисунке, – заговорила Клэр.

– Да?

– Может, Кэти пыталась изобразить то, что творил с ней похититель? Вдруг он ее пытал?

Пит вздрогнул и вновь перевел взгляд на дисплей.

– Не стоит делать поспешных выводов. Рисунок может означать что угодно. Насколько я поняла, медицинское заключение не указывает на вероятность пыток.

– Да, правда, – согласилась Клэр. – Такого рода шрамов у Кэти нет.

– Она была здорово исцарапана, когда ее нашли, – вставил Пит, – но почти все уже зажило.

– В любом случае порезов не было, – возразила Клэр.

– Ну да, скорее ссадины.

– Возможно, о них Кэти и хотела рассказать, – предположила Робин. – Ведь все ее царапины кровоточили.

С другой стороны, похититель мог угрожать ей ножом или на ее глазах нанес рану другому пленнику. Впрочем, не исключено, что они неверно интерпретируют рисунок и на нем вовсе не кровь...

– Когда мы сможем сказать наверняка? – настаивал Пит.

– У меня нет уверенности, что сможем вообще. Конечно, вас угнетает неизвестность. И все же у нас сейчас иная цель.

– Зачем тогда нужен такой подход? Что толку заставлять девочку погружаться в воспоминания, если мы все равно не поймем, что ей пришлось пережить? – раздраженно повысил голос Пит.

– Никто ее не принуждает, – мягко ответила Робин.

– Да-да, разумеется, и все же... Я не совсем понимаю, чего именно ты добиваешься.

– Кэти столкнулась с травмирующими событиями, в чем у нас нет никаких сомнений, – объяснила Робин. – Воспоминания об испытаниях заперты в ее подсознании, и они настолько сильны, что, случайно всплывая на поверхность, заставляют малышку проживать последние пятнадцать месяцев заново. Возможно, громкие звуки – своеобразный триггер.

– Тогда нам следует избегать подобных напоминаний, – печально вздохнула Клэр.

– Боюсь, ничего не выйдет. Забыть Кэти не сможет, а вызвать воспоминания способен любой пустяк. Именно поэтому она пытается обходить стороной любые провоцирующие факторы, вот из-за чего ее тяжело заставить выйти из дома.

– Что же делать?

– Мы помогаем ей работать с тяжелыми мыслями в безопасной обстановке – в игровой комнате, где Кэти управляет ситуацией. Она переваривает их в игре или за рисованием и тем самым постепенно привыкает с ними справляться. Мы способствуем снижению эмоционального порога: восстанавливая в уме страшные события, Кэти не будет их активно проживать. Вот это и есть моя важнейшая задача – дать Кэти возможность превратить травмирующую память просто в неприятные воспоминания.

– О, теперь понятно, – откинувшись на спинку дивана, проговорила Клэр.

– Ты разочарована?

– Просто думала, что у нас получится заставить Кэти полностью забыть об ужасном опыте. Не хочу, чтобы она прокручивала в голове эти мысли.

– Тут мы бессильны, – мягко возразила Робин. – Воспоминания никуда не денутся.

Глава 12

День похищения

Мелоди бегала в поисках Кэти уже два часа, как и десятки других жителей Бетельвилля. Сперва в отчаянии, хотя и с надеждой выкрикивала имя девочки каждые тридцать секунд. То же самое делали все добровольцы. Потом охрипла и кричать почти перестала, а когда пробовала, прежней веры в голосе уже не было. Зато появился страх.

Солнце село, и на город опустилась темнота. Кое-где мелькали дрожащие лучи фонариков – люди продолжали бродить между деревьев и по задним дворам домов. Родилась гипотеза: Кэти ушла гулять за город, и с ней произошел несчастный случай. Возможно, лежит в обмороке от обезвоживания или потеряла сознание, ударившись головой... Ее искали в придорожных канавах и в лесном массиве.

Внутренний голос подсказывал Мелоди, что подобная версия – не более чем оптимистическая чепуха. Она знала Кэти: та никогда не убежала бы со двора, не спросив разрешения у матери. Да что Кэти! Даже ее сорванцы так не поступили бы. Во время пандемии – уж точно нет.

Она схватилась за телефон и снова набрала Фреда, однако тот опять не ответил. Двинулся на поиски в парк в южной части города и за последний час ни разу не дал о себе знать. Заскрежетав зубами, Мелоди позвонила старшей дочери, Шейле.

– Ну что, нашли? – выдохнула в трубку та.

– Пока нет. Отец не появлялся?

– Нет. Зато заглядывал дедушка, немножко побыл с нами.

– Ясно.

Слава богу – он наверняка приободрил внуков.

– Шейла, попрошу тебя уложить малышей, – продолжила Мелоди.

– Может, подождать, пока ты не придешь? Они здорово нервничают. Еще тебе нужно поговорить с Эми.

Похоже, Шейла и сама не находила себе места от волнения. У Мелоди неприятно засосало в желудке.

– Надеюсь, ты ей не проговоришься?

– Естественно, нет. А вообще сказать надо бы.

– Скажем, когда сами пойдем, что происходит. Пожалуйста, уложи мальчиков, ладно? Пусть почистят перед сном зубы – сами они даже и не подумают.

– Договорились.

– Спасибо, милая. Набери меня, если папа позвонит. Пока!

Кто-то прошел вдоль другой стороны дороги. Темный силуэт, нижнюю часть лица скрывает медицинская маска... Они кивнули друг другу, хотя Мелоди человека, естественно, не узнала. До ковида она всегда могла точно сказать, кто есть кто, но теперь, когда пол-лица не видно, с этим стало сложнее. А уж в темноте – тем более. Мужчина на противоположной обочине мог оказаться кем угодно. Шериф предупреждал, что к незнакомцам во время поисков следует относиться с опаской, вот только пандемия всех их сделала незнакомцами. Конечно, маски давали кое-какую защиту, но в то же время скрывали личности людей – и преступников в том числе.

– Кэти! – крикнула Мелоди.

Только вчера она слышала, как болтают Кэти и Эми. Нет, конечно, не в доме – теперь они практически не встречались, разговаривали в основном в «Зуме». Таким образом, голосок Кэти частенько присутствовал в жизни Мелоди... Стоп, точно ли девочки разговаривали вчера? Пандемия превратила их жизнь в череду сплетающихся между собой эпизодов – день ото дня и не отличишь... Нет, все-таки вчера. И голос Кэти звучал вполне обычно.

Что же сказать Эми, если ее подруга не найдется?

Глава 13

Когда же Клэр последний раз виделась с подругами? Словно несколько десятков лет прошло. Со дня исчезновения Кэти точно ни с кем не встречалась. Да и до того, в первый год пандемии, личное общение представлялось мероприятием рискованным. Значит, два года? Или три?.. Напрочь забыла, как себя вести. Что надеть, когда собираешься попить кофе с подругами? О чем говорить? Клэр словно увязла в дурном сне: вышла на сцену, а текст забыла...

С тех пор как вернулась Кэти, их с Питом несколько раз приглашали на ужин, на ланч или вечерние посиделки. Клэр отнекивалась: не время, дочь еще не пришла в себя. Однако когда позвонили Мелоди с Фредом, она не устояла. Во-первых, в отличие от других жителей городка, в тяжелый для Клэр год Мелоди постоянно поддерживала с ней контакт, часто звонила, а порой предлагала встретиться. Настоящая подруга!

Во-вторых, Мелоди сказала, что Эми ужасно хочет увидеть Кэти.

До исчезновения девочки были практически неразлучны. Да, приходилось соблюдать социальную дистанцию, однако подружки созванивались по видеосвязи. *ЛП* – лучшая подружка. Вроде бы так они пишут в чатах? Во всяком случае, были лучшими подружками до похищения Кэти. *ЛПДПК*...

Так они и оказались у двери дома Мелоди и Фреда. Клэр купила дочери новое платье – та за прошедшие пятнадцать месяцев выросла на два дюйма и в то же время сильно похудела; прежняя одежда теперь висела на ней, как на пугале.

Сама Клэр надела желтое платье с коротким рукавом – вытащила из дальнего угла гардеробной. Еще принялась: не воняет ли плесенью? Пит сказал – не выдумывай.

Кэти стиснула ее руку. Волнуется... Клэр ее прекрасно понимала. У самой тоже сердце билось куда чаще обычного. Как среагирует дочь, увидев Эми? К Томасу она до сих пор относилась с опаской. Сохранилось ли у нее прежнее отношение к подруге?

Дверь распахнулась, и на пороге появилась широко улыбающаяся Мелоди.

- Привет! – воскликнула она.
– Привет! – откликнулась Клэр.
Голоса обеих звучали напряженно и слегка неестественно.
– Эми! – обернувшись, позвала Мелоди. – Смотри, кто пришел!

* * *

Папа однажды прочел Эми историю о принцессе. Там говорилось о «бабочках в животе», и Эми это выражение смутило. Как-то раз Лайам предложил Ноа съесть на спор червяка – ну, тот и съел, – а потом сказал, что червь теперь ползает в желудке. В итоге братца вытошнило. Правда, папа после объяснил: принцесса в книге была взволнована – вот у нее и появилось чувство, как будто в животе порхают бабочки. Никого она, конечно, не ела. И все равно звучало глупо. При чем тут бабочки?

Сегодня Эми ощутила себя той самой принцессой.

Она снова увидится с Кэти! Ведь уж начала бояться, что никогда больше не встретит подружку. Во всяком случае, так в последнее время говорили мама с папой.

Когда Кэти пропала, родители сказали, что она ушла. Эми хотела ей позвонить, однако подружка, как выяснилось, не взяла с собой телефон. Ее ищут родители и полиция, уверяли мама с папой. А полиция свое дело знает – взять хоть дядю Дуэйна. Найдут, говорили они.

Потом Эми начали сниться плохие сны: вроде как Кэти потерялась в лесу и зовет на помощь, а Эми не может до нее добраться. Каждую ночь она просыпалась и бежала в кровать к маме с папой. Два раза даже намочила постель, но об этом вспоминать не хотелось.

Прошло много времени, и Эми начала спрашивать родителей, не нашлась ли Кэти, пробовали ли полицейские искать в Париже... Ведь Кэти как-то проговорила: если мама не купит ей одну красивую куклу, то придется удрать в Париж. В конце концов родители сказали твердо – Кэти пропала и уже не вернется. С Эми такого не случится никогда, ведь мама с папой внимательно за ней присматривают, а она девочка умненькая и знает, что в машины к незнакомым дядям

садиться нельзя. Кэти тоже умная и все знает, возразила тогда Эми, и родители не нашлись, что ответить.

Ночные кошмары не отставали, и тетя Робин привела ее в свою классную игровую комнату. Они там много играли, и плохие сны стали сниться уже не каждую ночь.

И вот Кэти вернулась! Эми пришла в восторг, однако подружка в школе так и не появилась. Собиралась поговорить с ней по телефону, но мама объяснила, что Кэти ни с кем говорить не хочет, даже со своими домашними. Странно было такое слышать – ведь Кэти всегда любила поболтать, просто трещала без умолку! Эми продолжала задавать вопросы – и через миллион лет мама пригласила Кэти и ее родителей в гости.

Вот почему у Эми начали порхать бабочки в животе, хотя она их и не глотала. Еще чего! Она не так глупа, как дурачок Ноа.

Эми подбежала к двери – и там стояла Кэти. Выглядела совсем иначе, чем раньше, и держалась за мамину юбку, будто маленькая.

– Привет... – почти шепотом сказала Эми, почему-то вдруг оробев.

Кэти кивнула, но не произнесла ни слова.

* * *

Клэр переступила порог. Боже, словно сделала прыжок в прошлое... В те дни, когда они с Мелоди болтали, поглощая рогалики и запивая их кофе, а девочки качались во дворе на качелях. Клэр тосковала по тому времени – даже не потому, что умела тогда радоваться жизни. Просто она была другим человеком. Все казалось простым и легким. Сердилась на соседей, отказавшихся спилить ветку, лежащую прямо на крыше, задумывалась, смогут ли они себе позволить летом поездку в Калифорнию...

Возвращение Кэти Клэр восприняла как Божье благословение, как возможность все вернуть на круги своя, – и с тех пор каждое утро пробуждалась с улыбкой. Была и трудность: Клэр постоянно боролась с ощущением, что прежней жизни уже не будет. Придется строить другую...

– А мне недавно купили новую кровать! – сказала Эми своей верной подружке. – Хочешь поглядеть?

Кэти посмотрела на нее, затем на Клэр, и та предложила:

– Пойдемте все вместе.

Они с девочками пошли к спальне, а муж с Мелоди и Фредом остался в гостиной. Вот к Питу, похоже, прежняя жизнь вернулась. Он встречался с приятелями, ходил на работу, а по вечерам немного играл с Кэти – всё в точности, как до ее исчезновения. При панических атаках успокаивала дочку в основном Клэр. Вставала к ней по нескольку раз за ночь, если та просыпалась с рыданиями.

И все же улучшения имелись: после первого сеанса с Робин Кэти позволила Клэр уйти в туалет и даже запереться там. Правда, сидела у двери и ждала, когда мама выйдет.

Эми провела их в свою комнату и гордо показала новую кровать, заявив, что постельное белье выбирала сама. Прыгнув со счастливой улыбкой на упругий матрас, позвала Кэти:

– Ложись сюда, попробуй! Знаешь, как мягко!

Кэти колебалась. Клэр уже хотела предложить ей присесть вместе, однако дочь все же выпустила ее руку и, забравшись на кровать, устроилась рядом с Эми.

Клэр с облегчением выдохнула. Эми болтала о школе, рассказывала, что все в классе делали для Кэти открытки. Получила ли их Кэти? Да, открытки Клэр нашла в почтовом ящике и вручила их дочери – правда, та не выказала ни малейшего интереса. Эми продолжала щебетать: мол, всем расскажет, что встречалась со своей лучшей подружкой – а кстати, когда уже Кэти вернется в школу?

Клэр провела несколько последних недель, обучаясь улавливать признаки постоянных изменений настроения дочери. Теперь она с радостным удивлением наблюдала, как напряженное тело Кэти потихоньку расслабляется. Дочь слушала подружку едва ли не с благоговением, а та, спрыгнув с кровати, принялась показывать новые наряды, и самый настоящий косметический набор, и бусы, которые смастерила в летнем лагере.

Через несколько минут Клэр нерешительно спросила:

– Кэти, ничего, если я схожу в гостиную поболтать с тетей Мелоди?

И ее замечательная, изумительная дочь подняла взгляд и кивнула.

Раньше, когда Кэти трещала без умолку, Эми порой впадала в раздражение: вот сейчас вставить бы словечко, а подружка не дает. Пыталась ее перебить, но Кэти лишь повышала голос и все болтала, болтала... А когда замолкала, Эми уже не помнила, о чем собиралась сказать. Жаловалась маме, однако та пожимала плечами: раз забываешь, значит, ничего такого серьезного у тебя на уме и не было. Да как это не было? Еще как было!

Теперь Кэти молчала, и Эми ужасно хотелось, чтобы она наконец обрела голос: подружка знала много смешных и интересных историй. Эми уже показала все свои новые приобретения и не представляла, о чем еще поговорить.

Вспомнив, как много пропустила Кэти, начала рассказывать о разных важных событиях в школе: Джорджию однажды вырвало прямо на уроке математики, а миссис Пирс на вечеринке в честь Хеллоуина нарядилась ведьмой. Смешно! Она ведь ведьма и есть! И...

Хм, больше ничего особо важного не вспомнилось.

– Почему ты не хочешь говорить? – спросила она.

Кэти нахмурилась, словно вопрос Эми сбил ее с толку.

– Мама рассказывала, что ты даже с родителями не разговариваешь.

Кэти кивнула.

– Где ты была все это время? Мама говорит – тебя нашли на другом конце штата...

Кэти отвернулась и затеребила пальцами одеяло.

Мамочка просила Эми быть терпеливой – Кэти молчит, потому что пытается справиться с тем, что с ней приключилось. Когда Эми спросила, что именно приключилось, мама ответила: «Очень плохие вещи». И всё.

– Хочешь порисовать?

Рисовать Кэти любила. Эми, взяв альбом, частенько составляла ей компанию. Кэти была настоящей художницей. Умела изобразить милую кошачью мордочку с огромными глазами или, например, фею, или красивую радугу.

Подружка кивнула, и Эми вытащила цветные карандаши с бумагой.

– Купили в «Истер», – похвасталась она.

Потом легла на пол, и Кэти устроилась на животе напротив – так что они почти соприкасались лбами. Прямо как раньше! Ну, когда Кэти еще разговаривала.

Начали рисовать. Эми изобразила русалку и рыбу, а потом бросила взгляд на лист Кэти.

– Это еще что?

* * *

– Даже не надеялась, что она позволит мне хоть ненадолго отойти! – Клэр была сама не своя от возбуждения.

– Вот видишь? – Пит пожал плечами. – Я ведь говорил. Пора перестать с ней нянчиться – к добру это не приведет.

Он улыбнулся и слегка приподнял бутылку, словно произнес тост.

Клэр стиснула зубы и едва сдержалась, чтобы не ответить. Последние две недели они много спорили о тактике обращения с дочерью. Пит настаивал, что Кэти не отходит от нее по одной-единственной причине: Клэр ей потакает. Хотел отправить дочь в школу. «Если станет капризничать – учителя разберутся», – говорил он. Как будто панические атаки Кэти были обычной детской истерикой...

Клэр отвернулась. Не стоит портить себе настроение.

– Эми просто в восторге. Так счастлива, что Кэти пришла! – улыбнулась Мелоди. – Две недели подряд умоляла о встрече...

– Я тоже рада, что мы наконец решились.

– Кстати, Клэр, ты прекрасно выглядишь!

– Да, спасибо. Я и чувствую себя хорошо. Кэти становится лучше – Робин здорово помогает.

– Робин? – удивилась Мелоди. – Моя сестра?

– Ну да, – ответила Клэр. – Ходим в ее кабинет. Робин – настоящий профессионал.

– Просто отлично! – поддержал Фред. – Она и Эми помогла, когда та... хм... короче, у нее были кошмары.

– Я правда под впечатлением, – сказала Клэр. – Робин делает все, чтобы Кэти справилась с травмой.

– А я сперва сомневался, – поддержал жену Пит. – Однако выяснилось, что психотерапия и вправду полезна. Мы уже получили более ясную картину произошедшего с Кэти. Это очень важно.

– Неужели она заговорила с Робин? – удивился Фред.

– Увы, – ответил Пит. – Но Кэти – умная девочка. Она так или иначе рассказывает нам о пережитом.

– Не знаю, насколько ясна эта картина, – вздохнула Клэр. – Да и не в ней дело. Главное – помочь Кэти продолжить жить с тем опытом, который...

– Милая, ты ведь сама сказала, что Кэти кое-что показывала на сеансе, – возразил Пит. – Рисунок, игрушки... Таким образом она передает свои впечатления. Надеюсь, рано или поздно мы узнаем всё.

– Уже неплохо, – кивнул Фред. – Робин не говорила, сколько займет восстановление? На Эми ей хватило пары месяцев.

– Нет, по срокам она ничего не обещала, – ответила Клэр.

– Робин – очень талантливый специалист, – заметила Мелоди. – Если кто и сумеет добиться с Кэти результата, так только она.

* * *

Эми рисунки Кэти не понравились. Подружка изобразила человека с большими красными глазами, вооруженного палкой. Уж очень страшный! Эми невольно отвела взгляд и слегка зажмурила глаза, однако совсем закрывать не стала – чего доброго, Кэти решит, что она испугалась...

– Пойдем на кухню? – предложила она. – Может, раздобудем печенья...

Подружка покачала головой, продолжая заниматься уже третьим рисунком. На нем появились контуры все того же человека – на сей раз с большими зубами.

Может, сходить в гостиную? Интересно, чем там занимается мама? Вдруг предложит во что-нибудь поиграть? Рисовать Эми больше не хотелось.

Она уже поднялась, когда в комнату влетели Лайам и Ноа. Обычно в таких случаях Эми кричала, чтобы братья убирались, однако сегодня

их появление было кстати. Хоть какой-то шум, а то Кэти все молчит да молчит...

– Ого! А это что такое? – воскликнул Лайам, схватив один из рисунков Кэти.

– Монстр! – откликнулся Ноа и запрыгнул на кровать сестры. Сделав несколько прыжков, продолжил: – Монстр-убийца. Р-р-р-р!

– Перестань скакать на кровати, ломаешь! Так мама говорит! – прикрикнула на него Эми.

Кэти отползла в сторонку от своих рисунков, села, обхватив руками колени, и уставилась во все глаза на Ноа, а затем перевела взгляд на Лайама.

– Я читал историю про монстров, которые откусывают людям головы! – Махнув рисунком, Лайам широко открыл рот: – Хрусть, хрусть!

– Прекрати! – рассердилась Эми и отшвырнула листок в сторону.

– А для меня такого же нарисуешь? – крикнул Ноа.

Кэти отпрянула, издавая странные тихие звуки – как будто задыхалась.

– Лайам, Ноа, прочь отсюда! – взвизгнула Эми. – Вы напугаете Кэти!

Та с ужасом смотрела на подружку, словно боялась ее не меньше, чем мальчишек. Тут Эми стало совсем худо, и она заплакала: Кэти ни капли не походила на себя прежнюю. Ну почему она отказывается говорить? Зачем нарисовала страшных красноглазых уродов? И хнычет как-то странно...

Лайам схватил сразу два рисунка и, изображая чудовище, начал издавать жуткие звуки. Ноа прыгал все выше и выше, а потом кровать издала треск, и Эми испугалась: сейчас сломается!

– Убирайтесь! – снова завизжала она.

Ноа спрыгнул на пол и приземлился прямо перед носом у Кэти.

* * *

Крик, раздавшийся из комнаты Эми, был просто оглушительным, и взрослые одновременно вскочили на ноги. Клэр с заколотившимся

сердцем бросилась к спальне. Как же она додумалась оставить дочь без присмотра... Совсем выжила из ума! Ни в коем случае...

У нее перехватило дыхание.

Остановившись на пороге, сперва она увидела Кэти. И... кровь на ее руках.

– Кэти... – выдохнула Клэр. – Что с тобой?

Девочка тихо стонала, раскачиваясь взад и вперед, и смотрела перед собой немигающими пустыми глазами.

– О господи! – ахнула Мелоди из-за плеча Клэр. – Ноа! Что случилось?

Клэр отвела взгляд от Кэти. Оказывается, кричал лежащий на полу Ноа, держась за окровавленную ногу. Мелоди кинулась к сыну, а Клэр рассмотрела на его бедре колотую ранку, из которой еще сочились алые капли.

Она вновь глянула на Кэти и заметила зажатый в кулачке карандаш с острым, испачканным в крови кончиком.

Глава 14

Голос матери Робин услышала, едва перешагнув порог родительского дома. Болтает по телефону? Проходя мимо кухни, заметила грязные столовые приборы. Ага, гости... На долю секунды Робин ощутила облегчение. Надолго задерживаться она не планировала, и мать сегодня изводить ее не будет.

Она вошла в гостиную – и сердце дало сбой. Угодила прямоком в ловушку...

Мать сидела в своем привычном кресле, наполняя из фарфорового чайника маленькие чашечки. На диванчике напротив устроились Эван и его мать Гленда.

– А, Робин! – удивленно хмыкнула мать. – Ты уже здесь? Я думала, ты придешь гораздо позже...

– Я тебе точно сказала, во сколько появлюсь.

– Ничего подобного, – небрежно отмахнулась мать и обернулась к Эвану с Глендой. – Я просила Робин зайти, когда у нее будет время, и помочь мне с телефоном – совсем отказывается нормально работать.

– У меня тоже были проблемы с сотовым, – заметила Гленда, – и Эван подарил мне на день рождения новый.

С Глендой мать дружила, сколько Робин себя помнила. Отец однажды в шутку шепнул ей, что подругу матери наверняка называли в честь Глинды – доброй волшебницы из «Волшебника страны Оз», только одной буквой ошиблись, вот и вышла настоящая злая колдунья. И мать Эвана подобному образу вполне соответствовала: чрезмерно длинные ногти, вытянутый острый подбородок и маленький рот со строго сложенными губами.

– Я могу заглянуть позже... – Робин вздохнула.

– Да нет, зачем? Не желаю заставлять тебя бегать туда-сюда, а Гленда с Эваном ничего против твоего присутствия не имеют. Не так ли?

– Разумеется, – галантно ответил Эван.

Ладно. Она разберется с телефоном и тут же уйдет. Дел тут на десять минут. Робин прошла в комнату и присела рядом с Глендой.

– Попей чайку, – подвинула к ней чашку мать. – И попробуй яблочный пирог – Гленда сделала. Очень вкусный!

– О, я... – начала было Робин, однако Гленда уже отрезала ей приличный кусок. – Спасибо. Так что у тебя с телефоном?

– Постоянно твердит, чтобы я удалила фотографии, – раздраженно буркнула мать. – А я не хочу! Как мне еще увидеть внуков?

Она передала Робин потрепанный аппарат.

– Они до сих пор не заходят? – Гленда сочувственно покачала головой. – Ах ты бедняжка...

– Как я могу их принять? Мелоди ведь не сделала им прививку, – пожаловалась мать. – Все упорствует... А от младшей дочери я, конечно, внуков в ближайшем будущем не дождусь.

Робин едва сдержалась. Мелоди с ней никогда не расплатится. Серdito ткнула в экран материнского телефона. Ужасно старомодная модель, приобретена лет десять назад, да и тогда была далеко не из самых дорогих. Робин дважды покупала матери новый аппарат, однако та каждый раз возвращала их обратно – объясняла, что работают они куда хуже, чем старый.

– Во всяком случае Робин тебя навещает, – сказала Гленда. – Повезло нам иметь прекрасных любящих детей... Кстати, на днях я видела Милдред; так вот, она говорит, что будет счастлива, если внуки зайдут хотя бы на Рождество.

– У нас с Робин всегда была особая связь, – нежно проворковала мать.

Робин слегка отпустило – она даже коротко улыбнулась матери.

– Диана как-то сказала, что ты никогда не пропускала ее программу, – повернулась к ней Гленда.

– Это правда, – откашлявшись, ответила Робин.

– Заканчиваю передачу, – начала рассказывать мать, поглядывая на Эвана, – и еду домой. А там Робин – ждет меня на кухне, сидит у радиоприемника... Устраивались рядышком и обсуждали, как прошел эфир.

– Мама заваривала чай или делала графинчик лимонада, – продолжила Робин, почувствовав на языке вкус сладкого домашнего напитка. – Мы перекусывали имбирным печеньем, смеялись над звонками в студию и шутили по поводу ее подбора композиций.

Иногда она разрешала мне выбрать одну песенку на следующую передачу.

– Робин любила мою программу, – улыбнулась мать. – Одно дело, когда твоими эфирами наслаждаются посторонние люди, и совсем другое – собственные дети. Это нечто особенное.

– Я в детстве сто раз слушал вашу передачу, – подхватил Эван. – Замечательные были выпуски!

– Ах ты льстец! – засмеялась мать. – Хочешь сделать мне приятное?

– Нет, правда! Еще помню, что время пролетало незаметно.

Робин попыталась сосредоточиться на телефоне. Чертова штука действительно жутко тормозила. Пришлось очистить кэш нескольких приложений, хотя больше чем на день подобные ухищрения вряд ли помогут. Результат даст только радикальная мера – например, садануть по телефону тяжелым камнем.

– Да, Робин, – вновь заговорила Гленда. – Эван тут обронил, что ты занимаешься с Кэти Стоун...

– Э-э-э... что? – Робин удивленно приподняла брови.

– Мне сообщил Пит, – объяснил Эван. – Спросил моего мнения. Я сказал, что ты прекрасный специалист и наверняка поможешь Кэти преодолеть проблему.

Робин скрипнула зубами. Ну и глупец! Гленда и мать – завзятые сплетницы. К завтрашнему дню весь город будет в курсе, что она взялась за Кэти.

– Признаюсь, мне было немного обидно услышать подобные новости от Эвана, а не от собственной дочери, – дрожащим голосом заявила мать.

– Я не вправе обсуждать своих пациентов, – отрезала Робин.

– Мы с Робин разговаривали о Кэти еще неделю назад, – вклинился Эван. – По-моему, девочке просто нужно войти в привычный распорядок дня, и всё.

– Неделю назад? – пробормотала мать. – Она не обмолвилась ни словом...

– Мы встретились совершенно случайно, на почте, – уточнила Робин, вновь занявшись телефоном.

Еще несколько минут – и она свободна.

– Как интересно... – Гленда наострила уши.

– В общем, хорошо бы Стоунам отправить Кэти в школу, – гнул свое Эван. – Пусть ощутит, что вернулась к обычной жизни.

– Школьный год почти закончился, – резко возразила Робин. – Кэти отстала по всем предметам и лишь еще больше почувствует себя выбитой из колеи. Я уж не говорю, что дети будут постоянно изводить девочку вопросами об ужасных событиях.

– Учителя такого не допустят, – Эван пожал плечами. – По словам Пита, прежняя учительница Кэти готова заниматься с ней дополнительно. А детям велят к ней не приставать. Что тут сложного?.. Увы, Клэр против.

– Может, предложишь такой вариант на следующем сеансе? – спросила Гленда.

Робин вежливо улыбнулась, быстро прокрутила в уме десяток подходящих ответов и решила промолчать.

– Эван рассказал, что ты пытаешься заставить маленькую Кэти все вспомнить, – взяла слово мать. – Не знаю, насколько это удачная идея...

– Как ты сказала? У меня вовсе не такая... – Робин прикусила язык и ошеломленно глянула на мать, а затем на Эвана. – Я действительно не могу говорить о своих пациентах.

– Девочке нужно сделать все, чтобы оставить случившийся с ней ужас позади. Стоуны и без того пострадали, – заявила Гленда.

– Сейчас им еще хуже, ведь полиция вновь открыла дело, – фыркнула мать. – Вроде бы Кэти показывают фотографии подозреваемых...

– По-моему, преступник – близкий к семье Стоунов человек, – предположила Гленда. – Ведь сопротивления Кэти не оказала.

– Сомнительный аргумент, – возразил Эван. – Кэти – всего лишь маленькая девочка, справиться с ней несложно.

– Не забывай – мать была в доме, всего в нескольких шагах. – Гленда покачала головой.

– Говорят, Клэр болтала по телефону в ванной, причем с закрытой дверью, – заметила мать. – Так или иначе, стрессов Кэти и так хватает, к чему ей новые? Ей и без того плохо.

– Может, довольно? – решительно сказала Робин.

Эта тема уже сидела у нее в печенках. И вообще, день не задался, коли на то пошло.

– Разве ты не утверждала в свое время, что для некоторых твоих пациентов повторное столкновение с травмой – фактор стресса? – спросил Эван. – Помню, один из них даже прервал курс на середине...

– Нет, не прерывал! – вспыхнула Робин. – Мать перестала водить его на сеансы вопреки моим советам. Отчасти проблема заключалась в страховом полисе: его условия не позволяли оплатить больше часов. А загнать травму в подсознание – хуже не придумаешь!

– Я ничего загонять не предлагал, – Эван примирительно поднял руки. – Всего лишь повторил твои слова.

– Наверное, разумно помочь Кэти пережить ужасный опыт, – сказала мать. – Всегда считала, что психотерапевт – своего рода умственный пастух, собирающий разрозненные мысли и направляющий их в нужную сторону.

– Прекрасно сказано! – воскликнула Гленда.

Мать улыбнулась.

– Теперь я уже не веду эфиры на радио. С кем поделиться мыслями? Только с друзьями да с родственниками. Мне-то и так неплохо, а вот для слушателей – настоящая потеря.

Эван, вздохнув, произнес:

– В некотором смысле в исцелении нуждается не только Кэти и ее семья, но все наше маленькое сообщество. Происшествие с Кэти травмировало нас всех, зато теперь жители Бетельвилля смогут наконец жить дальше.

– По себе знаю, – поддержала его мать, картинно хлопнув по груди ладонью. – Каждый день думала о бедной девочке.

– И я, – подхватил Эван. – Кстати, Робин тогда тоже совершенно расклеилась.

Робин сжала челюсти, понимая, к чему ведет бывший муж.

– Не расклеилась, а расстроилась – как и все в городе.

– Помню, как говорил с тобой в тот вечер... – Эван приподнял бровь.

– Да тебя вообще в городе не было! – отрезала Робин. – Ты уехал в один из своих бесконечных туров с фотосессиями.

Эван обиженно опустил уголки губ.

– Я имел в виду по телефону. И тур я сократил, чтобы принять участие в поисках. Так или иначе, во время разговора ты рыдала не переставая...

– У Робин всегда было доброе сердце, – вставила мать. – Вся в меня.

– ...и все повторяла, что не представляешь, как чувствует себя Клэр.

– У нас был вовсе не такой разговор, – процедила Робин сквозь стиснутые зубы.

– С того дня прошло несколько месяцев, а ты все не могла успокоиться. Говорила, что для матери нет ничего хуже, чем потерять ребенка... По-моему, твой настрой как раз и привел к беде.

– Говори уж прямо. – Робин посмотрела на бывшего мужа.

Швырнуть бы ему в лицо проклятый телефон...

– В смысле?

– Что ты ходишь вокруг да около? Расскажи, какая такая беда.

– Сама знаешь... – Эван выпучил глаза. – Или собираешься заставить меня вновь пережить психологическую травму? Мы типа на сеансе?

– О чьей травме ты разглаговльствуешь? – вспыхнула Робин. – Это у меня случился выкидыш! Не у тебя, Эван! А ты, как всегда, отсутствовал. Я была одна в больнице, когда врачи сказали, что...

Ее душили слезы. Нет, не плакать... Только не сейчас, не при всех. Она откашлялась.

– Выкидыш не имел никакого отношения к случаю с Кэти.

Взгляд Эвана смягчился.

– Ты все время размышляла, каково приходится Клэр. Тебя подобная перспектива пугала. К тому же приходилось сталкиваться на сеансах с другими детишками с нервными расстройствами. Тебе ведь лучше других известно, насколько мысли и психологическое состояние влияют на тело. Вполне возможно, что твой собственный организм принял меры, чтобы подсознательные страхи не сбылись.

– Очень может быть, – кивнула мать. – Робин, помнишь, какие головные боли тебя преследовали перед экзаменами по математике? Я всегда считала, что это реакция организма на...

– Всё, телефон я наладила, – резко сказала Робин и отдала аппарат матери. – Теперь должен работать, а вообще я на твоём месте купила бы новый. Простите, но мне пора.

– А пирог? – огорчилась Гленда. – Хоть бы попробовала...

– Посиди еще немного, Робин, – бросила мать. – Где твои манеры? Я тебя такому не учила.

Робин окончательно вышла из себя и вскочила с дивана.

– Нет уж! Я ведь вижу, что ты тут устроила, мама. Очень мило позвать меня в гости, зная, что здесь будут Эван с Глендой! Извини, я не собираюсь участвовать в твоей постановке. У меня другие планы.

Мать схватилась за сердце и с намернувшимися на глаза слезами залепетала:

– Не понимаю, о чем ты... Какая постановка? Эвана и Гленду я пригласила еще в начале недели. Даже не знала, что вы появитесь одновременно...

– Правда, – поддержала ее Гленда. – Диана позвонила мне пару дней назад.

– А потом, надо было разобраться с телефоном. – Голос матери заметно дрожал. – Хотела починить сама, но это не так-то легко в моем возрасте...

Все трое смотрели на Робин со смесью жалости и осуждения. На такие штуки мать была горазда – умела заставить дочь почувствовать себя злодейкой, обвиняющей родительницу в воображаемых заговорах.

– Понятно, – не сдалась Робин, – однако мне пора. До свидания.

Развернувшись на месте, она выскочила из комнаты, ощущая, как ее захлестывают вина и злость. Знакомое ощущение.

По пути в прихожую она вдруг остановилась у спальни.

Кукольный домик...

Из гостиной доносился приглушенный голос матери, рассказывающей, сколько времени и душевных сил она вложила в воспитание дочери.

Робин вновь заскрежетала зубами и оглянулась. Никто ее не преследовал, никто за ней не наблюдал. Она шагнула в комнату и быстро направилась к кукольному домику. Вспомнив, как Кэти заселяла игрушки в домик, стоящий в игровой зоне, вытащила крошечный кухонный стол, три маленьких деревянных стульчика и двуспальную кровать. Поколебавшись, взяла также узенькую кроватку из детской спальни. Набрала полную пригоршню игрушечной мебели, однако в сумочку не положила – сломается.

Она вышла в коридор и, воровато оглядываясь, пробралась к выходу. Худшая дочь на свете...

Глава 15

В прессе и на телевидении постоянно повторяли, что похищенная больше года назад Кэти Стоун вернулась домой. В плену ее удерживали силой; теперь же девочка идет на поправку.

Вот и в очередной статье всё о том же. Читая ее, оставалось лишь скрипеть зубами от ярости. Похищенная... Да как они смеют говорить о похищении?!

Заголовки походили друг на друга, как две капли воды:

Пропавшая дочь воссоединилась с родителями.

Похищенная восьмилетняя девочка чудесным образом вернулась домой.

Ну, тут можно предложить кое-что поинтереснее:

Девочка вернулась в пренебрегавшую ею семейку.

Или несколько иначе – медиамагнатам точно понравится, и продаваться будет прекрасно:

Десять причин, по которым жизнь Кэти значительно ухудшилась после возвращения к биологическим родителям.

Что им вообще известно? Разве они прожили последний год бок о бок с Кэти, окружив ее родительской заботой? Может, это они хлопотали, когда девочка болела, читали ей на ночь, готовили еду?

Нашедший Кэти парень с удовольствием рассказывал репортерам, как та цеплялась за свою куклу и ни за что не желала отпустить. Естественно. Куклу Кэти любила, ведь та была особенной. Наверняка скучает по второй, которую забыла при побеге...

А вторая – вот она, лежит на столе. Ждет Кэти.

Кстати, вот еще заголовок для этих подонков:

Дочь недостойных родителей воссоединилась со второй куклой после нового похищения.

Да, Кэти не останется с Клэр и Питом. Та еще пара: даже года не смогли протянуть вместе без дочери. Как будто Кэти – единственная связующая нить, удерживающая их вместе...

Разумеется, за прошедший год совершено немало ошибок. Вряд ли нужно было погружать Кэти в мир насилия. Да и оставлять ее одну в том амбаре... Потому она и сбежала. Плохая идея.

В следующий раз подобных промахов не последует.

Однако действовать надо быстро. Если девочка заговорит – все пойдет прахом. Она начала ходить к Робин, а значит, риск увеличился. Робин может вернуть ей речь.

За ними следует наблюдать. А там, глядишь, возможность представится...

Я действительно люблю Кэти – и вновь ее заберу.

Глава 16

Робин не могла определить, кто выглядит более утомленным – Клэр или Кэти. У обеих красные опухшие глаза, обе бледные. Кэти казалась усталой и напряженной, словно пружина. Клэр же стояла с опустошенным взглядом и поникшими плечами.

– Проходите, – приветливо улыбнулась Робин. – Хотите попить? Жара сегодня просто невозможная.

Ей уже было известно о происшествии в доме Мелоди – и от самой сестры, и от Клэр. Версии предсказуемо различались, однако Робин умела читать между строк и вполне могла самостоятельно представить цепочку событий. Кэти плохо среагировала на громких и энергичных сыновей Мелоди; в ее подсознании щелкнуло реле, и мальчишек она восприняла как непосредственную угрозу. Отсюда и импульс «бей или беги». Вероятно, Кэти ощутила себя зажатой в угол в спальне Эми, и потому решила сражаться, выбрав в качестве оружия остро заточенный карандаш.

Все понятно: сыновья сестры пробудили в Кэти инстинкт выживания.

Все остальное Робин узнала из перемежаемого рыданиями рассказа Клэр – та звонила вчера вечером. Пит накричал на дочку и вырвал у нее карандаш. Кэти немедленно сжалась в комок и напрочь отказывалась двигаться. В машину малышку пришлось нести на руках, а теперь она не отпускала юбку Клэр и съезживалась, стоило появиться Питу. Ночью девочка почти не спала.

Робин налила обеим ледяной воды и провела их в игровую комнату.

– Кэти, как насчет тренировок с мыльными пузырями? Упражняешься каждый день?

Девочка заколебалась, однако кивнула.

– Не хочешь показать мне свои успехи?

– У нас кончилась мыльная пена, – пробормотала Клэр. – Попробовала заменить раствор жидкостью для мытья посуды, но получилось намного хуже.

– Ничего, у меня есть запас, – утешила ее Робин. – Дам вам немного с собой. Жидкость для посуды – не для профессионалов.

Она вопросительно приподняла бровь, и девочка ответила слабой, но довольной улыбкой.

Робин достала новую бутылочку и наполнила контейнер Кэти.

– Ну что, попробуем?

Девочка сделала глубокий вдох и несколько секунд равномерно дула в трубочку. Комната наполнилась плавающими в воздухе пузырями.

– Девятнадцать, – посчитала Робин. – Здорово! Еще разок?

Кэти предприняла еще две попытки под ее пристальным наблюдением – и быстро расслабилась. Похоже, в игровой комнате в присутствии Робин она ощущала себя в относительной безопасности, и дыхательные упражнения значительно снизили ее настороженность.

– Кэти, не отпустить ли нам твою маму в гостиную, пока мы играем? Что скажешь?

Поразмыслив, девочка кивнула, и Робин бросила взгляд на Клэр:

– Сделай себе пока на кухне чай или кофе, если хочешь.

– Спасибо! – выдохнула Клэр, явно благодарная не только за возможность попить кофе.

Она вышла из комнаты, и Робин прикрыла дверь.

Кэти уже направилась к небольшому пластмассовому столику. Присела и выбрала контейнер с красной дактилоскопической краской. Открыла крышку, взяла бумагу и приготовилась сделать первый мазок.

– Ты наносишь красную липкую краску на чистую бумагу, – прокомментировала Робин.

Кэти позволила краске стечь с пальцев на страницу. Посреди листа возникла большая клякса. Девочка отодвинула коробочку и долго смотрела на красное пятно. Ее плечи напряглись, дыхание участилось.

– Здесь только ты решаешь, как использовать красную краску, – напомнила Робин. – Всё в твоей власти. Можешь рисовать, а можешь просто выбросить лист.

Клэр рассказала, что у Ноа после удара острием карандаша кровоточила нога. По словам Мелоди, комната напоминала скотобойню. Наверняка у девочки отложился в памяти этот эпизод.

Кэти некоторое время смотрела на краску, а затем осторожно коснулась ее мизинцем. Изучив его, соединила два пальца вместе.

– Ты обмакнула в краску два пальца. Решила растереть ее по подушечкам.

Кэти немного посидела в раздумьях и, как и на прошлом сеансе, размазала кляксу по бумаге круговыми движениями ладоней, пока лист не покрылся красными завитками. Добившись желаемого, встала и пошла в туалет, где принялась смывать краску. Ее действия выглядели вполне осознанными, и Робин решила, что Кэти продумала их заранее: размазать краску по ладоням, затем смыть ее начисто. Надо бы пополнить запасы. Помыв руки, Кэти бросила взгляд на аптечку, и Робин достала пилку. Как и в прошлый раз, девочка удалила из-под ногтей остатки краски.

Удовлетворившись результатом, она вышла в игровую комнату и решительно направилась к кукольному домику. После короткой паузы осторожно взяла один из крохотных кухонных стульчиков, которые Робин стащила у матери, и долго с удивлением его рассматривала.

– Вот, разжилась новой мебелью для домика, – беззаботно сказала Робин. – Нравится?

Кэти отложила стул, изучила остальные комнаты домика и провела пальцем по детской кроватке.

В отличие от материнского домика, в игрушечном коттедже Робин места было маловато, а потому пришлось поставить кровать в гостиную, подле пластмассового телевизора. Кэти задумалась, затем вытащила кроватку наружу и отставила в сторону. Присмотрелась к двуспальной кровати, которую Робин разместила на втором этаже, и перенесла ее в мансарду.

Закончив с перестановками, девочка подошла к полкам с игрушками. Действовала она снова целенаправленно: сняла несколько фигурок – женщину с тортом, девочку, балерину и фермера. Злобного клоуна не тронула. Перенесла их на столик и поставила в кухоньку. Потрудившись рассадить всех на новые стулья, довольно улыбнулась: игрушечная девочка села идеально. И тут настала очередь Джокера. Взяв его с полки, Кэти сжала фигурку в кулачке.

Боишься, что злодей удерет?

– Здесь только ты решаешь, куда пойдут игрушки и чем будут заниматься. Их судьба в твоих руках.

Кэти помедлила, разглядывая клоуна, а потом поместила его в гостиную.

– Клоун сидит в гостиной в одиночестве, – заметила Робин. – Все остальные собрались на кухне.

Кэти начала передвигать игрушки и постепенно увлеклась игрой. Попыталась рассадить их за столом и изобразила, будто жители дома готовят и едят. За игрой девочка расслабилась, и уголки ее губ чуть приподнялись. Улыбается... Как и предполагала Робин, домик очаровал маленькую пациентку – не зря прибрала у матери игрушечную мебель.

У нее возникла новая идея.

– В нашем домике маловато обстановки, – вздохнула она. – Может, в следующий раз принесешь из дома свои игрушки, и мы ее пополним? Что скажешь?

Кэти надолго задумалась – и наконец кивнула.

Задача поставлена: теперь девочка до очередного сеанса будет размышлять о кукольном домике. Между кабинетом Робин и пациенткой протянется невидимая нить. Связь Кэти с игровой комнатой укрепится. А если она и вправду что-то принесет, выбор игрушек может показать, что у нее на уме.

Через некоторое время Кэти сделала шаг назад и осмотрела домик. Помедлив, перенесла фигурку Джокера в кухню.

– Клоун присоединился к остальным игрушкам.

Кэти взяла игрушечного фермера, перевернула его вниз головой и прислонила лодыжкой к руке Джокера. Создалось впечатление, что тот держит фермера за ногу. Затем злодей, повинувшись Кэти, вернулся в гостиную, волоча за собой фермера.

Робин хотела было сказать, что клоун с фермером ходят теперь вдвоем – следовало придать сценке позитивный оттенок. Однако получилось бы не попад: Кэти явно воспроизводила некий конфликт. Пациентка должна почувствовать – Робин заинтересовалась ее действиями и постарается понять все, что та ей покажет.

– Клоун тащит фермера в гостиную.

Кэти поставила Джокера посреди комнаты, а фермера положила у его ног. На секунду замерла в нерешительности, потом отвернулась от домика и окинула взглядом кабинет. Несколько раз прошла вдоль полок и наконец остановилась у песочницы. Неужели потеряла

интерес к кукольному дому? На прошлом сеансе она не на шутку увлеклась песочницей...

– Хочешь поиграть с песком?

Кэти глянула на Робин, нахмурилась и сделала шаг назад. У песочницы лежали разнообразные цветные ведерки и совочки, а еще игрушечный набор с пластмассовыми инструментами. Над ним Кэти и склонилась. Порывшись в ящичке, выбрала голубую дрель, тронула кнопку, и большой желтый держатель для сверла с жужжанием повернулся.

– Насадка дрели крутится каждый раз, когда ты нажимаешь кнопку. Только ты решаешь, когда дрель будет работать.

Кэти вернулась к кукольному домику и приподняла руку клоуна, а затем прислонила к ней дрель.

Инструмент был больше, чем сам игрушечный человечек, и все же сценка показалась Робин тревожной: создавалось впечатление, что Джокер держит огромный пистолет.

– Клоун взял голубую дрель.

Кэти развернула Джокера таким образом, что наконечник дрели уперся в голову фермера. Маневр был сложен для ее маленьких ручек – попутно приходилось одним пальцем придерживать кнопку инструмента, – и все же девочка, высунув от напряжения кончик языка, справилась.

– О, нет, – вздохнула Робин. – Клоун прицелился дрелью прямо в голову фермеру...

Впрочем, Кэти ее, похоже, не слышала – настолько сосредоточилась на игре. Нажала на кнопку, насадка закрутилась, и фермер слетел со столика.

– Клоун напугал фермера дрелью, – констатировала Робин. – И, наверное, сильно его поранил.

Кэти уставилась в пол, сжав челюсти, потом нетерпеливо подняла фермера и положила его на прежнее место. Снова повторила сценку – нацелилась дрелью в голову игрушки, только на этот раз плотно прижимать не стала, и опять придавила кнопку. Маленький инструмент зажужжал в дюйме от виска фермера.

– Бедняжка... Клоун поранил ему голову.

Кэти все жала на кнопку, и дрель надсадно завывала. Через несколько секунд пальцы девочки задрожали от напряжения, и все же

она продолжала сверлить голову фермера, часто дыша через нос.

Робин наблюдала за Кэти с растущим беспокойством. За прошедшие годы в кабинете случилось немало тревожных эпизодов, однако при виде сосредоточенного поведения молчаливой пациентки, разыгрывающей жестокую пантомиму с игрушками, в ее сердце заполз холодок. С одной стороны, ей надлежало соблюдать спокойствие, продемонстрировать девочке, что все происходящее совершенно нормально и Робин способна понять каждое ее действие. С другой стороны, она испытывала страх: сегодняшний сеанс негативно воздействовал на подсознание.

– Клоун продолжает царапать фермера дрелью, – нейтральным тоном, словно бесстрастный наблюдатель, заговорила Робин, подпустив в голос нотку грусти и сочувствия к несчастному. – Какой злой клоун...

Она надеялась, что Кэти вот-вот отложит дрель, но не тут-то было. В конце концов ее наконечник коснулся головы фермера, и тот вновь упал на пол.

Помедлив, Кэти подняла упавшую игрушку и опустила на стол. Похоже, собирается воспроизвести сцену в третий раз... Сердце Робин сбилось с ритма.

– Давай подумаем, чем помочь бедняжке, – предложила она, заставив себя ласково улыбнуться. – Можно ли выручить фермера, сделать так, чтобы клоун перестал его мучить?

Кэти бросила на Робин отсутствующий взгляд.

– Кто придет фермеру на выручку?

Девочка задумчиво осмотрелась и, положив Джокера, направилась к полкам с игрушками. Словно поддавшись внезапному порыву, схватила самую большую – двуглавого дракона, за которым последовали высокий борец, танк и пластмассовая акула.

Вывалив их на столик, девочка вернулась к полкам и выбрала еще несколько штук – больших, даже устрашающих: колдунью, варвара с тяжелым мечом и длинную резиновую змею.

Игрушки Кэти расставила в кружок, в центр которого поместила Джокера с фермером.

– На помощь пришли самые большие и сильные друзья.

Дальше последовала беспорядочная свалка. Кэти схватила игрушки и обрушила их на Джокера. Несколько фигурок упали со

стола, да так и остались валяться на полу.

– Игрушки пытаются остановить злого клоуна – ведь он хотел навредить фермеру, и ему следовало помешать.

Наконец Джокер оказался в самом низу кучи – с одной стороны торчала голова акулы, с другой – задняя часть дракона.

– Большие игрушки схватили злодея, – улыбнулась Робин. – Ему больше не удастся мучить фермера.

Кэти испустила долгий прерывистый вздох и улыбнулась в ответ, хотя ее губы дрожали, а по щеке сползала слеза.

– Фермер теперь может присоединиться к друзьям на кухне – если, конечно, захочет, – сказала Робин, сглотнув ком в горле. – Большие сильные игрушки не позволят клоуну на него напасть.

Кэти подняла фермера и внимательно изучила кукольный домик. Сделав шаг назад, развернулась, подошла к песочнице и опустилась на колени. Следующим движением она погрузила игрушку глубоко в песок, а поверх насыпала высокий холмик.

По мнению Кэти, вернуться в игру фермеру было не суждено.

Глава 17

День похищения

Сжав в руке телефон, Элли остановилась с колотящимся сердцем. Надо позвонить. Обязательно нужно о нем рассказать. К ней ведь наверняка прислушаются? В конце концов, исчезла маленькая Кэти, и сейчас любая информация на вес золота, кто бы ее ни принес.

Серьезно?

Даже она, Элли?

Она точно знала, что заявят родители. Элли, мол, опять выдумывает небылицы, лишь бы привлечь к себе внимание. Сколько раз она в детстве слышала эти слова... Родителей поддержат все знакомые, вспомнят, как она в школе малевала на стенах граффити, не забудут упомянуть и о ее бывшем. Норман вечно рассказывал о ней грязные истории. С каким облегчением Элли уехала из города, поступив в колледж! Там ее ценили и поддерживали.

В Бетельвилле же все давно составили о ней мнение. И вот теперь Элли обвинит самого Мистера Совершенство? Человека, которого обожал почти каждый житель городка...

Полно, ее никогда не послушают. Начнут задаваться вопросом – что она вообще делала там, где ее быть не должно?

Да-да, прислушаются к кому угодно, только не к ней. Прислушаются, но поверят ли? Ей-то – вряд ли.

И все же следует сообщить. Время дорого! Может, не родителям, не полиции? Например, дяде Джимми. Тот наверняка не отмахнется. Кроме него, Элли никто серьезно не воспринимает... Дядя скорее поверит ей, чем кому-то еще.

Хотя и он спросит – что ты там делала? А достойного ответа нет. Все ответы плохие, как ни крути.

Элли положила телефон в карман. Звонки ничего не изменят. Так или иначе, Мистер Совершенство Кэти не похищал. Если даже копы решат проверить ее слова, они в этом быстро убедятся. Лучше уж промолчать.

Каково сейчас людям, у которых пропал ребенок – замечательная милая Кэти? Невозможно даже представить. Элли ведь с ней

приходилось сидеть – и ни разу она не выпустила девочку из виду. И Клэр должна была смотреть за дочерью во все глаза. Как она могла допустить, чтобы с Кэти стряслась беда?

Дядя Джимми когда-то говорил: не следует тебе судить родителей, пока сама не станешь матерью. Вправе ли она судить Клэр?

С другой стороны, когда приходилось сидеть с Кэти, Элли видела разное. Видела и слышала. Клэр и Пита идеальными родителями точно не назовешь.

Глава 18

Начинался сон вполне невинно. Она снова была ребенком. Сидела в родительской спальне, разглядывая кукольный домик, и восхищалась изысканной миниатюрной мебелью.

Не сдержавшись, принялась играть. Перенесла фигурки из своей игровой комнаты в домик. Одну усадила в кресло в гостиной, другую поместила в крошечную ванну. Третью положила в маленькую кроватку.

А та возьми и сломайся! Совсем тоненькая трещинка; может, мама ничего и не заметит? Ах ты, на ванне грязное пятно! Креслице из гостиной куда-то пропало... И вот уже разваливается весь домик: половицы провалились, обои сгнили, мебель облупилась. Нельзя было его трогать! Зачем только она начала играть? Разве это игрушка? Нет, не игрушка!

Сзади раздались шаги. Сейчас войдет мама! Робин догадывалась, что она сделает, увидев развалины домика. Будет больно. Ее оттащут за волосы, исцарапают острыми ногтями лицо, хорошенько ущипнут за руку и...

Робин рывком села в кровати с ухающим сердцем.

Тревожный сон... Мать никогда не причиняла ей в детстве физической боли. Правда, по этому вопросу они с Мелоди расходились во мнениях. Сестра заявляла, что мать их наказывала, когда папы не было дома. Например, шлепала, если дети слишком шумели, а в сильном раздражении таскала за волосы. По словам Мелоди, подобное случалось нередко. Сестра даже вспомнила, как мать вырвала у Робин целую прядь.

У нее-то самой таких воспоминаний не отложилось. Впрочем, как психолог Робин прекрасно знала: память – штука обманчивая. Однако если мать практиковала телесные наказания, наверняка хоть что-то да запомнилось бы, как иначе?

Она глянула на часы: без двадцати два, глубокая ночь. Ей надо снова уснуть.

Ничего не вышло. Так и не сомкнула глаз до самого утра.

Итого весь сон составил два часа десять минут. Фильмы и то идут дольше. Ну, обычные фильмы. Какую же ленту она смотрела последний раз? Хм, там еще был знакомый актер, симпатичный парень... Увы, ни названия, ни имени главной звезды вспомнить не удалось. Сколько шла та картина? Черт его знает, но точно больше двух часов десяти минут.

Кончился собачий корм – пора сходить в магазин. Впрочем, и в холодильнике, честно говоря, шаром покати. И все же первым делом надо купить еду Менни.

Тому, кто не выспался, местный супермаркет был точно противопоказан.

Яркий свет потолочных ламп бил в глаза, и Робин на миг ослепла. Ее тележка имела три нормальных колеса, а четвертое жило своей жизнью – явно стремилось вырваться на волю. Кассовые аппараты издавали бесконечную какофонию звуков, да еще чей-то ребенок закатил истерику в соседнем проходе между стеллажами.

Робин была готова расплакаться.

Дома она набросала список покупок и, естественно, забыла его на столе. Писала всего двадцать минут назад, а теперь не могла вспомнить ни строчки, кроме собачьего корма. Что она планировала? Молоко? Туалетная бумага? Паста?

В соседнем проходе, где лежали макаронные изделия, по-прежнему орал ребенок. Ну и черт с ней, с пастой! Пока обойдемся.

Собственно, обойтись можно и без всего остального. Взять пачку корма – и бегом отсюда.

Робин с трудом сообразила, в какой секции стоят корма. Мысли текли тягуче, словно мозг обмакнули в патоку. Поплелась по магазину черепашьим шагом. Нельзя так жить – станешь параноиком: похоже, каждый покупатель внимательно на нее смотрит. Дальше возник затор из тележек – какой-то мужчина, разглядывая упаковки с хлопьями, бросил тележку посреди прохода. Мужчинам вообще нельзя позволять ходить за покупками! А сунувшихся в супермаркет – безжалостно отстреливать. Робин ненавидела всех и вся.

Ага, вот наконец и собачий корм. Какой предпочитает Менни? Ягненок и креветки? Или утку? Она попыталась прочесть состав. В глазах все сливалось, буквы наезжали друг на друга, кассовые

аппараты пищали, а чертов запах дрожжей – в принципе вполне приятный – едва не вызвал у нее рвоту.

Робин схватила зеленую пачку и кинула в тележку. Вроде в последний раз покупала именно такую. По пути к кассам наткнулась на полку с туалетной бумагой и взяла одну упаковку. Наверняка бумага в списке присутствовала.

Очереди у касс вызвали у нее затруднение. Можно встать за женщиной с набитой доверху тележкой – перед ней никого, или за троицей с небольшим количеством покупок. На что решиться? Какую кассу не выбери – все равно прогадаешь.

Робин пристроилась за троицей. Женщина с переполненной тележкой наверняка из тех, кто прямо на кассе вспоминает о пяти-шести забытых позициях из списка.

– О, Робин!

Ч-черт...

Очередь она заняла за Тарой. Милая женщина, Робин она нравилась. Пару лет ходили вместе на йогу. Даже образовали с ней маленькую коалицию, потому что стоявшая перед ними дама непрерывно портила воздух, и они чудом не скончались от таких газовых атак. Другое дело, что сейчас Робин не желала ни с кем общаться.

– Привет, – буркнула она, нацепив на лицо фальшивую улыбку. – Как дела?

– Прекрасно, а у тебя?

– Тоже неплохо.

– Пришла за кормом для Менни?

– Ага, – хмыкнула Робин. – Ну, ты знаешь, как это бывает.

Реплика прозвучала явно не попад, однако Тара, похоже, ничуть не возражала.

– Как он? Сколько ему уже?

– Семь.

– Он такой милый...

Робин кивнула, осознав, что по-дурацки улыбается с самого начала разговора.

– Говорят, ты занимаешься с Кэти Стоун? – понизила голос знакомая.

Интересно, кому мать еще не рассказала о ее пациентке? Робин уперлась взглядом в свою тележку. Ничего не поделаешь, придется ответить.

– Я... э-э-э... не имею права разглашать...

– О, медицинская тайна, понимаю. А все-таки хорошо, что кто-то взялся ей помочь. Особенно после случая с твоим племянником.

Откуда ей известно? Мелоди разболтала? Или Фред? Да нет, все гораздо проще. У сестры четверо детей. Конечно, поделились с друзьями. Странно было бы молчать о подобном событии. Проклятье...

– Ничего страшного не произошло – так, небольшое недоразумение.

– Знаешь, я на месте Клэр начала бы все с чистого листа. Питу ведь поступило предложение о работе в Индианаполисе. Почему бы не изменить свою жизнь? Для маленькой Кэти самое то. Переедет – и избавится от плохих воспоминаний.

Робин вдруг осенило. Паранойя тут ни при чем. На нее действительно смотрят. Неудивительно – в рейтинге сплетен Бетельвилля она сейчас на первом месте. Была никто – а теперь психотерапевт, работающий с Кэти Стоун...

– Хм. Тара, а что ты слышала о...

– Тара, привет! – перебили их сзади. – О, Робин! Как дела?

Элли, официантка из кафе «У Джимми»... Стоит, прижимая к груди кучу покупок.

– А, Элли! – Тон Тары изменился, стал задорным. – У тебя-то как делишки, подружка?

Как делишки, подружка... Тара пытается работать под девчонку, специально для Элли?

Робин улыбнулась.

– Привет, Элли. Как сама?

– Все отлично. Ах я глупая... Робин, не возражаете, если я положу покупки в вашу тележку? Думала, обойдусь, да вот набрала целую гору...

– Конечно, – Робин махнула рукой. – Не стесняйся. Видишь, у меня только корм для Менни и туалетная бумага.

– Туалетная бумага тоже для Менни?

Элли сбросила свою кучу в ее тележку. Макароны с сыром, мороженое, сливочный сыр, яйца... Черт, яйца! Строчка из забытого дома списка. Можно быстренько сбежать. Или не надо?

– Знаете, – заговорила Тара, – я ведь туалетную бумагу не покупала больше года. Еще в начале пандемии запасла миллион упаковок.

– Ах, значит, это вы? – ухмыльнулась Элли. – А я-то одно время пользовалась фильтрами от кофе-машины – в магазинах тогда туалетная бумага совсем пропала... Теперь ясно, кого винить!

Робин рассмеялась и с ужасом поняла, что не может остановиться. Смех перешел в истерику. Шутка Элли была не самой выдающейся, однако Робин прямо-таки задыхалась от хохота. Тара и Элли уставились на нее, точно на чокнутую.

– Как там Джимми? – наконец спросила Робин, вытирая слезы.

– Продолжает сводить меня с ума, – Элли закатила глаза. – Разрабатываю сейчас странички кафе в социальных сетях. Он ведь сам попросил меня заняться, а теперь, стоит мне сделать снимок – начинает стонать, что мое поколение не может насладиться приятной минуткой, не выложив фоточку в «Фейсбук».

– Хм... – пробормотала Тара.

– А я, между прочим, вообще в «Фейсбук» не захожу! – продолжала жаловаться Элли.

Двери супермаркета разъехались в стороны, и в магазин вошла женщина с ребенком за руку. Робин не сразу сообразила, кто перед ней. Клэр и Кэти...

Девочка настороженно обвела зал немигающими глазами, посматривая то вправо, то влево. Вот для кого поход в супермаркет – настоящее испытание. С ее-то обостренными до предела чувствами. Наткнувшись взглядом на Робин, Кэти замерла.

– Привет, Клэр! – окликнула женщину Тара.

– Ой, привет! – Обернувшись, та улыбнулась всем троим. – Как дела?

– Прекрасно! – бодро воскликнула Тара.

– Вот, выбрались за покупками, – поддержала разговор Элли. – У вас с Кэти всё в порядке?

– Да-да, отлично.

Клэр ничем не напоминала ту женщину, что пришла с ребенком на сеанс. Тогда она выглядела утомленной, уязвимой, расстроенной. Сегодняшняя Клэр была жизнерадостной и энергичной.

О Кэти Робин того же самого сказать не могла. Увидев ее, девочка напряглась, сжав челюсти. Глаза распахнулись еще шире и забегали по сторонам, словно у затравленного животного. Робин вполне представляла себе ее чувства. Малышка наверняка ассоциировала знакомую тетю с игровой комнатой – местом, где они касались деликатных тем, однако там Кэти полностью контролировала ситуацию. В магазине же она не ощущала себя в безопасности, а столкнувшись с Робин, совсем впала в ступор.

– Рада вас видеть, – с улыбкой сказала Робин.

– Я тоже, – кивнула Клэр и сделала шаг вперед, однако Кэти держала ее, словно якорь.

– Пойдем, милая, – попросила Клэр.

Кэти вздрогнула и отступила назад, к выходу.

– Нет, солнышко, нам нужно купить кое-какие продукты, – уговаривала ее Клэр.

Девочка, задыхаясь, потянула мать к дверям.

– Кэти...

Клэр сразу осунулась, и Робин разглядела в ее глазах тщательно замаскированные тревогу и отчаяние. Наконец женщина сдалась и позволила дочери вывести себя из магазина.

– Не пойму, что ее так напугало, – удивилась Тара.

Робин не считала себя вправе пускаться в объяснения, тем более что о причине немедленно догадалась Элли:

– По-моему, ее сбило с толку присутствие Робин.

Тара откашлялась.

– Хм... Да, очень может быть. Однажды я сама столкнулась на улице со своим психотерапевтом и почувствовала себя как-то странно. Что уж говорить о такой малышке...

Они с Элли обменялись взглядами. Наверняка сегодняшний случай даст еще больше пищи для циркулирующих по Бетельвиллю слухов. Начнут судачить, как у девочки с психологической травмой случился срыв при встрече с психотерапевтом в супермаркете. Будут болтать – дескать, Клэр не способна контролировать свою дочь. Слышали, ей даже пришлось уйти из магазина? Вероятно, скажут, что

Пита Кэти слушается лучше, он ведь с ней не так нянчится, как Клэр. А Робин, конечно, не стоило брать на лечение живущего по соседству ребенка – они просто обречены то и дело встречаться на улицах.

Робин отдавала себе отчет, что гнев и горечь – результат усталости. Впрочем, понимание причины ничего не меняло: ей было неприятно. Не расскажи мать знакомым о ее пациентке, все было бы тихо и мирно. Одно дело посплетничать с мамой, и совсем другое – когда она распускает о тебе слухи. Робин не находила себе места от злости.

Элли с Тарой принялись обсуждать телевизионный сериал, а Робин замкнулась в молчании. Наконец подошла очередь Тары, и та предложила:

– Хочешь, пропущу тебя вперед? У тебя покупок кот наплакал.

– О, спасибо! – с облегчением выпалила Робин.

В глубине души она понимала – ей просто оказали любезность. Однако внутренний голос твердил: Тара уступила очередь лишь потому, что они с Элли тайно сговорились посплетничать на ее счет.

Вздыхнув, Робин вспомнила проверенное временем правило: если в твои размышления закрадываются словечки типа «заговор» – скорее всего, у тебя паранойя.

Нужно поспать...

Она быстро расплатилась. Покупки Элли всё еще лежали в тележке, и Робин, оставив ее на кассе, схватила в охапку собачий корм и туалетную бумагу. Попыталась сообразить, где припарковала машину. Уронила упаковку, нагнулась поднять, и тут же подскочил какой-то мужчина – спросил, не надо ли помочь. Робин прорычала, что все нормально и помощь не требуется.

Пока дошла до машины – превратилась в комок нервов. Это мать ее довела! Надо съездить к ней прямо сейчас и высказать все, что накопело.

Подъехав к родительскому дому, Робин выбралась из машины и хорошенько, с чувством хлопнула дверцей. Вошла в дом, отомкнув замок собственным ключом. Потопталась у порога и прислушалась, кипя от ярости. Из глубины дома доносился тихий звук льющейся воды. Ага, мать в душе, а душ она принимает чудовищно долго. Придется посидеть.

Почему бы не завалиться пока на материнскую кровать? Можно даже немного поспать. Видит бог, ей нужно выспаться. Внутренний голосок нашептывал: ссориться с матерью в таком состоянии – далеко не лучший план.

Робин добрела до спальни, собираясь прилечь, и тут ее взгляд упал в угол комнаты.

Через несколько минут она вышла на подъездную дорожку с прекрасным кукольным домиком в руках, изнемогая от страха и тщетных попыток оправдать свои действия.

Глава 19

В детстве Робин могла часами любоваться кукольным домом. С упоением изучала изящную мебель, восторгалась продуманным расположением каждого предмета обстановки крохотных комнат. Мать порой уделяла целые дни поиску подходящего коврика ручной работы, сочетающегося с портьерами размером с почтовую марку, или столика для кабинета – опять же штучного.

Робин дозволялось смотреть, но не трогать. Изощренная пытка! Впитываешь красоту глазами, а поиграть не можешь.

Точно так же теперь вела себя и Кэти – будто не верила, что ей разрешат хотя бы коснуться подобного чуда. На этот раз она принесла с собой коробку из-под обуви – наверняка с свещичками для домика, как и предлагала Робин. Клэр рассказала, как Кэти несколько дней мастерила разные разности для кукол. Сообразив, чем занимается дочь, она отвела ее в лавочку рукоделий, и там они приобрели запас подходящих материалов для нового проекта.

– Если хочешь, можно поиграть, – мягко сказала Робин.

Свою добычу она поставила на стол рядом со старым домиком. Кто знает, который из них сегодня привлечет внимание Кэти? Сочетание выглядело несколько двусмысленно, напоминая бедный район, в который случайно затесался королевский дворец. Домик Робин по сравнению с особняком в викторианском стиле производил впечатление затрапезной развалюшки.

Услышала ли ее Кэти? Девочка, погружившись в созерцание, стояла совершенно неподвижно. Жильцов в новом домике пока не было – кукол под него Робин приобретать не стала. В детстве пустые комнаты сводили ее с ума: какой смысл в обладании идеальным маленьким дворцом, если в нем никто не живет?

– Хочешь заселить туда игрушки?

Кэти бросила на нее быстрый взгляд и воззрилась на коробку из-под обуви, стоящую между домиками. Затем, к удивлению Робин, отвернулась и направилась к столику для рисования. Взяла чистый лист бумаги и нанесла на него хорошую порцию красной краски.

Повторяя ставший привычным ритуал, размазала ее обеими ладонями, а затем пошла к раковине. Очищающий обряд...

Завершив его, Кэти тщательно вытерла руки и вернулась к кукольному домику. Осторожно вытащила из гостиной миниатюрные напольные часы и исследовала их, проведя пальчиком по деревянной резьбе. Удивленно вздохнула, обнаружив наверху маленькую дверцу. Несколько раз то открывала ее, то закрывала, и наконец вернула часы обратно. Тихонько тронула двуспальную кровать в «родительской спальне».

Сегодня ночью Робин делала примерно то же самое. Прошла пара десятков лет, и вот – можно играть с кукольным домиком, не страшась быть пойманной с поличным. Она изучила каждый предмет мебели, залюбовавшись потрясающей ручной работой. Не сразу поняла, что плачет – отчасти по той девочке, которая годами отчаянно желала прикоснуться к чуду, отчасти по взрослой женщине, осознавшей: время ушло, прошлое не вернешь. Да, у Робин появилась возможность осязать прекрасную игрушку, однако по-настоящему играть ею она уже не могла.

А вот для Кэти еще не поздно.

Внимательно рассмотрев домик, маленькая пациентка быстро прошла к полкам и выбрала несколько фигурок: девочку, женщину с тортом, балерину – словом, тех же, что и прошлый раз. А вот на фермера не обратила никакого внимания. Итого в домик заселились пять игрушек. Некоторое время Кэти беззаботно играла.

– Мама испекла торт для Мистера Монополия и девочки, – комментировала Робин. – Вкуснятина! Должно быть, игрушки в восторге от такого прекрасного торта. Балерина прилегла в спальне. Девочка пошла в детскую. Наверное, наступил вечер – игрушки устали...

Губы Кэти тронула легкая улыбка, ее лицо смягчилось, и напряжение немного спало. Она открыла крышку принесенной из дома коробки, пошарила внутри и, вытащив маленькое квадратное одеяльце, укрыла спящую девочку.

– О, малышка получила новое одеяло с красивой вышивкой... Наверное, она счастлива.

Робин бросила взгляд на коробку, гадая, что еще припасла для кукол Кэти. Рассмотрела маленькую подушку, спичечный коробок,

вырезанный в виде детской кроватки, и кое-какую одежонку – платье, рубашку, длинный галстук и брючки. Труда и заботы Кэти вложила немало.

Еще она принесла вещицы, приобретенные в магазине: шарики, наперсток – видимо, он послужит большой кружкой, пластилин, браслет (наверное, будет ожерельем?), пластмассовое деревце и несколько стикеров. Всё для дома.

Кэти отвернулась от викторианского особняка и присмотрелась к старому домику. Запустив в него руку, достала маленький пластмассовый телевизор и поместила его в гостиную большого дома. Среди мебели тонкой ручной работы неуклюжая грубая игрушка смотрелась неуместно. Маму хватил бы сердечный приступ.

– Теперь у игрушек есть телевизор. Они могут смотреть его все вместе.

Кэти уставилась на Робин, и в ее взгляде читались раздражение и даже злость. Странно... Может, ее тоже раздосадовало несоответствие между телевизором и прочей обстановкой? Не исключено. И все же ему явно отводилась важная роль в игре.

Девочка вернулась к полкам, сняла фигурку Джокера и втиснула его в домик. Для крошечной мебели он был великоват, однако Кэти пристроила его на диван.

– Злой клоун смотрит телевизор в гостиной.

Убрав из гостиной Чудо-женщину и Мистера Монополия, Кэти перенесла их в кухоньку.

– Все ушли из комнаты с клоуном. Знают, что его следует опасаться.

Кэти пошарила в своей коробке и извлекла изящный серебряный браслет с маленьким кулончиком в виде дельфина – вероятно, носила его до похищения. Примерила к фигурке девочки. Великоват...

Неожиданно для Робин Кэти обмотала его вокруг голени куколки, а второй конец зацепила за ножку кофейного столика в гостиной.

Значит, не ожерелье, а цепь...

– Злой клоун привязал девочку к столу, – заговорила Робин, пытаясь сдержать намечающуюся в голосе дрожь. – Похоже, девочка напугана.

Кэти схватила Джокера и переместила его на второй этаж, где спала в кроватке балерина. Как и раньше с фермером, прислонила руку

злодея к ноге танцовщицы, а затем разыграла, будто тот выходит из комнаты, волоча за собой девушку.

– Плохой клоун вытащил балерину из кровати. Он делает ей больно.

С помощью Кэти Джокер и балерина выбрались из домика, после чего наступила небольшая пауза. Положив обе игрушки, девочка заглянула в кухоньку и аккуратно сняла какой-то предмет со столика. Робин напрягла зрение, присматриваясь.

Вчера вечером она обнаружила, что в одном из ящичков игрушечного кухонного шкафа лежат серебряные приборы – каждый размером меньше ноготка. Парочку решила выложить на стол – вроде как накрыла на двоих.

Теперь Кэти держала между пальцами тоненький, словно зубочистка, ножичек. Прижав нож к ладони злодея, она заставила его несколько раз резко поднять и опустить руку, вонзая оружие в тело балерины.

– О, нет... – негромко пробормотала Робин. – Клоун причиняет боль танцовщице. Ужасная жестокость...

Вмешаться, переключить Кэти на более оптимистическую версию маленького спектакля? Увы, в первой фазе лечения ей следовало лишь показать, что она примет любую игру, которую придумает девочка. Такова функция психолога – быть вместилищем для ужасных образов, запечатлевшихся в сознании пациента.

Ударив танцовщицу добрый десяток раз, Кэти позволила ножу упасть на стол.

– Плохой клоун уронил ножик. Ладно, Кэти. Не хочешь ли ты... – начала Робин.

Не обращая на нее внимания, девочка копалась в коробке для обуви. Наконец вытащила галстук. Хотя стоп. Не галстук...

Господи, нет...

У Робин в груди похолодело.

Кэти вновь запустила руку в коробку и извлекла пластмассовое деревце. К нему прицепились маленькие штанишки, и Кэти нетерпеливо стряхнула их на пол, а затем привязала «галстук» к одной из веток.

Удавка...

Поставив деревце возле балерины, девочка заставила Джокера накинуть петлю ей через голову. Процедура оказалась непростой: веревка сползала с ветки, а балерина дважды выскользнула из пальцев Кэти. Тогда она отставила клоуна в сторону, как следует закрепила веревку на шее игрушки и...

...и разжала пальцы.

Балерина закачалась на дереве.

В точности как та блогер – Хейли Паркс, чье тело обнаружили в лесу около месяца назад.

Глава 20

Выходящую из дверей девочку он увидел из окна машины, припаркованной чуть в стороне от дома Робин Харт. Идет за руку с Клэр Стоун. Робин остановилась на пороге и помахала им, провожая пациентку. Улыбается. Ну-ну. Прекрасная сцена. Интересно, как она смотрелась бы на большом экране? Девочка спускается с крыльца, оглядываясь в камеру. Крупный план детских пальчиков, вцепившихся в материнскую ладонь. Следующий кадр – Робин в дверном проеме. Тоненькая блузка, верхние пуговицы расстегнуты, волосы развеваются на ветру.

Ладно, ветра нет, однако порой следует дать волю творческому чутью сценариста.

Он следил за Робин, пока та не закрыла дверь. Клэр с девочкой уехали. Аккуратно записав время, бросил блокнот на пассажирское сиденье. Поехать за ними? Нет, не стоит. Он продолжал сидеть, поглядывая на дом.

В одном из окон появился женский силуэт – Робин встала в кухне перед холодильником.

Он вытащил телефон, открыл ее профиль на «Фейсбуке» и уставился на главное фото. Телегенична, никаких сомнений. Идеально подойдет для следующего проекта. Он облизнул губы.

Откинувшись на спинку сиденья, наблюдал, как Робин ходит по дому. Выключила свет. Собирается уходить?

Дверь дома вновь распахнулась, и женщина вышла из дома с собакой на поводке. Заперла замок и двинулась по улице в сторону парка.

Он зачиркал ручкой по странице блокнота, внося еще одну запись, на сей раз – посвященную Робин. Сцена будет более напряженной. Тележка с камерой медленно покатится за женщиной с собакой, пока те идут по улице. Оператор даст крупный план сзади; изображение будет слегка подрагивать, создавая у зрителя полное впечатление, что именно он следует за Робин.

Его почерк стал неразборчивым. Он тяжело дышал, не сводя глаз с женщины, пока та не скрылась среди деревьев.

Глава 21

Безоблачное небо приобрело густо-синий оттенок, пока Робин и Менни гуляли по дорожкам парка. Честно говоря, кто кого выгуливал – большой вопрос. Пес ее направлял и даже, можно сказать, тащил вперед – у него были свои планы: пометить некоторые деревья, погонять белку, обнюхать подозрительные камни... Словом, дел по горло! Робин оставалось подчиняться. Менни пер, как паровоз, и ей приходилось передвигаться почти бегом, чтобы не получить вывих запястья.

Она не следила, куда ведет ее собака. Погрузилась в свои мысли, сосредоточившись на анализе последнего сеанса с Кэти.

Подозрение переросло в уверенность: Кэти разыгрывала получившее широкую огласку убийство Хейли Паркс. Деревце с удавкой она принесла не случайно, и не просто импровизировала с игрушками. Нет, у нее имелся четкий план.

После того как балерина повисла на ветке, Робин предложила продумать сценарий, при котором игра получила бы более оптимистичную развязку. Кэти ее предложению обрадовалась и нашла маленький космический корабль, который унес Джокера обратно на полку. Похоже, балерина спаслась, решила Робин. Однако Кэти, избавившись от злодея, захоронила бедняжку в песочнице – точно так же, как и фермера.

Судя по всему, Джокер методично уничтожал игрушки, которые девочка выбрала для игры еще на первом сеансе. Сперва их было шесть, теперь же группа сократилась до четырех. То есть, по замыслу Кэти, погибнут все? Каждая из следующих жертв будет погребена в песочнице, за исключением фигурки маленькой девочки? Хотя не факт: возможно, останется лишь злой клоун.

Менни повел Робин на боковую тропинку. Оранжевое закатное солнце еще просвечивало сквозь кроны, однако в парке заметно стемнело, а они углублялись все дальше. Пес приостановился: пометил один ствол, понюхал другой.

Теперь, когда Робин знала о назначении игрушечного деревца и удавки, остальные предметы, лежавшие в коробке из-под обуви,

приобрели довольно зловещий смысл. Зачем нужны, например, шарики? Может, злодей разможит ими голову очередной игрушке? А наперсток? Не превратится ли он в чашу с ядом? По завершении сеанса коробку Кэти забрала с собой. Принесет ли ее в следующий раз? Наверное, хочет дома добавить еще реквизита?

Игровая терапия ставила основной задачей помощь ребенку в преодолении мучительной для него проблемы. Если Кэти решила воспроизводить подобные события – значит, таков ее способ совладать с психологической травмой. Цель Робин – мягко направлять девочку на этом пути, помочь разобраться в тяжелых воспоминаниях. И все же... Кэти мастерила дома орудия для жестоких убийств. Робин ощутила неуверенность. Какой подход ей следует выбрать в рамках данного сценария?

Тропка вывела их к Типпикано-Ривер, и Робин на несколько секунд остановилась, любясь открывшимся видом. Отражение заходящего солнца, словно шар из расплавленного золота, рябило на мелких волнах. Птичья троица снялась с дерева на противоположном берегу и взмыла в небо. Где-то далеко кричали и смеялись дети.

Робин подошла к берегу, переступила порог одинокой беседки и уселась на деревянную скамейку. Кто-то вырезал на доске имена – Джейден и Миа, а между ними изобразил сердечко. Изобразил коряво – больше похоже на безглазую лисью голову. Вчера скамья вроде была еще целой... Вероятно, Джейден сделал это неважнецки выполненное признание в любви сегодня? Робин мысленно пожелала счастливой парочке всего самого доброго и полезла в сумочку. Вставила сигарету между губ, прикурила и, хорошенько затянувшись, выдохнула струйку дыма.

Менни повернулся к ней и уставился на сигарету.

– Что? Не надо меня осуждать. – Она сделала еще затяжку. – И так перешла уже на две штуки в день.

Пес испустил долгий трагический вздох и с разочарованной гримасой уселся у ее ног.

– Ой, только не устраивай здесь спектакль.

Как связана гибель Хейли Паркс с пережитыми Кэти испытаниями? Фигурка маленькой девочки была прикована за ногу в гостиной кукольного домика – там, где Кэти решила поставить телевизор. Возможно, ее заставляли смотреть новостные выпуски,

посвященные убийству? Изощренная форма психологического насилия. Не исключено, что убийца тем самым намекал: будешь вести себя плохо – с тобой случится то же самое.

Если дело обстояло именно так, что же означал эпизод с фермером на предпоследнем сеансе? Еще одна криминальная новость, которую пришлось посмотреть Кэти?

Робин живо представила себе похитившего малыша человека: вот он переключает каналы, пока не найдет нужный – о жертве огнестрельного ранения. А потом шипит девочке на ухо – только попробуй сбежать, тебя ждет та же судьба...

Она вытащила телефон и задала поиск: «последние убийства + новостной выпуск».

Ссылок появилось море – без преувеличения. Тут тебе и все Соединенные Штаты, и Британия, и даже Франция. Робин решила сузить критерии поиска до убийств в Индиане и ограничила его двумя последними годами.

Перед ее глазами предстала тревожная статистика. Пять сотен убийств только за прошлый год. Некоторым из них уделялось куда больше внимания, чем другим. На первой странице в основном выпали ссылки о смерти Хейли Паркс – одном из самых громких преступлений в двадцать втором году. Прочие убийства, как правило, совершались с помощью огнестрельного оружия. Робин просмотрела несколько заголовков и впала в расстройство. Если преступник принуждал Кэти смотреть подобные новости, то недостатка в них не было. Ведь по телевизору показывают не только местные программы...

Ее глаз зацепился за одну из строчек. Что-что? Дрель?

Робин начала листать список ссылок обратно, однако никак не могла найти нужную. По спине прополз неприятный холодок. Она-то решила, что Кэти использовала дрель, поскольку из имеющихся в игровой комнате инструментов та более всего напоминала пистолет. Однако у нее на полках стояли вооруженные солдатики, и девочка их наверняка видела, но выбрала несоразмерно большое для Джокера оружие. Неужели осознанно?

Робин затушила окурок о землю. Менни навострил уши, очевидно, предполагая, что хозяйка готова возобновить прогулку.

– Подожди минутку, дружок, – пробормотала Робин и забила в строку поиска «убийство Индиана дрель».

Есть!

Причем случай совсем свежий. Труп двадцатипятилетней Глории Бассет нашли в реке Уобаш. Полиция сперва предположила, что девушку застрелили, но вскрытие дало неожиданные результаты. О них в материале не говорилось, однако один из источников в полиции заявил: «Отверстие в черепе слишком ровное – нехарактерно для огнестрельного ранения. Кроме того, фрагментов пули не обнаружено». Его спросили, чем можно нанести подобную травму. Ножом для колки льда или сверлом, предположил коп.

Неужели Кэти смотрела и этот выпуск? Робин стало не по себе. Оставалось лишь догадываться, насколько перепугана была девочка подобными новостями. А похититель, возможно, еще и приукрасил историю...

Стоп. Такого быть не может.

Согласно статье, труп обнаружили одиннадцатого мая. Кэти к тому времени уже неделю как вернулась домой. Не сходится... И все же все подходящие ссылки дружно говорили именно о смерти Глории Бассет. Робин задала новый поиск, убрав из критериев Индиану, и узнала о любопытном явлении – «музыке сверл». Выяснилось, что практиковавшего подобные экзерсисы рэпера подозревают в совершенном в Лондоне убийстве. Никакого отношения к разыгранной Кэти сценке.

Все же самым разумным представлялось первое предположение: Кэти показали убийство из огнестрельного оружия, и дрель она выбрала из-за максимального сходства с пистолетом.

Робин убрала телефон. Ей было нехорошо. За каких-то двадцать минут она узнала о гораздо большем количестве убийств, чем за весь предыдущий месяц. Перед ее глазами, сливаясь в черно-белую полосу, замелькали бесчисленные фотографии жертв из только что прочитанных статей. Черт заставил ее сунуть голову в эту воронку... Нет, порой она могла посмотреть полицейский сериал. А когда началась пандемия, вообще подседа на криминальную документалистику. И все же чтение свеженьких новостей о насильственных смертях – это немного другое. Настоящий хаос,

бессмысленный, пугающий и безысходный. Ее вера в человеческий разум пошатнулась.

Придется проверить теорию. Если Кэти демонстрировали выпуски криминальных новостей, значит, один из них она обыграет и на следующем сеансе.

Робин поднялась, и Менни немедленно вскочил. Они пошли по тропке в направлении дома. Свет почти померк, и она еще раз пожалела о своем исследовании. Идти сквозь темный лес после чтения статей о жертвах убийства было тревожно. Ведь многие из погибших просто очутились не в том месте и не в то время. Например, в безлюдном ночном парке...

У нее в голове все крутилась Глория Бассет. Странное совпадение. Кэти воспроизвела в игре убийство дрелью, а ведь новости появились уже после того, как ее нашли в Джаспере. Нет, точно не сходится.

Наверняка есть другое объяснение.

Робин решила поговорить со Стоунами во время следующего родительского сеанса, однако мать Кэти прислала сообщение с просьбой его отменить. У Пита какая-то ситуация на работе... Она достала телефон и набрала номер Клэр.

– Алло? – тотчас ответила та.

– Привет, Клэр. Это я, Робин.

– А, привет! – В трубке послышался звон тарелок – видимо, Клэр накрывала на стол. – Прости, что не получилось с сеансом.

– Ничего страшного, встретимся на следующей неделе. Знаешь, хотела спросить... Кэти последнее время случайно не смотрела новостные выпуски?

– Новости? Что ты!

– Просто сегодня и на прошлом сеансе она разыгрывала сценки, возможно, имеющие отношение к...

– Кэти вообще не подходит к телевизору, – понизив голос, перебила Клэр. – Я несколько раз предлагала, однако она сразу начинала беспокоиться, и я оставила свои попытки. Неделю назад Пит включил какую-то программу, и малышка так напугалась, что мы быстренько выключили телик.

– О, понятно, – растерянно пробормотала Робин. – Ты раньше не упоминала...

– Да, вроде бы не говорила. Дело в том, что Кэти боится самых разных вещей. Например, нервничает, когда выходим из дома, пугается громких звуков. Знаешь, когда включаю пылесос...

– Да-да, поняла... – Робин вздохнула. – Стало быть, телевизор отпадает. А интернет? Или, допустим, газеты?

– А что случилось? Почему ты решила, что она смотрит новости?

Робин заколебалась. Пугать Клэр не хотелось. Она пока избегала разговоров со Стоунами об играх их дочери с кукольным домиком.

– Некоторые забавы, которые придумывает Кэти... э-э-э... довольно жестоки. По духу соответствуют тому рисунку с первого сеанса.

– О господи...

– Это в порядке вещей. Я ведь говорила – таким образом она компенсирует свою травму. Вполне нормальный механизм преодоления. И все же кое-какие ее действия будто бы связаны с историями, которые Кэти могла услышать в недавних новостях – например, о Хейли Паркс.

– Хейли Паркс? – озадаченно переспросила Клэр. – Кто это?

Настала очередь Робин удивляться. Практически все в Индиане слышали о судьбе Хейли. С другой стороны, до возвращения дочери Клэр, по всей видимости, не слишком интересовалась новостями. А потом у нее был забот полон рот.

– Девушка, которую недавно убили, – очень громкая история. Поэтому я и решила, что Кэти могла о ней прослышать.

– О... Может, увидела заголовок газеты в супермаркете? – предположила Клэр. – Больше уж и не знаю где. Мы ведь все время вместе. В интернет я ее не пускаю – вдруг увидит там что-нибудь насчет себя...

– Мудро, – согласилась Робин. – Ладно, наверное, просто совпадение. Спасибо, Клэр.

– Сегодня на сеансе все было хорошо? Домой Кэти пришла в приподнятом настроении. Расслабилась больше обычного.

– Да, по-моему, у нас приличный прогресс. Сообща, если заметишь что-то необычное.

– Теперь обычное вообще редкость, – хмыкнула Клэр.

– Понимаю, – усмехнулась Робин. – Тогда... что-то еще более необычное, чем... чем обычное.

– Обязательно. Спасибо, Робин.

– Ну всё, пока.

Они с Менни, к ее облегчению, наконец вышли из-под деревьев и теперь продвигались по хорошо освещенной улице. Робин сунула телефон в карман. Вот и конец только что родившейся теории. Зря она навывдумывала. Детям свойственно приносить в игры причудливую смесь реальности и фантазии. В конце концов, Кэти ведь похитил не Джокер, верно? Фигура клоуна лишь олицетворяла для нее страшного человека. Предположительно – того, кто ее похитил. А пластмассовая дрель – просто способ продемонстрировать его жестокость...

Уже у дома Робин пришла в голову иная версия, от которой у нее кровь застыла в жилах.

Глава 22

Денек у детектива Натаниэля Кинга выдался не из лучших.

А ведь пришел на службу с вполне оптимистичным настроем. Позвонил судмедэксперт – сказал, что заключение о вскрытии тела Бассет наконец готово. Теперь дело могло сдвинуться с мертвой точки. Наконец он узнает об орудии преступления и сумеет сузить список подозреваемых, а там и до ареста недалеко. Жесткий допрос, признание, новый этап карьеры... Мечтать так мечтать – заместитель босса лично пожмет ему руку, заявит, что, мол, Натаниэль проделал фантастическую работу, наградит туром на Гавайи – ну, сразу после устроенного в его честь парада...

Все сложилось немного иначе.

В отчете о результатах вскрытия упоминаний об орудии убийства Натаниэль не обнаружил. Судмедэксперт заявил, что отверстие в черепе Бассет проделано не пулей, однако затруднился определить, чем именно. Острый, круглый, длинный предмет – вот и все предположения. Да что вы говорите, док... То есть для подобных выводов потребовался целый месяц?

Описание было слишком туманным – пользы с него никакой. Натаниэль вздохнул и вернулся к занятию, которому посвятил последние два дня.

Его ждали гигабайты видео с камер дорожного наблюдения.

Последний раз Глорию Бассет видели на Десятой улице, в компании других проституток. В деле имелись соответствующие показания от ее подружек и коллег по самой древней профессии. Джинджер на самом деле звали Эдриенн, а Бренди, вторая девица, по документам значилась как Бетси. Точного времени назвать они не могли, однако обе утверждали, что Глория страдала от ломки и изо всех сил пыталась найти клиента.

Увы, поблизости не было ни одной уличной камеры, и Натаниэлю в попытках заметить что-либо необычное пришлось просматривать записи с соседних улиц общей продолжительностью ровно сто сорок четыре часа. Даже с удвоенной скоростью воспроизведения – семьдесят четыре... то есть семьдесят два. Господи, мозги плавятся...

Его глаза пересохли и постоянно чесались, а мышцы, похоже, совсем атрофировались, да еще начала болеть спина. Конечно, следовало следить за осанкой, но кто выдержит целый день за просмотром видеозаписей не сутулясь?

С расследованием преступлений против девушек, подобных Глории Бассет, всегда возникали некоторые сложности. Во-первых, круг подозреваемых. Не круг – кружище. Возьми любую иную жертву – и предполагаемых преступников можно пересчитать по пальцам. Естественно, супруг. Да и близких родственников нельзя сбрасывать со счетов. Что касается проституток – тут и сутенеры, и бывшие дружки или сожители. И это лишь цветочки: не стоит забывать о последних и даже потенциальных клиентах. Словом, чертова уйма кандидатов в убийцы.

Во-вторых, на девчонок типа Бассет всем по большому счету наплевать... А, ну да, родителям и подругам не все равно. Натаниэлю пришлось сообщить печальную новость матери убитой и отводить глаза, когда та, зарыдав, рухнула в кресло. Другое дело – босс, его заместитель, начальник убойного отдела, мэр и пресса. Им до лампочки. Шлюха, наркоманка... Убили и убили – логичный конец истории.

Начальник отдела, например, уже начал ворчать: не слишком ли много внимания Натаниэль уделяет убийству Бассет? Ведь его ждут другие дела. В Индианаполисе каждый день погибают люди, и если Натаниэль намерен тратить столько времени на расследование одного преступления, пусть займется этим хобби в личное время.

Тут требуется не один, а два детектива? В своем ли уме Натаниэль? Да-да, обычно детективы убойного отдела работают в паре, но не в подобном же случае. Напарника сняли с дела Бассет уже на третий день – нарисовалось другое, более важное: нападение сотягчающими обстоятельствами. Разумеется, не совсем их специфика, однако... Кто курирует оба расследования? Верно, начальник их отдела. И напали не на кого-нибудь, а на племянника заместителя мэра, так что...

На экране появилась машина. Резко сбавила скорость. Возможно, водитель ищет девочку, почему нет? Натаниэль отмотал запись немного назад и убедился: в машине один человек. Переписал номер машины, пробил по базе. Все чисто. На всякий случай добавил его в

постоянно растущий список возможных зацепок. Улика не улика, а когда появится потенциальный подозреваемый, Натаниэль сверит номерной знак: не проезжала ли конкретная машина в районе Десятой в тот вечер?

Он откинулся на спинку стула и потер глаза. Надо передохнуть. Или еще раз просмотреть заключение о вскрытии?.. Прилично разложившийся труп нашли в реке. Натаниэль прекрасно помнил, как выглядело и пахло тело, – сам выезжал на место. Судмедэксперт так и написал: «Обнаруженный в реке труп находится в одной из последних стадий разложения». Отверстие в черепе Натаниэль заметил сразу и сделал мысленную пометку: подключить экспертов по баллистике. Потом ему сказали, что выходного отверстия нет и пули не обнаружено. Что же это за оружие такое?

И еще невесть куда девшийся клочок волос...

В заключении о вскрытии этот момент отметили: «На правой стороне черепа, напротив входного отверстия, на ограниченном участке отсутствует волосяной покров». Не факт, что эта особенность связана с убийством. Допустим, труп зацепился за подводную корягу, вот и лишился локона... Кстати, Бассет была наркоманкой, а им свойственно терять волосы. Другое дело, что шевелюре погибшей позавидовала бы любая девушка, а прядь, похоже, не вырвали – просто аккуратно срезали.

Впрочем, разумных объяснений тут может быть миллион.

Его размышления прервал звонок, и Натаниэль поднял трубку.

– Детектив Кинг.

– Э-э-э... Здравствуйте! – Голос женский, нерешительный. – Мне сказали, что вы тот самый детектив, который расследует убийство Глории Бассет...

– Все верно. С кем я говорю?

– Меня зовут Робин. Мне кажется... то есть, я тут кое-что услышала... Возможно, это имеет отношение к убийству.

Интуиция подсказала Натаниэлю: уточнять фамилию сейчас не стоит. Начнешь настаивать – и женщина повесит трубку.

– Здравствуйте, Робин. Здравóво, что позвонили. Так что вы слышали?

– Я... Скажите, может ли убийство Бассет быть связано с... э-э-э... смертью Хейли Паркс?

Подобного поворота Натаниэль не ожидал. Об убийстве Хейли Паркс ему было известно. Разумеется. Да и кто о нем не знал? Расследование вел другой отдел – ведь труп Хейли обнаружили в лесу, а не в Индианаполисе. Собственно, она и не жила в столице штата. Тем не менее кое-какое представление о деле Паркс имел любой коп Индианы.

Связь с убийством Бассет? Крайне маловероятно. Способ совершения преступления отличается как нельзя больше: одну девушку ударили ножом и повесили, а другой сделали дырку в голове и бросили в реку. К тому же убийства произошли в противоположных концах штата. Да и жертвы из разных социальных слоев: одна – успешный блогер, лидер мнений, модель; другая – проститутка...

– Что заставило вас сделать подобный вывод?

– Возможно, я... знаю человека, который был свидетелем... То есть не совсем свидетелем... Словом, он намекнул на некоторую связь. Он мог что-то видеть. Имеющее отношение, хм... к обоим убийствам. Наверное, я говорю глупости, да?

– Ничего исключать нельзя. Что именно вам сказали?

– Она не... Слушайте, на самом деле я не могу об этом говорить. Мне нужно разрешение... Прошу меня извинить, но мне и в самом деле следовало согласовать. Давайте я все урегулирую и перезвоню.

– Подождите, Робин...

Поздно. Из динамика послышались частые гудки.

Натаниэль положил трубку на рычаги и нахмурился. Затем, схватив ручку, записал имя женщины и номер ее телефона.

Значит, связь между убийствами Бассет и Паркс?.. Да нет, ерунда какая-то. Хотя... некоторое сходство прослеживается. Обеих жертв последний раз видели очень далеко от того места, где в итоге были обнаружены их трупы. Не самый рядовой факт!

Опять же – и тут уже вступило в действие шестое чувство – оба случая выбиваются из полицейской рутины. Как правило, орудие преступления сомнений не вызывает. Нож, пистолет, обрезок металлической трубы... порой убивают и голыми руками. За время службы в убойном отделе Натаниэль столкнулся всего с двумя убийствами, когда были использованы не слишком типичные средства: в одном случае – яд, в другом – чрезмерная доза героина.

Бассет убили либо ножом для колки льда, либо дрелью. Паркс повесили. Ах да, ее еще пырнули ножом, однако вскрытие показало, что на самом деле девушка скончалась уже после, от асфиксии.

Оба преступления совершенно не похожи друг на друга, однако если они связаны, лучшего и желать нельзя! Значит, к первому расследованию привлекут те же силы, что и ко второму. Натаниэль не собирался себя обманывать: да, ему страстно хотелось участвовать в следствии по делу Паркс.

Сделав всего три звонка, он разжился копией заключения патологоанатома о результатах вскрытия тела блогера. Черт, да тут материала в четыре раза больше! Судмедэксперт, работавший по параллельному делу, трудился куда более скрупулезно. Натаниэль внимательно прочел заключение – и на третьей странице нашел интересующую его информацию.

Отсутствующий клочок волос.

Его сердце на миг сбилось с ритма, и палец сам набрал номер Робин. Та не отвечала. Натаниэль сделал три попытки – безрезультатно.

Ее телефон нашелся в справочнике. Ага, Робин Харт... Проведя небольшое расследование в интернете, Натаниэль выяснил, что его недавняя собеседница – детский психотерапевт. Симпатичная, судя по главному фото на «Фейсбуке»: рыженькая женщина с приятной улыбкой, на заднем фоне – лесной массив. Живет в Бетельвилле.

Психотерапевтов он серьезно не воспринимал. Правда, года три назад посетил несколько сеансов вместе с бывшей подругой, и каждый раз чувствовал, что психотерапевт явно занимает сторону Имани. По словам подруги, Натаниэль совсем погряз в работе и целыми днями отсутствовал, а когда появлялся дома, до него было не достучаться. Натаниэль объяснял: детективу убойного отдела иначе никак. Доктор Эллис, худой мужчина с шикарными усами, предложил ему провести четкую границу между работой и личной жизнью. Наставление повторялось из раза в раз. В итоге Имани ушла от Натаниэля, и на этом психотерапевтическая эпопея кончилась. Похоже, в разрыве винить следовало именно доктора Эллиса: тот отнял у Натаниэля любовь.

Детектив быстро изучил профиль Робин в соцсети. Интересно, кто ей сказал, что убийства Бассет и Паркс – звенья одной цепи?

Она что-то упоминала о разрешении... А, точно: не может говорить с ним, пока все не согласует.

С пациентом? Наверняка. И, скорее всего, пациент – ребенок.

Натаниэль застучал по столу кончиком ручки. Отсутствующий в обоих случаях клок волос? Ну и что? Он уже говорил об этом коллегам, и его каждый раз поднимали на смех. Шутили: дескать, ему просто хочется поучаствовать в настоящем деле. О чем же пыталась сказать Робин Харт?

Натаниэль вновь набрал ее номер. Бесполезно...

Задал поиск в интернете: «Робин Харт Бетельвилль». Первые две ссылки вели на ее сайт и в справочник действующих психологов.

В некоторых последующих ссылках имя Робин упоминалось в связи с Бетельвиллем – в основном в совсем свежих новостях.

И новости касались похищения Кэти Стоун – девочки, которая недавно вернулась к родителям. Никто не знал, где она провела едва ли не полтора года...

Натаниэлю очень нужно было пообщаться с доктором Харт.

Глава 23

День похищения

Открыв дверь дома Мелоди, Фрэнк Харт крикнул:

– Эй! Есть кто дома?

Никто не отозвался. Неудивительно: ни Мелоди, ни Фреда не было – вот дети и воспользовались возможностью уткнуться в экраны разных гаджетов. Родители ведь не запугают – мол, ты сегодня просидел за игровой приставкой или в телефоне больше положенного... В общем, все внуки на месте, но, увы, зомбированы своими мудреными устройствами.

Эми он обнаружил перед телевизором. Лайам и Ноа сидели у себя в комнате, уставившись немигающими глазами в экран «Нинтендо» и судорожно нажимая на кнопки пультов. Шейла укрылась в спальне с мобильником. Все четверо пробормотали нечто невнятное – наверное, поздоровались.

Фрэнк глянул на свой телефон. Сообщение от Мелоди: дочь пока не знает, когда вернется домой. Малышку Кэти до сих пор не нашли.

Он не слишком беспокоился. Ребенок в конце концов найдется. Сколько раз ему в панике звонила Диана, когда дочери были маленькими – девочки пропали, девочки заболели, и так далее, и тому подобное... Всегда все заканчивалось хорошо.

Что ж, связь между матерью и дочкой – сильнейшее из известных человеку телепатических явлений. Порой она бывает чересчур сильной. Особенно для женщины с большим сердцем – как у Дианы. Наверное, и мама Кэти из той же породы. В итоге обязательно выяснится, что девочка ушла к подружке и забыла предупредить родителей. Или отправилась в парк и перестала следить за временем.

Из спальни выползла Шейла и застонала:

– Я проголодалась...

– Привет, голодающая! Это я, твой дед, – ухмыльнулся Фрэнк.

Шейла закатила глаза. Знакомые гримасы! Вся в бабушку. Боже, как он обожал внучку!

– Пришел приготовить вам ужин. Родители появятся еще нескоро.

– Что? А где они? – Эми поднялась с дивана.

– Заняты, – как можно более будничным тоном сообщил Фрэнк. Не стоит тревожить Эми, ведь Кэти – ее любимая подружка.

– Чем заняты? – настаивала младшая внучка.

– Что хотите на ужин? – ушел от ответа Фрэнк.

– Блинчики! Блинчики с кленовым сиропом!

Разумеется, Фрэнк помнил, что на ужин из блинчиков в доме Мелоди было наложено табу, и все же беззаботно откликнулся:

– Договорились!

За годы брака с Дианой он узнал маленькую тайну: мамины правила устанавливаются для того, чтобы их нарушать... когда ее нет дома.

– Папа не отвечает на звонки, – пожаловалась Шейла, – а мне надо его кое о чем спросить.

– Можешь обратиться ко мне.

– Интернет то и дело пропадает... Можешь починить?

– М-да, пожалуй, лучше и вправду спросить папу, – сдался Фрэнк.

– Наверное, опять забыл телефон в машине... Как он меня иногда бесит!

Фрэнк пожал плечами. Фред раздражал и его. Показался довольно скользким типом с самого начала, когда только начал встречаться с Мелоди. Пришлось с первого же дня знакомства включать сурового тестя. Ха-ха... После одного разговора с Мелоди от выбранной тактики Фрэнк отказался – уж слишком сердито сверкала глазами дочь. Вся в Диану, не то что его милая Робин... В общем, он дал Фреду послабление. Собственно, пришлось признать: парень – хороший отец и, вероятно, неплохой муж. Впрочем, любимым зятем Фрэнка все равно был супруг младшей дочери – Эван, да только ты не можешь взять и выбрать спутников жизни для дочерей. Несколько веков назад у отцов в этом смысле было больше прав.

Засветился экран телефона. Фрэнк улыбнулся – на дисплее значилась подпись «Диана, любовь моя».

У дочерей с Дианой отношения были довольно сложными. Несколько месяцев назад Робин спросила, не действует ли порой мать ему на нервы? Фрэнк ответил, что, когда бы мать ни позвонила – а звонила она по несколько раз на дню, – его сердце каждый раз подпрыгивает. Так бывает, если любишь всей душой. К его удивлению,

Робин расплакалась. Чувствительная девочка – тут они с Дианой похожи...

– Да, милая, – сказал он в трубку.

– Кэти так и не нашли, – задыхаясь от тревоги, выпалила Диана.

– Ее обязательно найдут, дорогая.

– Фрэнк, а если девочку похитили преступники? Вдруг они еще бродят поблизости? Стоуны ведь живут недалеко от нас.

– Никто ее не похищал, – понизив голос, успокоил он жену и покосился на Эми. – Наверняка девочка вот-вот объявится.

– Хочу, чтобы ты вернулся домой, Фрэнк! Не могу сидеть одна.

Он вздохнул. Слишком нежная у нее душа для сурового мира. Что ж, его долг – оберегать любимую...

– Хорошо, любовь моя. Сейчас приготовлю внукам ужин и тут же выйду.

– Поторопись, пожалуйста, – попросила Диана и повесила трубку.

Фрэнк сунул телефон в карман и, открыв холодильник, достал яйца. Значит, блинчики... Скоро у Робин и Эвана тоже появятся детишки, и он будет делать блинчики всем внукам, сколько бы их ни было. А маленькая Кэти вернется. Все образуется.

Глава 24

Робин уселась на ковер в игровой комнате. Сегодня на прием к ней пришел десятилетний Дэниел, который наблюдался у нее уже несколько месяцев. Она внимательно слушала рассказ мальчика о предыдущем дне. Говорил Дэниел быстро и, как всегда, волнуясь, покусывал губы.

– ...И миссис Мерменштейн спросила, что я думаю об истории, которую читали в классе. Интересная, говорю, вообще люблю про кузнечиков. Потом сзади засмеялся Рэнди, потому что я ляпнул глупость. Вот я и замолчал, а миссис Мерменштейн спросила, почему я перестал говорить. Ну, я только пожал плечами, и тут она мне: «Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!» Не хотел на нее смотреть, и тогда она пригрозила позвонить моей маме. Потом плакал – боялся, что мама накажет, и вообще: девчонки на меня пялились, ведь я вел себя как малыш. Пришел домой ужасно расстроенный и весь день лежал в кровати... Самый плохой день в жизни!

– Похоже, денек у тебя и впрямь был не очень, – мягко согласилась Робин.

– Самый худший!

– Значит, Рэнди смеялся? Он не сказал почему?

– Не-а. Просто хохотал. Точно знаю – надо мной, потому что я глупый.

– Он так и сказал?

– Нет, просто смеялся, и всё.

– Может, миссис Мерменштейн назвала тебя глупым?

– Да нет...

– С чего же ты это взял?

– Я точно знаю. Поэтому Рэнди и смеялся. – Дэниел обиженно прикусил губу.

– Значит, никто ничего не говорил. Ты сам так решил, верно?

– Ну да, – с тяжелым вздохом признал мальчик.

Робин немного помолчала – пусть осмыслит.

– А потом ты заплакал, и на тебя начали смотреть девочки. Они называли тебя малышом?

- Не-а, зато долго смотрели. И еще шептались.
- Кто же заявил, что ты ведешь себя, как маленький?
- Я плакал, как малыш.
- Кто это сказал?
- Никто не говорил. И без того понятно.
- И без того понятно... – повторила Робин. – Потому что ты так решил.

Дэниел перестал теревить губу и сунул руки в карманы.

– Ага.

– Давай-ка сыграем в одну игру, – предложила Робин. – Притворимся, что вернулись во вчерашний день. Ведь вчера у тебя могли быть разные мысли, правда? В том числе и хорошие. Например, миссис Мерменштейн попросила тебя поделиться размышлениями об истории про кузнечика. О чем ты мог подумать в тот момент?

– Ну, наверное, о том, что рассказ мне понравился... – заколебался мальчик.

– Отлично, рассказ тебе понравился. О чем еще?

– Может, о том, что ей интересны мои мысли – потому и спросила.

– О чем хорошем ты мог подумать, когда засмеялся Рэнди?

Последовала длинная пауза. Дэниел наморщил лоб.

– Он смеялся, потому что я толстый, – вот почему.

– Давай сделаем вид, что Рэнди смеялся совсем по другому поводу...

– Он смеялся, когда я говорил.

– Ведь это могло быть совпадением, правда?

– Нет, по-моему, нет.

– Но сделать вид мы ведь можем? – улыбнулась Робин.

– Можем... – Дэниел закатил глаза.

– Итак, о чем ты подумал, когда рассмеялся Рэнди? Ну, в нашей с тобой игре?

– Наверное, кто-то рассказал ему анекдот.

– Хорошо. Что же произойдет в нашей игре потом? Вот ты решил, что он засмеялся над шуткой, а дальше...

Дэниел погрузился в размышления.

– Дальше... я ответил на вопрос миссис Мерменштейн, и никаких неприятностей не случилось.

– Ага. А потом, когда ты заплакал...

– Я и не заплакал бы – миссис Мерменштейн ведь не станет звонить маме.

– И все же допустим, что заплакал. Девочки на тебя смотрят. Можешь ты в этот миг думать о хорошем?

– Ну, раз смотрят – наверное, хотят спросить, что случилось?

– Например, ты так подумал. Что произойдет дальше?

– Я не расстроюсь и не проваляюсь целый день в кровати.

– Видишь, вот мы и изменили вчерашний день – самый худший день в жизни. Всего лишь стоило подумать о хорошем.

– Ну да... – неуверенно пробормотал Дэниел.

– Теперь давай сделаем...

Ее перебил звонок в дверь. Робин нахмурилась и глянула на часы. До конца сеанса оставалось еще двадцать минут.

– Подожди немножко, – сказала она Дэниелу. – Пойду посмотрю, кто там.

– Можно я пока поиграю с грузовиком?

– Конечно. – Робин поднялась с ковра. – Сейчас вернусь.

Менни уже скреб когтями дверь и задорно вилял хвостом. На крыльце мог стоять убийца-людоед, а ее бесполезный пес лишь приветствовал бы его радостным гавканьем... Робин посмотрела в глазок. Человека на подъездной дорожке она видела первый раз.

– Кто там? – спросила Робин, разглядывая гостя.

– Доктор Робин Харт? – ответил тот. – Я – детектив Натаниэль Кинг из полицейского управления Индианы. Мы с вами вчера общались по телефону.

Мужчина вытащил из кармана удостоверение и показал его в глазок.

О, черт...

– Здравствуйте. Очень жаль, но я не смогу поговорить с вами прямо сейчас – у меня пациент, – произнесла Робин, открыв дверь.

– Ничего страшного, я подожду.

Детектив был высок ростом. Волосы черные, как смоль, щеки гладко выбриты, вокруг карих глаз при улыбке разбегаются лучики. Слегка помятый серый костюм. Мелоди назвала бы Кинга симпатичным – высоких мужчин она обожала. Мама, напротив, тут же его невлюбила бы: во-первых, коп, во-вторых – одет небрежно. Если

уж совсем честно – мать была немного расисткой и афроамериканцев недолюбливала.

– Мы можем поговорить позже, по телефону, – предложила Робин.

– Знаете, мне больше нравится с глаз на глаз, – не сдавался Кинг. – Много времени я у вас не отниму.

Робин надо было возвращаться к Дэниелу.

– Хорошо, я закончу через двадцать минут.

– Прекрасно! – Кинг сунул руки в карманы. – Я подожду в машине.

Робин вернулась в игровую комнату, ощущая поселившуюся внутри тревогу. Дэниел сосредоточенно играл с грузовиками. Мысли Робин понеслись вскачь: зачем детектив Кинг проделал такой путь? Назвал ее доктором Робин Харт, хотя по телефону она представилась просто по имени... Успел изучить ее личность?

Вчера вечером, когда ей пришло в голову позвонить в полицию, она была в довольно странном состоянии: тут и тревожные результаты поиска в интернете, и рискованная прогулка по темному парку. Встав наутро с ясной головой, решила: теория не выдерживает критики. Да, Кэти играла в довольно жестокие игры, а Робин истолковала их слишком буквально и сделала поспешные выводы. И вот у порога стоит полицейский... Сейчас начнет спрашивать, откуда у нее информация.

Робин заставила себя вернуться к занятию. С детективом разберемся позже. Дэниела одолевают дезадаптивные мысли; ему нужна помощь, сам он с ними не справится.

Она взяла с полки картонный макет пряничного человечка и уселась подле маленького пациента.

– Помнишь, на чем мы остановились?

– На моих мыслях, – ответил Дэниел, продолжая катать грузовички.

– Верно. – Робин протянула ему ручку. – Хочу, чтобы ты написал...

– Можно, я еще немного поиграю?

– Конечно, – машинально откликнулась она. – В этой комнате только ты решаешь, чем заняться.

– Ага, – удовлетворенно хмыкнул мальчик и запустил грузовик в угол кабинета.

Коп уже нарушил нормальный ход занятия. Прервал Робин, отвлек Дэниела...

– Кстати, я придумала новую игру, и, по-моему, она исправит твоё настроение, – заговорила она. – Если согласишься попробовать, грузовик можешь забрать с собой до конца недели.

Подкуп – метод не самый идеальный. Не следует возводить его в правило.

Дэниел немного поколебался и пожал плечами:

– Ладно. – Оставив грузовик, взял ручку и пряничного человека. – Что я должен делать?

– Запиши на руках и ногах человечка свои плохие мысли.

– Какие?

– Начни с тех, что приходили тебе в голову вчера.

Дэниел наклонил голову, приготовившись писать, а Робин вновь задумалась о визите детектива. Не следует ему разговаривать с Клэр и Питом. Им и без того нелегко. Наверное, лучший способ отвадить копа – прикинуться дурочкой... Станет ли он угрожать? Ей вспомнились полицейские сериалы: наверное, Кинг стукнет кулаком по столу, заявит, что она препятствует следствию, и потому может оказаться за решеткой. Ну что ж, пусть попробует – не на ту напал!

– Я всё, – окликнул её Дэниел.

– Ну и молодец.

Робин бросила взгляд на пряничного человечка. Писал мальчик неразборчиво, и все же ей удалось расшифровать: «Я толстый» – на одной руке и «Малыш» – на левой ноге.

– Дай-ка ручку.

Он подчинился, и Робин нарисовала на лице пряничного человека хмурую рожицу.

– А теперь оторви руки и ноги. Потом прочитаешь вслух то, что написал.

– Хорошо, – с сомнением пробормотал Дэниел, оторвал руку и прочел: – «Я толстый».

– Давай дальше.

– Не хочу вслух!

– Не хочешь – не надо, – улыбнулась Робин. – Оторви ножки и другую руку.

Дэниел послушался, и картонные конечности разлетелись по ковру. Туловище мальчик тоже уронил на пол. На долю секунды у Робин перед глазами появился рисунок Кэти с первого сеанса – фигурка с кровоточащими руками и ногами. Она быстро отбросила ненужное воспоминание.

– Что, по-твоему, сделали плохие мысли с пряничным человечком?

Дэниел потерял нижнюю губу.

– Он остался без рук. И без ног.

– Верно. Всё из-за плохих мыслей. С нами они делают то же самое – разрывают нас изнутри. – Робин перевернула оторванные части картонного тела. – А теперь запиши на обратной стороне хорошие мысли. Например, что ты умеешь хорошо делать?

Дэниел на миг растерялся, а потом нерешительно пробормотал:

– Ну... например, умею смешить сестренку.

– Отлично, записывай.

Робин мягко направляла мальчика, пока тот работал, а сама тем временем планировала беседу с детективом. Она не позволит Кингу ею манипулировать или, того хуже, запугивать. Если притвориться дурачком не удастся, придется заявить, что не может говорить по причине конфиденциальности. Пусть попробует получить ордер.

Дэниел выполнил задание, и Робин снова попросила его прочесть написанное вслух. Затем приклеила оторванные ручки и ножки липкой лентой к туловищу и нарисовала улыбающуюся рожицу. Результат мальчика, похоже, не слишком впечатлил. Увы, Робин то и дело отвлекалась, иначе сумела бы его заинтересовать. Однако ничего не поделаешь. Позитивное мышление – навык, требующий упорной работы, на чем они и сосредоточатся на следующем сеансе. Во всяком случае, начало положено.

Пришла мама Дэниела, и Робин проводила их до машины. Детектива видно не было. Неужели ушел? Увы, едва клиенты скрылись из виду, как Кинг возник из припаркованного под деревом автомобиля.

– Проходите, – с широкой улыбкой пригласила его Робин.

Решила предстать перед ним жизнерадостной рыжеволосой девицей с бессмысленной улыбкой – порой подобный образ выручал.

– Спасибо, – улыбнулся в ответ Натаниэль.

Хм, возможно, симпатичным его нашла бы не только Мелоди...

– Извините, что вам пришлось проделать такой путь, – заговорила она, провожая детектива в кухню. – Вряд ли в этом была особая необходимость. Я прочитала новости о бедной женщине и задумалась, понимаете? Два убийства в одном штате... Вот и пришло в голову, что они могут быть связаны. Хотите чаю?

– Обычной воды, если можно.

Натаниэль не торопясь присел на кухонный стул и уставился на Робин.

– Потом поговорила о своих подозрениях с сестрой, и она сказала – дескать, в моей версии есть смысл. Потому вам и позвонила. Только после сообразила, что вы такие звонки принимаете десятками. – Она поставила на стол стакан холодной воды. – Напрасно потратила ваше время, уж простите.

Натаниэль сделал глоток и, не сказав ни слова, отставил стакан. Время шло, коп молчал... Хм, знакомый трюк – сама не раз к нему прибежала. Люди не выносят молчания, пытаются разбить его словами. Робин подобными фобиями не страдала. Устроившись по другую сторону стола, она виновато улыбнулась и принялась ждать.

Натаниэль отпил еще воды, и Робин глянула ему в глаза. Взгляд он выдержал, однако так и не заговорил. Робин встала, взяла графин, наполнила его доверху и бросила несколько кубиков льда. Долила в стакан и снова села.

– Как продвигаются ваши занятия с Кэти Стоун? – наконец прервал молчание детектив.

На долю секунды Робин утратила самообладание. Неужели расспрашивал о ней в городе? Видно, кто-то сболтнул, ведь все знают...

Она тут же расслабилась и вновь одарила гостя глупой улыбкой.

– Э-э-э... простите?

Натаниэль насмешливо блеснул глазами. Похоже, заметил брешь в ее защите. Ну и ладно. Стоунов она втягивать в свою идиотскую авантюру не собирается.

– С Кэти Стоун, – повторил он, недоуменно разведя руки. – Вы ведь с ней работаете? Слушайте, доктор, не обижайтесь, но вряд ли вам случайно попала на глаза новость об убийстве Глории Бассет. Увы, смерть таких людей большого интереса в прессе не вызывает, а

вы не из тех, кто звонит в полицию, подчинившись сиюминутному порыву. Не ваш стиль.

– Спасибо за комплимент, однако...

– Вы – детский психотерапевт. Судя по восторженным отзывам в интернете, чертовски хороший специалист. Поэтому давайте прекратим игру. Кэти сообщила вам нечто важное о похитителе. Настолько важное, что вы задумались о связи между убийствами Бассет и Паркс... Я мыслю в правильном направлении?

– Я не имею права говорить о своих пациентах. – Робин сложила руки на груди.

Натаниэль снова отхлебнул из стакана.

– Вчера я общался с детективом, ведущим расследование по делу Кэти. Он сказал, что речь у девочки так и не восстановилась. Однако с вами она разговаривает, не так ли?

– Ничего подобного.

– Человек, погубивший Глорию Бассет, может убить снова. Если вы не расскажете, что вам известно, и кто-то пострадает, ответственность будет возложена на вас.

Робин испытывала подсознательную потребность успокоить этого человека, обладающего властью и полномочиями. Внушить ему оптимизм. Точно так же она годами общалась с матерью и с Эваном. Ей хотелось с ними соглашаться. Сейчас расскажет ему все, а он будет понимающе кивать... Сознательная гражданка, помогает полиции. Правильный выбор. Конечно, детектив его одобрит, прислушается к словам Робин, задумчиво склонив голову и время от времени вскидывая брови.

«Впрочем, знаете ли, мистер полицейский, вторгающийся на лечебные сеансы...» Ей надоело утешать и задабривать. Все равно – будет ли он рад, зол или разочарован ее поведением. Плевать на чертову ответственность! У нее есть врачебный долг перед Кэти, а остальное – ерунда.

– Очень может быть, – решительно сказала Робин. – Не исключено, что кто-то еще пострадает, только ответственность будет лежать на полиции, которая не выполняет свою работу должным образом.

Натаниэль усмехнулся.

– Что ж, справедливо. Стало быть, вы намекаете, что я должен пообщаться непосредственно с Кэти, а не с вами?

– Ради бога, не тревожьте девочку! – запротестовала Робин. – Ей здорово досталось.

– От вас-то я ничего добиться не могу...

– Я не вправе обсуждать свои сеансы, – заявила Робин, – однако сообщила о догадках, которые появились у меня вчера вечером. Увы, поступила непрофессионально и лишь потратила ваше время. Не стоит усугублять ситуацию.

– Чем вы обычно занимаетесь на сеансах?

– У меня в кабинете имеется игровая зона. Дети играют, сочиняют истории, рисуют, и таким образом я помогаю им преодолеть психологическую проблему.

– Стало быть, вчера Кэти была у вас, играла, и вы пришли к некоторым выводам? – Натаниэль поднял бровь. – Вероятно, игра носила весьма жестокий характер...

– Такое случается.

– Но вряд ли часто? Звучит ведь довольно необычно.

– Неужели? – не моргнув глазом, произнесла Робин. – Никогда не приходилось видеть, как ребенок воспроизводит с помощью Барби сцену сексуального насилия, жертвой которого стал? Еще бывает, что одна игрушка наносит удар другой – например, за плохую оценку. Рисуют мамочку в синяках, вспоминая, как ее поколотил папа... Вы удивитесь, однако подобные игры далеко не редкость.

Натаниэль на некоторое время утратил снисходительную улыбку всезнайки.

– Вы правы, простите. Я, как любой коп, уверен, что общение с плохими парнями – исключительно моя монополия. Выходит, и вы нередко сталкиваетесь с такими случаями...

– Именно. Дети открывают передо мной душу, потому что считают меня достойной доверия. И я не вправе их подводить.

Натаниэль серьезно кивнул.

– Что же тогда заставило вас вчера набрать номер полиции?

– Я немного испугалась, вот и всё. Был сложный день, и я приняла неверное решение. Еще раз повторю: мне стыдно, что зря потратила ваше время.

– С чего вы взяли, что зря?

– Вы проделали долгий путь из Индианаполиса, собираясь обсудить со мной нелепую теорию о связи двух убийств. Версия притянута за уши, тут и думать нечего. Я не слишком разбираюсь в расследованиях уголовных дел, однако полагаю, что у вас каждая минута...

– Правильно! – перебил ее Натаниэль. – Дорога каждая минута. Потому я и приехал.

Робин беспомощно развела руками. Возможно, полицейское расследование зашло в тупик. Возможно, копам следовало проверить любую зацепку, какой бы фантастической она ни была.

– Не исключено, что вы правы, – вздохнул Натаниэль, – и связь действительно есть. Имеются улики, которые косвенно могут ее подтвердить.

Робин ошеломленно уставилась на полицейского. Если дело обстоит таким образом, если ее догадка верна, значит...

– Так вот, – продолжил Натаниэль. – Допустим, оба дела имеют общий знаменатель, и Кэти Стоун намекнула на их связь. Стало быть, оба убийства произошли у нее на глазах? Тогда убийца, по всей видимости, – ее похититель.

– Хм... – Робин откашлялась. – Допустим, однако в таком случае вам надо говорить не со мной, а с местной полицией и шерифом. Они ведь занимались поисками Кэти. Наверняка наши работают совместно с полицейским управлением Джаспера, у них есть подозреваемые, и...

– С местными властями я обязательно пообщаюсь, – снова перебил ее Натаниэль. – И с ребятами из Джаспера уже созванивался. Личность похитителя Кэти до сих пор не установлена. Напрашивается вывод: человек он чрезвычайно жестокий и, скорее всего, ударит снова. Вы – психотерапевт, и потому обязаны сообщить в полицию, если вам известно, что чья-либо жизнь может оказаться...

– Разрешите вас здесь остановить, – подняла руку Робин. – Да, сообщать я обязана – но лишь в случае, когда подозреваю, что пациент способен нанести вред себе или другому человеку. Здесь совсем другое. По вашей версии, похититель Кэти убил Глорию Бассет и Хейли Паркс? Прекрасно. Так выходите на местную полицию и на шерифа, на федералов, в конце концов. Делайте вашу работу, а мне позвольте заняться своей.

Натаниэль встал и протянул ей визитку.

– Если захотите поделиться еще какой-то информацией от Кэти, наберите мой номер.

– Буду иметь в виду.

– Возможно, я загляну в другой раз, если возникнут дополнительные вопросы, – добавил он, направляясь к двери.

– Прошу вас в таком случае заранее позвонить, – вздохнула Робин.

Глава 25

Клэр сидела с Кэти, наблюдая, как та трудится над заданием по математике. Атмосфера спокойствия окутала их подобно теплому одеялу. День выдался замечательный, едва ли не идиллический. Клэр с утра начала читать дочери «Энн из Зеленых Крыш»^[5]. До похищения Кэти не слишком интересовалась книгами. С другой стороны, Клэр никогда особо не пыталась приучать ее к чтению, разве что порой подсовывала совсем уж детские книжки, в основном Теодора Сьюза^[6]. Только теперь осознала, что Кэти с удовольствием слушает и более серьезные истории. В ее возрасте Клэр просто обожала «Энн из Зеленых Крыш».

Вот так они и провели с утра пару часиков – лежа в кровати дочери. Кэти склонила голову матери на плечо, а та читала вслух, пытаясь менять голос: Мэттью Катберт говорил в ее исполнении басом, Рейчел Линд – пронзительно, слегка повизгивая, и Кэти каждый раз хихикала.

Потом в течение всего дня Клэр помогала дочери с уроками. Пит оставался непреклонен: Кэти в следующем году должна пойти в школу вместе со всеми. Клэр сомневалась в реальности подобного плана, и все же согласилась попробовать. Так или иначе, ее возвращение к учебе следовало облегчить, для чего требовалось нагнать пропущенное.

Желание-то у девочки было. Она добросовестно трудилась над поступавшими от школьных учителей заданиями. Письменная речь не давалась – простейшие слова ложились на бумагу с великим трудом, а уж о предложениях речи вообще не шло. С цифрами складывалось получше, и потому Клэр уделяла математике больше внимания. Увы, с сосредоточенностью все обстояло не лучшим образом. Кэти могла работать пятнадцать минут, затем ее глаза начинали блуждать по комнате. Карандаш порой выпадал из безвольной руки. Иногда Кэти отвлекали громкие звуки, и успокоить ее удавалось не сразу; к тому времени она уже забывала, на чем остановилась.

И все же дело медленно шло на лад. У Клэр появлялось немного свободного времени, когда дочь мастерилла всякие вещички для кукол.

Каждый день кроила одежонку, делала грубую мебель и инструменты, а потом складывала их в коробку из-под обуви.

Сегодня Кэти сражалась с делением столбиком. До похищения никаких сложностей с арифметикой она не имела. В вычислениях разбиралась хорошо – видно, сказывались гены Клэр и Пита – и усваивала преподаваемый в школе материал куда быстрее, чем большинство ровесников. Теперь же продвигалась гораздо медленнее, чем раньше. Начинала решать под терпеливым руководством матери, затем останавливалась, поднимала глаза к потолку и озадаченно хмурилась. Клэр помогала чем могла, однако молчание дочери прогрессу не способствовало. Впрочем, Клэр обнаружила: если негромко проговаривать действия, которые Кэти следовало выполнить, то она потихоньку осиливала каждый пример сама. Было трудно, однако они работали сообща и оттого еще больше сблизилась.

Скрипнули петли входной двери – вернулся Пит.

– Привет! – громко сказал он, улыбнулся и скинул пальто. – Что решаем?

Слишком громко... Клэр всякий раз дергалась, когда Пит открывал рот: муж не сознавал, насколько он громогласен, – а ведь Кэти стала такой чувствительной... Реагировала она плохо. Ее глаза начинали бегать по комнате, мышцы напрягались. Уютная тишина в доме рассеивалась, взамен же словно появлялось потрескивающее искорками разрядов электрическое поле.

Муж шагнул в комнату, и Клэр который раз пожелала: медленнее, тише... Кэти прижалась к материнскому боку: резкие движения вселили в ее душу тревогу.

Пит всегда был таким – энергичным, громким и быстрым. Клэр когда-то нравилась его яркость – он занимал все свободное пространство и привлекал к себе внимание. Прирожденный лидер! И Кэти в совсем еще недавнем прошлом отцовский стиль тоже внушал восхищение. Классный папка! Учил ее кататься на велике, играл в догонялки и громко ревел, изображая, как за ней идет страшное чудище...

Пару недель назад Пит снова попробовал сыграть в такую игру, однако невинная забава закончилась катастрофой.

Клэр пыталась его убедить, что дома теперь следует вести себя потише, быть более деликатным. Пит возражал: мол, говорю самым

обычным голосом, а вот ты Кэти просто занячила. Как дочь будет чувствовать себя в реальной жизни, если они обращаются с ней, словно с хрупкой фарфоровой статуэткой?

– О, деление столбиком? – хмыкнул Пит, нависнув над ними. – Сложная тема! И как продвигается?

Вот что еще действовало Клэр на нервы: о Кэти муж говорил, как будто ее и не было в комнате. На прямой вопрос дочь, конечно, ответить не сумеет, однако улыбнуться-то она в состоянии. Может кивнуть, может пожать плечами. Самое главное – будет чувствовать, что с ней общаются. Неужели Пит не видит – для девочки это важно?

– Что скажешь, Кэти? Как продвигается? – обратилась к дочери Клэр.

Кэти слабо и нерешительно улыбнулась, и Клэр улыбнулась в ответ:

– Почти решили, а?

Дочь робко кивнула.

– Как на работе? – спросила Клэр.

Раньше, до того как их маленькая семья фактически разрушилась, этим вопросом она встречала мужа по вечерам.

– Неплохо, – ответил Пит и прошел в спальню, на ходу сбрасывая пиджак.

Попутно он рассказывал, как прошла деловая встреча. Естественно, повысил голос, чтобы его было слышно в гостиной. Парадоксально, но факт: Клэр в таких случаях переставала к нему прислушиваться, поскольку начинала тревожиться за Кэти.

– Эй... – шепнула она дочери. – Хочешь немного отдохнуть от математики? Давай позапускаем мыльные пузыри. Вдруг побьем рекорд вторника?

К ее облегчению, Кэти согласилась, и Клэр передала ей трубочку. Дочь сосредоточилась на дыхательных движениях и потихоньку расслабилась, а Клэр уже который раз поблагодарила про себя Робин. Вроде бы ерунда – а как помогает!

– Может, закажем на дом что-нибудь вкусненькое? – предложил Пит, вернувшись в гостиную. Глянув на выпустившую шлейф радужных пузырей Кэти, он едва заметно улыбнулся. – Хотите бургеры?

– Собиралась сегодня приготовить пасту, – пожалала плечами Клэр.

– Нет, давайте остановимся на бургерах.

– Хорошо.

Клэр ничуть не возражала сварить пасту – подумаешь, какие-то двадцать минут. Однако муж, похоже, ощущал себя героем, избавив ее от этой необходимости. Ну и ладно.

Пит несколько раз ткнул в экран телефона и сделал заказ. Клэр накрыла на стол, то и дело посматривая на Кэти – всё ли с ней в порядке?

Стук в дверь застал их врасплох – для доставки было еще рановато – и открывать они с Питом бросились вместе. Стоящий на крыльце мужчина представился детективом Натаниэлем Кингом.

Глава 26

Клэр уложила дочь в кровать, однако та еще не спала – лежала с наушниками. Последнее время они придумали засыпать под мерный шум океанских волн. Так Кэти удавалось успокоиться гораздо быстрее, однако теперь в ее глазах сквозила тревога. И все из-за незнакомца в соседней комнате.

Выйдя из спальни, Клэр оставила в коридоре свет и приоткрыла дверь: иначе дочери не уснуть. Впрочем, маме теперь не нужно ложиться рядом – уже большое достижение.

Мужчины сидели за столом; Пит говорил, а детектив что-то записывал в блокнот.

– ...царапины на теле, – рассказывал муж. – Зажили они быстро, однако у нас есть фотографии. Если хотите посмотреть...

Клэр устроилась рядом и откашлялась. Пит замолчал, и оба уставились на нее.

– Извините, что не смогла сразу присоединиться. Надо было составить компанию Кэти, ей пора спать.

– Это долгий процесс, – вставил Пит, обращаясь к детективу. – Раньше-то она ложилась без нашей помощи, а с тех пор, как вернулась, приходится помогать ей буквально во всем. Тут Клэр просто незаменима – проводит с Кэти каждый вечер по несколько часов кряду...

– Понимаю, вам трудно, – вздохнул Натаниэль.

– Вовсе нет, – ответила Клэр. – Я так рада, что дочь вернулась! И все же давайте говорить тише. Кэти в наушниках, однако еще не спит. Не хочу, чтобы наш разговор ее встревожил.

– Да-да, конечно, – откликнулся Натаниэль, сбавив тон. – Так вот, я говорил Питу, что у нас, похоже, появилась новая информация по делу Кэти. О ней я и собирался с вами побеседовать.

Клэр подсознательно ждала подобного поворота, хоть сама себе в том не признавалась. Похититель дочери все еще на свободе. Порой ей крадывалась в голову ужасная мысль: вдруг он вернется за Кэти? Ее разум старательно пытался избавиться от этой мысли – слишком уж страшные последствия сулил такой вариант.

– Разве расследованием занимается не детектив Пирс? – срывающимся голосом спросила она.

Именно с Пирсом Клэр общалась на протяжении пятнадцати жутких месяцев, а после возвращения дочери виделась лишь раз.

– Нет-нет, всё без изменений, к тому же Пирсу помогают детективы из Джаспера. Но дело Кэти может быть связано с другим, которое веду я, – объяснил Натаниэль.

– Еще одно похищение? – ахнула Клэр.

– Нет, ничего похожего, – успокоил ее Натаниэль. – Тем не менее мое расследование может вывести нас на похитителя. Ваша помощь будет бесценна.

– Мы готовы на все, лишь бы подонок оказался за решеткой! – воскликнул Пит.

Для Клэр, в отличие от Пита, наказание преступника стояло далеко не на первом месте. Разумеется, если Кэти узнает, что изверг в тюрьме, ей будет спокойнее. Да и самой Клэр – тоже. Однако «готова на все» она не была.

– Пит рассказал мне о том дне, когда похитили Кэти, и даже о следующей неделе, – сообщил Натаниэль. – Мы уже перешли к периоду после возвращения вашей дочери. Насколько мне известно, речь у нее до сих пор не восстановилась?

– Это правда. – Клэр вздохнула.

– Совсем не говорит? Ни с вами, ни... с кем-либо еще?

– Ни с кем, – подтвердила Клэр.

– Может, общается иным способом? Пишет, например?

– Нет, – ответила Клэр. – Если я правильно понимаю, то чисто медицинских причин для молчания врачи не обнаружили. У дочери психологический барьер перед вербальным общением – отсюда неспособность к устной и письменной речи.

– Как насчет ответов «да» и «нет»?

– Кэти может кивнуть или покачать головой, однако уже после нескольких вопросов замыкается. Плохо реагирует на попытки ее разговорить.

– Язык жестов не пробовали?

– Я предлагал, – заявил Пит.

– Возможно, до этого дойдет. Сейчас у нас другая задача – помочь ребенку ощутить себя в безопасности. – Клэр бросила тяжелый взгляд

на мужа, хотя старалась говорить спокойно.

– Как именно вы ей помогаете?

– Во-первых, мы с ней целый день вместе, а во-вторых, посещаем психотерапевта.

– Понятно, – кивнул Натаниэль. – Не намекала ли Кэти дома или на сеансах каким-либо образом на то, что с ней произошло?

Клэр покачала головой, однако некстати вклинился Пит:

– Да, можно и так сказать.

– То есть? – повернулся к нему детектив.

Смущенная Клэр сердито глянула на супруга.

– Ты ведь рассказывала о рисунке Кэти на самом первом сеансе у Робин. – Пит многозначительно покосился на нее и обратился к детективу: – Мы водим дочь к Робин Харт.

– Не кричи так, – напомнила Клэр. – Кэти еще не спит.

– Ладно, – все так же громко ответил муж. – Разве Робин не упоминала, что Кэти воспроизводит с игрушками жестокие сценки из своих воспоминаний?

– О воспоминаниях она ничего не говорила. Кэти таким образом выражает свое состояние – вот ее точные слова.

– Доктор рассказывала, какие именно игры практикует Кэти на сеансах? – осведомился Натаниэль.

– Хм... Вроде бы в них есть элементы насилия. В подробности она не вдавалась, однако упомянула, будто Кэти довольно точно разыграла убийство Хейли Паркс. Спрашивала, не могла ли дочь посмотреть новости по телевизору. Точно не могла – мы в этом смысле очень осторожны. Тогда Робин предположила, что новости ей показывал похититель.

– Значит, убийство Хейли Паркс, – задумчиво пробормотал Натаниэль. – Как это выглядело, Робин не сообщила? Кэти воспользовалась игрушками в кабинете? История-то ведь не самая простая, особенно учитывая, что ваша дочь пока неспособна говорить.

– Нет, она не объясняла... – Клэр вздрогнула. – А я не стала расспрашивать.

– Могу ли я задать доктору Харт несколько вопросов в вашем присутствии? Возможно, на следующих сеансах мы поработаем с ней в тандеме – это позволит получить больше информации. Если, конечно, вы согласны.

Клэр тут же ответила «нет», а Пит брякнул «да».

На несколько секунд наступило неловкое молчание, затем Клэр слабо улыбнулась:

– Очевидно, нам потребуется обсудить ваше предложение.

– Если подобный вариант позволит засадить мерзавца за решетку... – нахмурился Пит.

– Поговорим позже, – твердо сказала Клэр.

Весь смысл сеансов у психотерапевта заключался в помощи Кэти, а не полиции. Разумеется, Клэр с удовольствием поведала бы дочери, что похититель арестован, но вторгаться в процесс восстановления?

– Хорошо, – согласился Натаниэль. – Можете тогда рассказать о рисунке Кэти?

Клэр дрожащим голосом описала черного человечка, упомянула порезы на конечностях; не забыла и о том, что в конце концов дочь превратила лист бумаги в багровое полотно.

– Порезы? – повторил Натаниэль. – Маленькие? Или серьезные раны?

– Ну, такие красные линии – Кэти просто перечеркнула ими руки и ноги.

Натаниэль некоторое время молча на нее смотрел, широко распахнув глаза, и вдруг моргнул. Выдернув страницу из блокнота, положил ее на стол и быстро изобразил человечка с перечеркнутыми короткими линиями конечностями.

– Примерно так?

– Да... вроде бы. Разве что черточки были чуть выше. – Клэр забрала у него ручку и по памяти поправила рисунок. – Вот так... и так.

– Ясно.

Натаниэль в задумчивости изучил поправки, а затем задал еще несколько вопросов о дне исчезновения Кэти и событиях с момента ее возвращения. Вспоминать было нелегко, и к концу разговора голос Клэр ощутимо дрожал. Дважды пришлось, извинившись, выйти в туалет: умыться и отдышаться.

Уже у порога детектив предложил:

– Устроит ли вас, если я подойду с социальным работником и переговорю с Кэти? Возможно, покажу ей несколько фотографий...

Клэр снова ответила «нет», а Пит – «да».

Помолчав, она по очереди бросила взгляд на обоих мужчин. Один из них Кэти не знал вовсе, а другой проводил с ней не больше часа в день. Холодно улыбнулась, стараясь, чтобы зубы не так стучали друг о друга.

– Боюсь, детектив, этот вопрос нам также следует обсудить.

Глава 27

Робин сидела на открытой площадке кафе «У Джимми», наслаждаясь ласковым полуденным солнышком, попивая кофе и закусывая персиковым пирогом. День был насыщенным – четыре пациента и одна встреча с родителями. Пожалуй, заслужила пару часов отдыха.

Увы, на нее то и дело посматривали, да еще и шептались. Опять паранойя, или действительно окружающие шушукались больше обычного? Робин не могла отделаться от чувства, что посетители кафе сплетничали с удвоенной силой, причем именно о ней.

Она старалась не обращать внимания: уткнулась в телефон, листая фотографии милых собачек. И только принялась разглядывать снимок очаровательного пекинеса, как на экране появилось сообщение о входящем вызове. Мама...

С самого дня похищения кукольного дома Робин с ней вживую не разговаривала. Двадцать три пропущенных звонка... Писала в мессенджере – так оно безопаснее. Сообщила, что забрала домик, и выразила уверенность: мать не слишком расстроилась из-за маленькой кражи. В конце концов, сама ведь говорила – Робин, дескать, делает большое дело для Кэти. Ну, позаимствовала игрушку, решив помочь ребенку, подумаешь...

Психологическим манипуляциям Клэр училась у лучших специалистов, однако у матери к подобным приемам имелся иммунитет. Написала, что хочет получить домик обратно. Если дочь не в состоянии купить себе в кабинет такой же, мать, мол, будет рада поучаствовать материально, тем более видела подходящий вариант на одном сайте.

Робин пообещала игрушку вернуть, однако слово не сдержала. И даже не заглянула к матери, а ведь прошло уже больше недели... Назревала катастрофа невероятных масштабов.

Придется ответить. Пусть выговорится, в конечном счете оно того стоит. Прекрасная погода и сладкий пирог добавили смелости, и Робин нажала на кнопку.

– Привет, мам.

Та уже рыдала в трубку.

– Неужели ты настолько меня ненавидишь? Ведь я столько для тебя сделала! Дала вам обеим жизнь! А теперь дочери даже носа не показывают, будто не в одном городе живем...

– Мама, я тебя люблю, – понизила голос Робин. – Просто сильно занята. Завтра забегу, клянусь!

– Что? – простонала мать. – Не слышу, говори громче. Где ты находишься, почему шепчешь?

– В кафе «У Джимми».

Ах ты...

– А я думала, ты занята! Выходит, не слишком, раз позволила себе посидеть в кафе.

– Да нет, я просто на минутку... алло?

Но мать уже бросила трубку.

Робин сунула телефон в карман и отхлебнула вдруг ставший безвкусным кофе. Планировала понежиться часок-другой на солнышке, просмотреть соцсети, почитать книжку... С каждой минутой ее все больше охватывало чувство вины. Каждое движение секундной стрелки подтверждало правоту матери. Занята, называется! Вместо того чтобы заскочить к маме, сидит и бездельничает...

Она поймала на себе взгляд Джимми, и тот подошел к ее столику.

– Как тебе персиковый пирог, Робин?

– Прекрасен, как обычно. – Она улыбнулась.

– Весь секрет в свежих персиках.

– Правда вкусно, Джимми! А можете принести мне...

Она примолкла. Мимо прошли две женщины, бросили на нее любопытные взгляды и зашептались. Можно поклясться – не просто любопытные, а прямо-таки испепеляющие.

– У тебя все в порядке? – забеспокоился Джимми.

– Я не... Вы видели? – спросила Робин. – Заметили, как эти кумушки на меня посмотрели?

– А? – Он оглянулся. – Не обратил внимания. Да что ты переживаешь? Людям свойственно совать нос не в свое дело.

– Что? О чем вы говорите?

– Да ни о чем, – нахмурился Джимми. – Не бери в голову. Еще кофейку?

– Вы хотите сказать... – Робин замялась. – Что значит «не в свое дело»?

– Вы часом не Кэти обсуждаете? – возникла у столика Элли. – Не понимаю, почему все так взбудоражены...

– Взбудоражены? – переспросила Робин.

– Не хочешь протереть столики? – вспыхнул Джимми. – Господи, она то сидит в телефоне, то расстраивает посетителей... Миллениалы – ни грамма тактичности!

– Никакое я не дитя... А что, у миллениалов напрочь отсутствует такт? – Элли пожалала плечами. – Зато у послевоенного поколения его полным-полно. Аж из ушей прет!

– Во всяком случае, мы знаем, когда следует держать рот на замке. – Джимми скрестил на груди руки.

– Ой, большое дело! – Элли закатила глаза. – Если о Робин говорят всякую ерунду, ей следует об этом знать.

– Всякую ерунду? – недоуменно заморгала Робин.

– Не слушай ты ее, – заворчал Джимми. – Подумаешь, парочка ведьм... Глупости это всё.

Робин продолжала вопросительно смотреть на Элли.

– Ну, болтают тут насчет Кэти, – понизила голос та.

– Насчет Кэти?

Ее затошнило от волнения. Даже пожалела, что взяла пирог, какими бы свежими ни были персики.

– Говорят, вместо того чтобы помочь Кэти преодолеть травму, вы только ухудшаете ее состояние... – Элли покачала головой. – Ну, типа, заставляете переживать всё по новой. Все вдруг стали специалистами по детской психологии, каждый знает, как лучше работать с Кэти... А еще кто-то сморозил – вы, мол, только сделали ее агрессивной. Стычка с вашим племянником, помните? Ну, вроде как она его пырнула...

Голос Элли постепенно затих под яростным взглядом Джимми.

– Все сказала? – рявкнул он.

– Я считаю, что Робин должна быть в курсе, – пробормотала девушка.

– А я считаю, что надо вынести из кухни мусор, – поставил точку Джимми.

– Хорошо, хорошо...

Элли развернулась и ушла.

– Не переживай, – повторил Джимми. – Все знают, какую фантастическую работу ты делаешь с Кэти. Клэр и Пит поступили мудро, приведя ее к тебе.

– Спасибо, – вздохнула Робин. – Наверное, мне...

Их разговор прервал резкий визг тормозов, и на тротуар в нескольких футах от столиков едва не влетел большой зеленый внедорожник – даже заехал одним колесом на бордюр. Чудом не попавший под машину прохожий отпрянул назад и выкрикнул проклятие. Робин не сразу сообразила, что перед ней отцовский автомобиль.

Водительская дверца распахнулась, и на тротуар спустилась мать. Сегодня она выглядела выше, чем обычно, – дома в основном ходила босиком или в уютных домашних тапочках, а теперь надела туфли на пятидюймовых^[7] каблуках. Ярко-синее платье, голые плечи, длинный, демонстрирующий ноги разрез. Словно по заказу дунул ветер, и густые волосы матери взметнулись. Создавалось ощущение, что солнечные лучи освещают только ее – настолько ослепительно выглядела Диана Харт. Она почти не выходила из дома – боялась ковида, – однако сегодня была без маски.

Презрительно отвернувшись от мужчины, которого едва не переехала, мать подошла к кафе.

– Диана... – выдохнул Джимми. – Добро пожаловать! Так рад вас видеть! Собрались посидеть с дочерью?

О господи, нет...

Мать одарила его королевской улыбкой.

– Да, благодарю, Джимми. Мне как обычно.

В кафе она не появлялась с начала пандемии, и небрежное «как обычно» прозвучало нелепо.

– Один круассан, клубничный джем, сливочное масло и бокал свежавыжатого апельсинового сока. Уже несу! – счастливо, словно влюбленный школьник, улыбнулся Джимми.

Не будь Робин и без того в шоке, впала бы сейчас в полную протрацию.

Мать уселась напротив с приклеенной к лицу улыбкой и прищурилась.

– Боюсь, здесь запрещено парковать машину, – слабо вякнула Робин и уставилась на внедорожник, едва не въехавший между

столиков.

– Джимми! – пропела мать. – Здесь можно парковаться?

– Никаких проблем! – ответил тот из-за стойки.

Макияж матери смотрелся безупречно, будто не она рыдала несколько минут назад.

– Тебе... э-э-э... необязательно было приезжать, – пробормотала Робин. – Я ведь знаю, как ты боишься вирусов...

– Ты не оставила мне выбора, – дрожащим голосом ответила мать. – Как еще прикажешь повидаться с собственной дочерью? Ты ведь больше ко мне не приходишь.

– Приходила на прошлой неделе.

– Знаешь, практически каждый день просыпаюсь и вижу пустую половину кровати, где спал твой отец... Не представляешь, как мне становится одиноко и холодно.

Губы матери затряслись.

Робин вздохнула. Все понятно – родительница пытается пробудить в дочери чувство вины. Понятно-то понятно, однако мать своего добилась.

– Мам, я захожу к тебе, как только появляется время.

– Видимо, теперь, когда ты выбилась в уважаемые психологи, да еще разжилась таким важным пациентом, времени не стало...

– При чем тут...

Мать отмахнулась.

– Разве сможет полиция раскрыть дело, если великая Робин Харт не будет направлять детективов и рассказывать, что Кэти сообщила ей на психотерапевтических сеансах?

Мать была исключительно близка к истине – и в то же время ее слова звучали настолько мерзко и неправильно...

– Что? Ничего подобного не происходит.

Боже, кто ей вообще сказал?

– Ладно, мне-то что, – перебила мать. – Не я учила тебя делать себе рекламу на людском несчастье. Это твоя жизнь, Робин. Я ее за тебя прожить не смогу.

– Мама, где ты берешь подобные рассказы? В них нет ни слова правды.

Мать фыркнула и вытерла уголок глаза.

– Будь твой отец жив, вы с сестрой приходили бы к нему. Все не так одиноко... Ты всегда больше любила папу, а ведь обеих вас вырастила именно я.

Подошел Джимми и поставил перед матерью блюдо с круассаном и бокал апельсинового сока. Даже тарелку украсил свежим цветком.

– Прошу, Диана. Желаете что-то еще?

– Нет-нет, спасибо, Джимми, – благодарно улыбнулась мать.

– Знаете, а ведь у дочери ваш голос, – сообщил он, поглядывая на Робин.

– Чудесный дар, не правда ли? – Мать тоже бросила на нее долгий взгляд. – Жаль, что она никак его не использует. Я предлагала ей поступить в колледж на журналиста. Могла бы вести новостные выпуски...

– Ну, по-моему, она многого добилась собственным умом, – улыбнулся Джимми. – А колледжи теперь уж не так хороши, как раньше. Вот моя племянница... По-моему, она впустую потратила в колледже несколько лет жизни, изучая искусство. Что с него толку в реальном мире?

Робин на миг ощутила себя ребенком, прислушивающимся к разговору взрослых. Тебя обсуждают, а ты не можешь без разрешения ни слова вставить, ни себя защитить.

– Да уж, она добилась, – холодно обронила мать, однако Джимми, похоже, ее тона не заметил:

– Здорово, что вы сегодня у нас! Надеюсь, теперь буду видеть вас чаще.

– Я не могла не зайти.

Джимми еще раз улыбнулся и отошел от столика, а мать повернулась к Робин:

– Итак, купила ты наконец для своего кабинета кукольный дом?

– Пока нет, но собираюсь.

Мать нахмурилась.

– По-моему, с твоей стороны было бы честно предложить Клэр Стоун отвести дочь в настоящую клинику, где есть и ресурсы, и персонал. Там Кэти точно получит наилучшее лечение.

– Мама... – дрожащим голосом произнесла Робин.

Сама не ожидала, что настолько расстроится. Ведь знала, на какие гадости способна мать, однако все равно каждый раз пропускала удар.

– Я не могу говорить о своей работе, ты ведь в курсе. Но будь уверена – мои пациенты ни в чем не нуждаются.

– Да ведь ты даже не в состоянии позволить себе приобрести кукольный домик для ребенка. – Мать вытасила кошелек. – Давай хоть я тебе помогу. Видела один приличный на сайте, стоит сто пятьдесят долларов... Вот, возьми восемьдесят.

– Мне не нужны твои деньги, – стиснув зубы, процедила Робин.

– Интересно... Когда я платила за твою учебу в колледже, ты нисколько не возражала. А уж там-то было куда больше восьмидесяти...

Робин вскочила из-за столика.

– Уходишь?.. – Мать задохнулась от возмущения.

– Если не прекратишь, уйду, – со слезой в голосе ответила Робин и тут же возненавидела себя за слабость. Черт, вечно мать заставляет ее чувствовать себя нулем без палочки...

– Прекратить что? Мы просто разговариваем.

Робин сделала шаг от стола.

– Ладно, ладно, – сдалась мать. Выдала себя: сидеть в кафе в одиночку – хуже унижения и представить нельзя. – Если не хочешь – деньги предлагать не буду. И о Кэти Стоун больше не заикнись – похоже, для тебя это больная тема...

Робин опустилась на стул. Мать нахмурилась, поджав губы, затем изящным движением взяла круассан и разрежала его на две части.

– Ну, – сказала она совершенно другим тоном, – что у тебя новенького на любовном фронте?

Глава 28

Робин открыла дверь, и ее сердце пропустило удар: на пороге стояла Кэти, прижимая к боку коробку из-под обуви.

После встречи в кафе она многое передумала, пытаясь осмыслить происходящее. Вдруг в словах матери есть смысл? Возможно, и в самом деле следует поручить Кэти заботам более квалифицированного специалиста, способного разобраться с необычной психологической травмой? Что, если сплетники правы и она лишь заставляет Кэти переживать негативный опыт вместо того, чтобы его преодолеть?

И все же, чем больше Робин размышляла, тем больше приходила к выводу, что оказывает девочке максимально возможную помощь. Позволить ребенку поделиться переживаниями в условиях полного контроля – лучший способ компенсировать нервное расстройство. Она ведь не подталкивала Кэти к определенным действиям – та сама принимала решения. Робин лишь помогала, окружив маленькую пациентку вниманием, пыталась ее раскрепостить.

Для полной уверенности проконсультировалась с профессором, у которого училась в университете. К огромному облегчению, тот ее поддержал: похоже, методы Робин вполне корректны.

Утром звонил детектив Кинг, спрашивал – не сможет ли она завтра съездить с ним на встречу с оперативной группой, ведущей расследование по делу Хейли Паркс. Просил рассказать, что именно пытается сообщить Кэти на сеансах психотерапии. Робин категорически отказалась.

В глубине души ей хотелось на сегодняшнем сеансе забыть об игрушках и домике и заняться, например, лепкой из глины. Или, допустим, поиграть в доктора и больного. Болеть будет она, а Кэти станет ее лечить.

Увы, девочка, по всей видимости, подготовила необходимый реквизит для кукол. Снова домик...

– Робин, можно я скажу пару слов? – поздоровавшись, попросила Клэр.

– Разумеется, – ответила Робин, ощутив легкую тревогу. – Кэти, пройдешь пока в игровую комнату?

Девочка кивнула и заторопилась к игрушкам. Робин с удовольствием наблюдала, как та, перешагнув порог, сразу расслабилась. Уже воспринимает ее кабинет как безопасное место, отлично...

– Похоже, полиция сдвинулась с места... э-э-э... в расследовании похищения, – начала Клэр.

– А именно?

– За дело взялся новый детектив – мистер Кинг.

– Натаниэль Кинг... Я как раз хотела с тобой поговорить о...

– Ты с ним уже общалась?

– Да, хм... Я, собственно, ему и позвонила.

– Позвонила? – Клэр в замешательстве уставилась на нее.

– Ну да, с неделю назад. – Робин откашлялась. – Помнишь, мы тогда еще разговаривали с тобой по телефону? Я спрашивала, не смотрела ли Кэти новости. Ну вот, а потом перезвонила ему. О Кэти я не сказала ни слова – просто хотела получить официальную информацию о тех преступлениях, которые попали в новостные выпуски.

– Понятно, – медленно произнесла Клэр. – Наверное, это стандартная процедура при таких случаях, как у Кэти?

– Случай твоей дочери... э-э-э... уникален, и о стандартных процедурах тут говорить не приходится. Просто мне нужен был человек, способный внести в дело некоторую ясность.

– Почему тогда он пришел к нам? Почему связал твой звонок с Кэти?

– Сложил два и два, – вздохнула Робин. – Нашел мой профиль, понял, что я – детский психотерапевт из Бетельвилля, ну и сопоставил мои вопросы с возвращением Кэти. Мне жаль, что так вышло, Клэр. Следовало сперва поставить тебя в известность. Но я не предполагала...

– Да уж, следовало. – Тон Клэр заметно похолодел. – Ну да ладно. В конце концов, имени Кэти ты не упоминала. Говорила детективу, что происходило на сеансах?

– Ни в коем случае. Я не вправе нарушать конфиденциальность – так и сказала детективу, когда тот явился. – Робин тяжело сглотнула. – Он предлагал мне пообщаться с его коллегами, но я дала понять, что это против правил.

– Хорошо, – кивнула Клэр. – Тем не менее, наверное, тебе не помешает с ними встретиться.

– В смысле? – растерянно заморгала Робин.

– Я все обсудила с Питом. Детектив Кинг разыскивает похитителя Кэти. Ведь если его поймают... Кэти будет знать, что ей больше ничего не угрожает, так?

– Возможно, – нерешительно пробормотала Робин. – Наверное, малышке станет лучше. Но...

– Пит настаивал, чтобы детектив присутствовал на твоих сеансах. Или, допустим, ты снимаешь их на видео, а полиция потом просматривает.

– Исключено. – Робин с отвращением покачала головой.

– Видео предложила я. Совместную работу – детектив Кинг, но я воспротивилась.

– Ну да. Психотерапия к следствию не имеет ни малейшего отношения.

– Конечно, – согласилась Клэр. – И все же... Если Кэти как-то намекнет на личность похитителя... даст информацию, с которой смогут поработать копы... По-моему, им следует сообщить.

– Не уверена, что это удачный план, – возразила Робин. – Видишь ли, Кэти выражает свои мысли довольно абстрактно. Их вполне можно истолковать неправильно.

– Пусть уж копы сами решают.

– Тут ведь возможны последствия. Предположим, полиция кого-то задержит. Окружному прокурору потребуется присутствие Кэти в качестве ключевого свидетеля... Даже не представляю, как она выдержит.

– Я хочу, чтобы моя дочь спокойно спала по ночам, не вскакивала с криком, – дрожащим голосом заговорила Клэр. – Ей ведь наверняка поможет, если подонок окажется за решеткой, правда?

Робин беспомощно пожала плечами, и Клэр тяжело вздохнула.

– Мне точно поможет. Потому мы с Питом и пришли к соглашению: я поговорю с тобой, а он обещает, что пока мы больше ничего предпринимать не будем. Кэти действительно не выдержит допросов или опознаний. Из двух зол следует выбрать меньшее – это мое личное мнение.

– Ясно, – кивнула Робин. – Если Кэти покажет нечто не подлежащее сомнению, я сообщу детективу. Если не буду уверена, сперва свяжусь с тобой.

– Спасибо, – поблагодарила Клэр. – Ой, извини, я отняла кучу времени от сеанса...

– Не переживай, – быстро успокоила ее Робин. – Дальше у меня окно, так что продлю занятие на десять минут.

– Спасибо, – еще раз сказала Клэр и вышла за дверь.

Кэти в игровой комнате не было, однако из туалета доносился звук льющейся воды. Робин бросила взгляд на столик. Естественно, измазанный красной краской лист бумаги, пятна на столешнице... Видимо, девочка, не дождавшись ее, совершила обряд очищения.

Робин внимательно глянула на рисунок. В левом нижнем углу, посреди малинового водоворота, красовался отпечаток маленькой ладошки Кэти.

Пожалуй, она догадывалась, чего хочет добиться подобным ритуалом ее пациентка. Скорее всего, за почти полтора года в плену Кэти стала свидетелем неоднократных сцен насилия, сопровождаемых обилием крови, которого ее мозг попросту не мог адекватно воспринять. Вероятно, таков способ преодоления: находясь в безопасном месте, Кэти сама решала, сколько нанести алой краски и как ее размазать. Затем мыла руки и наблюдала, как красная муть исчезает в стоке. Своеобразное снижение порога чувствительности к невозможным воспоминаниям.

Робин уже убедилась, что Кэти приходилось видеть, как убивают людей, и потому ритуал казался зловещим, пугающим. Красные мазки буквально источали отдающий медью запах крови. Робин едва сдержалась, чтобы не скомкать лист и не швырнуть его в мусорную корзину, а затем стереть кровавые пятна. То есть краску, конечно же – краску.

Она сделала глубокий вдох. Уберемся позже... Возможно, Кэти сама захочет выбросить рисунок. Психологу не следует выказывать тревогу, как бы ни выражал свои чувства пациент. Кэти не должна стесняться – пусть делится эмоциями и воспоминаниями.

Робин прошла к полуоткрытой двери туалета. Девочка стояла перед краном; с ее пальцев капала розовая мыльная пена. Пришлось

тихонько откашляться, и Кэти обернулась, а затем вновь уставилась в раковину.

– Вода смывает красную краску, – вновь применила прием вербального отражения Робин. – Вода очищает руки.

Через несколько минут удовлетворенная Кэти вышла из туалета и направилась к полке с игрушками. Выбрала те, что брала и прошлый раз. Балерина и фермер остались на месте: для них игра закончилась.

Игрушки Кэти распределила по разным комнатам. Маленькую девочку она положила в ванну, рядом поставила женщину-кондитера; Мистер Монополия оказался в кровати, а Чудо-женщина – на кухне. Последним, как всегда, появился Джокер и занял свое место в гостиной, которую Робин уже называла про себя не иначе как «логово убийцы». Некоторое время Кэти играла, передвигая кукол из комнаты в комнату. Явно испытала удовольствие, потеряв девочке спинку крошечной мочалкой, а затем почистив ей зубы. Наконец, открыв коробку для обуви, вытащила оттуда несколько вещичек: маленький круглый коврик для ванной и желтые занавески для детской, которые аккуратно прилепила скотчем к окнам. Следом появились миниатюрные тарелки с едой из глины для лепки. Мать пришла бы в ужас: глина в кухоньке ее идеального домика!

Кэти достала контейнер для пластилина, и Робин слегка напряглась. Если Кэти начнет заполнять домик поделками из пластилина, пожалуй, придется-таки ее остановить. Однако, заглянув внутрь, она убедилась: пластилином там и не пахло. В контейнере плескалась зеленовато-коричневая водянистая жижа, в которой плавал какой-то мусор.

Кэти поставила его перед домиком. Бассейн для куколок? Да нет, уж больно омерзительная в нем жидкость...

На сей раз Джокер схватил Мистера Монополию и выволок его наружу. Кэти сузила глаза; ее дыхание участилось. Злодей потащил человечка к импровизированному водоему.

– Злой клоун ведет человека в костюме к бассейну с грязной водой. Очень неприятная вода.

Кэти поставила обеих игрушек у контейнера, а затем опрокинула Мистера Монополию головой в мерзкую жижу. Часть ее выплеснулась наружу, и теперь из бассейна торчали лишь ножки. Кэти поместила

Джокера у самого края – теперь он будто бы держал Мистера Монополию за ноги.

Она резко дернула тонущего человечка, заставив его забрыкаться. Явно не просто так – видимо, имитация борьбы.

– Злой клоун держит человека в костюме под водой. Бедняжка задыхается!

Мистер Монополия еще несколько секунд шевелил ножками, а потом Кэти отдернула руки. Контейнер опрокинулся, и мутная жижа, вылившись на столик, хлынула в домик.

– О нет! – вырвалось у Робин.

Она инстинктивно схватила контейнер – домик-то, как ни крути, чужой. Увы, движение вышло чересчур нервным. Проклятье, невольно проявила тревогу...

Кэти отпрянула от кукольного домика, бросилась в туалет и хлопнула дверью.

Робин готова была дать себе подзатыльник. Не в первый ведь раз ребенок случайно повредил реквизит. Что делать – игры в кабинете частенько носили эмоциональный характер... Случалось, что игрушки с маху летели в стену, однако Робин всегда сохраняла самообладание.

Мамин домик... Собственно, выдержка ей изменила еще при виде наполненного мерзкой жидкостью контейнера для пластилина. Испугалась, что священный храм ее детства запачкается.

Вода закапала со стола на коврик, и Робин, оторвав несколько бумажных полотенец, промокнула лужу. Присмотревшись внимательнее, убедилась: Кэти добавила в обычную водопроводную воду зеленой краски и немного грунта.

Наскоро прибравшись, Робин подошла к туалету и встала у двери.

– Никто не пострадал, – мягко заговорила она, стараясь, чтобы девочка услышала. – И ничего плохого не случилось. Небольшой несчастный случай. Всё в порядке.

За дверью было тихо. Робин окинула туалет мысленным взором: есть ли там опасные предметы? Вроде бы ничего острого. Разве что пилка для ногтей – но вряд ли ею можно серьезно пораниться. В окно Кэти точно не пролезет. Похоже, она там в безопасности, и силой открывать дверь явно не стоит. Пусть девочка выйдет сама, как только сочтет нужным.

– Я вытерла воду, – негромко и спокойно сказала Робин. – Если хочешь, можешь выйти и проверить. – Немного помолчав, добавила: – Можешь оставаться там, сколько тебе захочется. Мы никуда не спешим. – Она бросила взгляд на кукольный домик и позеленевшего от окрашенной воды Мистера Монополюю. – Когда выйдешь, придумаем новую историю с другим концом. Вдруг кто-то остановит злого клоуна и не даст ему навредить человечку в костюме?

В туалете послышался шорох, однако дверь оставалась закрытой.

Робин вспомнила о вещичках, которые Кэти смастерила для кукол и кукольного домика.

– Пожалуй, мы с тобой сможем построить тюрьму. Посадим туда злого клоуна, если он будет себя плохо вести.

Замочек в туалете щелкнул, и Кэти выглянула одним глазом в щелку. Робин улыбнулась.

– Интересно? По-моему, у меня есть подходящий ящичек, и мы запросто превратим его в тюремную камеру.

Кэти нерешительно кивнула, и Робин, отойдя от двери, открыла шкаф. Пошарив внутри, нашла маленькую картонную коробку, в которой держала антистрессовые мячики, вытряхнула содержимое и вернулась к туалету.

– Как тебе? – спросила она, показав коробку Кэти.

Та распахнула дверь и выскользнула в комнату.

Они вместе уселись на ковер. Робин вручила девочке маркер, предложив наметить место, где будет дверь. Та начертила на одной из сторон коробки прямоугольник, и Робин дала ей ножницы.

– Только целиком не вырезай. Оставь одну сторону, тогда дверь будет открываться и закрываться.

Кэти насмешливо закатила глаза – вроде как «без тебя знаю», и Робин снова улыбнулась.

Они вырезали дверь, окошко на задней стене и второе, зарешеченное – в двери. В последнюю очередь изготовили длинную полоску картона. Робин сама сделала два надреза по обеим сторонам от входа и показала Кэти, как задвигать импровизированный засов, чтобы узник не мог выйти.

– На двери можно написать «Тюрьма», – предложила Робин, – чтобы злой клоун знал, куда его поместили.

Кэти слабо улыбнулась, однако, сжав в руке маркер, вдруг застыла. Одно-единственное слово уже представляло для нее неразрешимую проблему. Как ни крути – вербальное общение.

– Давай по одной буковке? – мягко сказала Робин. – Итак, «Т»...

Кэти послушно написала первую букву.

– «Ю», потом «Р». Сможешь дальше сама?

Девочка заколебалась – и все же закончила слово.

– Молодец! Теперь надо найти полицейских – они отведут клоуна в камеру.

На полке стояли три фигурки копов, однако Кэти такого количества показалось недостаточно, и она решила укрепить группу Хи-Мэном и акулой. Вся команда прибыла к домику. Кэти навалила фигурки на Джокера, а сверху для пущей убедительности прихлопнула всю кучу акулой.

– Полицейские и их друзья остановили злого клоуна – ведь тот навредил человеку в костюме! – энергично прокомментировала Робин. – Все сделано правильно. Гадкий клоун должен сидеть в тюрьме.

Акула, зажав Джокера в зубах, подтащила его ко входу, а копы запихнули пленника внутрь и закрыли дверцу. Засов Кэти задвинула с помощью Робин. Облегченно вздохнув, подошла к старому кукольному домику и достала оттуда несколько стульчиков. Подумав, добавила к ним кровать. Загородила мебелью вход в тюрьму и на всякий случай поставила перед баррикадой акулу.

– Злой клоун теперь долго не выйдет на волю.

Кэти заглянула в зарешеченное окошко, убедилась, что Джокер на месте, и радостно улыбнулась.

Робин проглотила стоящий в горле ком.

Оставшееся до конца сеанса время Кэти играла с кукольным домиком и прервалась лишь раз, похоронив в песочнице Мистера Монополию. К приходу матери она улыбалась.

– Как все прошло? – спросила Клэр.

– Хорошее было занятие. По-моему, у нас довольно серьезный прогресс. Подробнее поговорим вечером, во время родительского сеанса.

– Хм... – потупилась Клэр. – Боюсь, его снова придется отменить. Мне очень жаль.

Робин стиснула зубы. Родители нечасто избегали подобных встреч, но Клэр, похоже, куда большее значение придавала именно сеансам с Кэти.

– Клэр, мне необходимо общаться с родителями.

– Знаю, Робин. Можно перенести встречу на пару дней? Сегодня у нас что-то вроде чрезвычайной ситуации...

– Хорошо, – вздохнула Робин. – Позвонишь, когда будет ясность.

– Обязательно! – Слегка заколебавшись, Клэр добавила: – Не забудешь, о чем сегодня условились? Ну, насчет полиции? Это важно.

– Не забуду.

Робин проводила взглядом их машину. Подкрался Менни, бросил взгляд снизу вверх и вывалил розовый язык.

– Собрался на прогулку, дружище?

Пес возбужденно забегал по подъездной дорожке.

– Ладно, подожди минутку, мне надо сделать звонок.

Робин вытащила сотовый и, пролистав список последних вызовов, выбрала нужный.

– Алло! – ответили ей после первого же гудка.

– Детектив Кинг, это Робин. – Она нервно облизнула губы. – Завтра я буду готова съездить с вами на встречу с оперативной группой.

Глава 29

Повернувшись к окну, Робин рассматривала проносящиеся мимо перелески и луга. До Индианаполиса два часа, столько же обратно. Натаниэль вчера предложил, что доставит в оба конца, и Робин облегченно вздохнула. Сидеть за рулем она не особенно любила, тем более ночью. Встреча с оперативной группой могла затянуться; стало быть – обратно пришлось бы ехать в темноте.

Наверное, зря она согласилась на поездку. Черт, четыре часа в пути наедине с почти незнакомым копом, учитывая его странные музыкальные предпочтения...

Вроде бы плейлист Натаниэля начался неплохо – с «Everybody Knows» Леонарда Коэна. Его сменила Ариана Гранде, дальше они слушали Рэя Чарльза, а вот потом пошла какая-то цифровая дрянь – сплошные высокие частоты! На Джимми Хендриксе Робин слегка пришла в себя – и тут же получила дурацкую «Ми-ми-ми», которую на дух не переносила.

– Да что это у вас за ерунда? – наконец выпалила она.

– О чем вы? – удивился Натаниэль.

– О музыке. Как вас угораздило составить такую подборку?

– А, это плейлист моей племянницы. Ей только исполнилось десять, и она слушает всё подряд.

– Всё подряд? Не то слово... – Робин глянула на следующий трек в списке. – Господи, «Акуленок»!

– Кто вам сказал, что «Акуленок» – не моя любимая песенка? – Натаниэль поднял бровь.

Робин засмеялась и попросила:

– Можем вообще выключить музыку?

– Как скажете. Да только где еще вы услышите Джеймса Брауна на разогреве у Дуа Липы? – усмехнулся Натаниэль и нажал на кнопку.

– Спасибо, детектив Кинг.

Несколько минут они ехали в блаженной тишине.

– Наверное, мне следует подготовить вас к встрече, – наконец заговорил Натаниэль. – В группу, расследующую убийство Хейли Паркс, включены четыре копа из полиции штата, два детектива

убойного отдела и один федеральный агент. Еще у нас есть группа по делу Глории Бассет. На совещании будут присутствовать и те и другие.

– Вы не сказали, сколько человек расследуют убийство Бассет.

– Ваш покорный слуга, – сказал Натаниэль и после короткой паузы добавил: – В единственном числе.

– Вы не шутите?

– Вовсе нет. – Он нахмурился. – Сам удивляюсь. Кстати, почему вы позвонили именно мне? Допустим, решили, что между убийствами Паркс и Бассет имеется связь. Почему бы не выйти на группу по делу Паркс? Наверняка вы понимаете, что ресурсов им выделено куда больше.

– Я... хм. Я пыталась, – призналась Робин. – Попала на горячую линию, только меня там серьезно не восприняли.

– Неудивительно – им ежедневно поступают десятки звонков. Каждый житель нашего штата, увлекающийся подкастами по криминальной документалистике, уверен, что именно он обнаружил ключ к разгадке убийства Хейли Паркс.

– Ну да, – согласилась Робин. – Я сказала всего пару слов, и парень на телефоне меня тут же перебил: есть ли у меня конкретные улики и была ли я свидетелем преступления. Разумеется, я его в этом плане обнадежить не могла.

– И тогда вы позвонили мне...

– Ну, не сразу. Меня перекидывали туда-сюда минут пятнадцать. Набрала общий номер полиции Индианаполиса, а они несколько раз переводили мой вызов, пока я не попала на вас.

– Ага, ясное дело... – Натаниэль вздохнул. – Так или иначе, с вашей помощью мне удалось убедить некоторых членов группы Паркс в том, что убийства надо рассматривать вместе – тем более что в пользу такой версии свидетельствовали некоторые выводы криминалистов. А теперь они захотели получить информацию о ваших сеансах из первых рук.

– Учтите, я не могу говорить о...

– Понимаю, – Натаниэль поднял руки. – Медицинская тайна, конфиденциальность... И все же кое-что вы сказать вправе, верно?

– Да, – вздохнула Робин. – Я согласовала с матерью Кэти: сообщу только о том, что, по моему мнению, непосредственно связано с похищением ее дочери.

– Эта женщина крута до невозможности, – восхищенно заявил Натаниэль.

– Кто, Клэр?

– Ну да, Клэр Стоун. Когда я пришел к ним домой, думал, она меня ударит. А ведь всего лишь спросил, нельзя ли мне присутствовать на ваших сеансах... Видели бы вы ее взгляд! Мне случалось сталкиваться с наркодилерами, однако даже те не производили столь грозного впечатления.

Робин с трудом сдержала улыбку.

– Хм, молодец! Не знала, что она на такое способна.

– Это чисто материнские рефлексы.

– Материнские рефлексы?

– Ага. Вроде как у курицы: та взъерошивает перья и даже на вид становится больше, когда ее цыплятам грозит опасность.

Робин молча покачала головой.

– Такое впечатление, что я вас нечаянно оскорбил, – поразмыслив, признался Натаниэль.

– Да нет, почему же? – невозмутимо ответила Робин. – Потому что взяли и обобщили всех матерей, сравнили их с курицами? Или свели реакцию Клэр к простому инстинкту? Подумаешь, курица, растопырила крылья, закудаhtала...

– Если вывернуть мои слова наизнанку, как сделали вы, звучит и вправду гнусно. Я не то имел в виду. У каждой матери есть неосязаемая связь с собственным ребенком. И я увидел ее у Клэр, понимаете?

– Допустим.

Робин уставилась в окно, размышляя о тех матерях, которые приводили к ней своих ребятишек, о Клэр и Кэти, о Мелоди и ее четырех детях. Она думала о том времени, когда еще надеялась, что скоро станет мамой.

– Знаете, в детстве надо мной издевались старшие ребята в школьном автобусе, – задумчиво сказал Натаниэль.

– Что-что?

– Пытаюсь рассказать вам поучительную историю о матерях. Так вот, меня здорово доставали по дороге в школу.

– Как именно?

– Ну, задирали. Обзывались, швыряли в меня всякие предметы... Конечно, вы сейчас на меня смотрите и думаете: большой, сильный, симпатичный коп – как же так? Видите ли, в то время я ни большим, ни сильным не был.

– Но симпатичным-то были? – хмыкнула Робин.

– О, не то слово, уж поверьте... Так или иначе, в один прекрасный день я пришел домой в слезах. Мать меня допрашивала, пока не вытянула правду. Кстати, если я сейчас и знаю кое-что о методах ведения расследований, то лишь потому, что получил эти навыки от мамы. – Натаниэль улыбнулся. – В общем, она заявила в школу, ворвалась в директорский кабинет и задала там всем жару. И самому директору, и его секретарю, и учительнице, которая случайно туда заглянула. Кричала, как сумасшедшая. Я ждал снаружи, в холле. Вокруг собрались ребята, и все слышали ее яростные вопли. Думал, помру со стыда... – Натаниэль замолчал и, погрузившись в воспоминания, улыбнулся своим мыслям.

– Скандал помог?

– Разумеется, нет. Стало только хуже. Через неделю я опять вернулся из школы, изо всех сил стараясь не расплакаться: понимал, что мать снова устроит сцену. Правда, она видела меня насквозь. Сказала, что на этот раз поступит иначе, однако до тех пор, пока все не наладится, будет провожать меня в школу и встречать после уроков. И с задирками в автобусе я один на один не останусь.

– Прекрасное решение.

– Погодите, это еще только начало... Машины у нас не было. В школу мы шли пешком, а после занятий мать ждала меня у входа. За тридцать минут пешей прогулки я успевал поведать ей о своих школьных делах, она же рассказывала, как прошел ее день. В конце концов я начал опасаться, что рано или поздно мама поставит на место задир из автобуса, и мы уже не сможем ходить с ней вместе.

– Звучит потрясающе.

– Ага, – Натаниэль кивнул. – Через два года я принялся бешено расти. И уже никто не решался со мной связываться. Знаете почему?

– Почему?

– Потому что я превратился в большого и сильного парня. Довольно симпатичного, кстати.

– Ах да, – ухмыльнулась Робин.

– Снова стал ездить в школу на автобусе. В любом случае такого взрослого сына матери провожать было бы уже глупо.

Робин кивнула.

– Так вот, о материнских рефлексах... Я ведь в первую очередь вспомнил свою маму, понимаете?

– Хм. Что ж, вы правы, – сдалась Робин. – Многие мамочки имеют, как вы выражаетесь, материнский рефлекс. Только это чувство более сложное, чем...

– Чем у куриц?

– Точно.

– А что насчет вашей мамы?

– В смысле?

– У вас были такие добрые семейные истории?

– Ну, наверное... – Робин пожала плечами.

– Наверное?

Она устало потерла глаза.

– У нас с матерью довольно неоднозначные отношения. И все же запоминающиеся эпизоды случались.

– Например?

– Она вела популярную передачу на радио. Многие ее слушали.

– Ого, здорово! То есть ваша мама – местная знаменитость?

– Верно. Программа называлась «Разговор по душам с Дианой Харт». В эфир она выходила три раза в неделю, ровно в четыре, и шла целый час. Мы с сестрой прилипали к радиоприемнику. Никогда не пропускали мамину передачу. Потом ждали, когда мать придет домой, и все вместе обсуждали последний выпуск. Ну, что нам понравилось, что – нет, да как она была великолепна... Такое вот особенное время – с пяти до шести.

– Очень мило.

– Это точно, – тускло сказала Робин.

Кое о чем она умолчала, и на душе стало тяжело. Натаниэль, вероятно, заметил, что говорить ей расхотелось, и сосредоточился на дороге.

Пытаясь отвлечься от грустных мыслей, Робин взяла телефон и вошла в «Фейсбук». Полистала ленту, лайкнула несколько снимков симпатичных щенков, прочла пару строчек о скандале в мире научной психологии, пропустив политические дискуссии, и вдруг...

Наткнулась на собственное имя.

Правда, осознала это лишь через несколько секунд – палец уже пролистал ленту дальше. Вернувшись вверх, она нашла нужный пост. Говорилось в нем о Кэти, и обязательная фотография бедняжки присутствовала – все оттуда же, из новостей. Писала некая Шерри Нельсон. Робин ее смутно помнила. Не она ли некоторое время назад организовывала распродажу выпечки в Бетельвилле? В «Фейсбуке» они, похоже, были друзьями, хотя в жизни вряд ли когда-то общались.

Пост начинался примерно так же, как и любой другой, посвященный Кэти. Шерри счастлива, что девочка вернулась... Молилась за нее много месяцев... Робин нетерпеливо перескочила через несколько ничего не значащих строк и остановилась на упоминании о себе.

...очень расстроилась, услышав, что Робин Харт, психотерапевта Кэти, больше интересуется собственная слава, нежели благополучие пациентки...

Остаток текста был скрыт баннером с гиперссылкой: «Узнать больше». На долю секунды Робин задумалась: а надо ли ей знать больше? Жизнь ее от этого не улучшится. Сердце колотиться не перестанет, напряженные мышцы не расслабятся.

Она ткнула в ссылку.

...Очевидно, Робин заставляет Кэти вновь переживать травмирующие события последних пятнадцати месяцев – видимо, экспериментирует с психологическими методиками. Кэти от подобных опытов страдает, и близкие к ее семье люди говорят, что девочка сейчас в куда худшем состоянии, чем еще пару недель назад. Ведет себя агрессивнo, отказывается выходить из дома. На месте мамы Кэти я серьезно забеспокоилась бы. Но это так – мои пять центов в общую копилку...

– Что за дьявол?! – взорвалась Робин.

– О чем вы?

– Какая-то тварь поливает меня грязью в соцсетях!

Робин в ужасе уставилась на статистику. Тридцать два лайка, грустные смайлики, «теплые объятия»... И двенадцать комментариев.

– Заблокируйте его, – посоветовал Натаниэль.

– Это женщина... Ну заблокирую, и что? Люди-то все равно видят ее пост!

Робин перешла по ссылке к комментам. Никого из откликнувшихся она не знала, однако каждый из них пылал возмущением. Один даже написал:

Из тебя и то психотерапевт лучше, чем из нее...

– Тогда не обращайтесь внимания, – предложил Натаниэль. – Подумаешь, «Фейсбук»... Люди в соцсетях постоянно несут какую-то чушь.

– Вы просто не представляете, как мне паршиво!

– Не представляю? – Он покачал головой. – Позволю себе напомнить: я – коп. Многие ли в соцсетях выражают теплые чувства к представителям моей профессии?

– Разве там пишут о вас лично?

– Случалось и такое, но я просто не придаю этому значения.

Плюнул и растер.

Робин жутко хотелось сообщить проклятой Шерри Нельсон, куда она может засунуть свои пять центов. Однако Натаниэль прав... Тяжело дыша, она убрала телефон. Заскрипела зубами, к ужасу своему чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Хотите смешную историю?

– Не хочу!

– Послушайте – и забудете о глупом посте.

– Это вряд ли.

– И все же давайте попробуем.

– Валяйте, – выдохнула Робин.

– Несколько лет назад, когда я еще служил патрульным, мне поступил вызов. Пострадавший позвонил в службу спасения – вроде бы кто-то вломился в его дом. Мы с напарником двинули по адресу. Там нашли парня, холостяка. Кто-то высадил окно и проник в его жилище.

– Пока не слишком смешно, – рассеянно заметила Робин, все еще кипя от негодования. Чертова Шерри Нельсон! Надо попозже самой написать язвительный пост об этой тупой сучке...

– Погодите, это лишь начало. Ну, мы к нему с обычными вопросами: не ранены ли вы, не заметили ли кого подозрительного, не пропало ли чего... И при последнем вопросе наш пижон вдруг начинает изворачиваться и перестает отвечать прямо. Мы с напарником переглядываемся. Так-так... Ежу понятно, что значит

такое поведение. Видать, у него сперли заначку наркотиков, ну или в таком роде. Начинаем на него давить не на шутку – колись, мол. Наконец он говорит – ладно, сейчас все покажу. И ведет нас в заднюю комнату. Никогда не угадаете, что мы там увидели!

– Корову?

– Как?.. Почему корову, в доме-то?

– Вы ведь сказали, что я не догадаюсь, но попытаться же могу?

– Ладно, не портите историю. Не корову. У него в комнате висела куча полок, забитых Маленькими пони из мультика «Дружба – это чудо».

– Серьезно? – Робин прыснула от смеха.

– Клянусь! Сотни маленьких лошадок! Целые ряды и колонны. Выяснилось, что грабитель спер всего пять штук, зато самых дорогих.

– Насколько дорогих? У меня в игровой комнате есть такой пони. Стоил, по-моему, долларов десять...

– Вот и я его об этом спросил. Ну, вроде – они же у вас не из золота отлиты? А он ответил, что экземпляры очень редкие, и за каждый пришлось выложить больше пяти сотен. Самая дорогая – «Сладкий крем» – обошлась в восемьсот «баков».

– О боже...

Робин задумалась: вдруг среди игрушек в ее кабинете тоже есть пара штук с баснословной ценой, какие-нибудь коллекционные... Нет, сомнительно.

– Вот именно. Все его собрание тянуло почти на три тысячи. Я наведалься в ближайший ломбард, спросил, не пытался ли кто заложить дорогущих Маленьких пони. На меня там посмотрели, как на ненормального. Вряд ли они работают с подобными закладами... И все же грабитель явно знал, какие экземпляры самые дорогие. Там ведь было три сотни, а выбрал он наиболее ценных. Я начал искать информацию в Сети и вышел на эксперта по этим лошадкам.

– Значит, вы вплотную занялись делом Маленьких пони?

– Я здорово увлекся, – ухмыльнулся Натаниэль. – В общем, поехал в Индианаполис к эксперту. Он открывает дверь и... Догадайтесь, что было у него в руках?

– Сладкий крем?

– Точно! Стоит передо мной с игрушкой за восемьсот «баков». Видит, что мы в форме, и делает ноги. Сматывается через черный ход.

– Признайтесь, вы сочиняете!

– Вовсе нет. Мы бросаемся в погоню. Парень пытается оторваться от нас на оживленной улице. Шансы у него, конечно, были. Правда, взрослому человеку в рубашке с изображением розового Маленького пони затеряться в толпе сложновато, таких персонажей на улицах не слишком много... Мы его настигаем, но Сладкий крем уже тю-тю. И беглец якобы не понимает, о чем мы вообще говорим. Никаких пони он не видел.

– Неужели выбросил?

– Хуже! Лошадка была при нем.

Родин разинула рот, а затем с ужасом посмотрела на детектива:

– О, нет...

– Вы не ошиблись – парень сунул пони в трусы. А на улице жара, да еще он несся во весь опор... Ну, наверное, не буду излагать подробности.

– Да уж, не стоит, – захихикала Робин.

– Короче говоря, остальных лошадок мы нашли у него дома. Как выяснилось, на поиски Сладкого крема он потратил несколько лет жизни, а потом увидел на онлайн-форуме, что ее приобрел местный коллекционер. Ну и не совладал с собой. Пони мы вернули законному владельцу. Пришлось, правда, сообщить, почему игрушка так странно пахнет... Конечно, пострадавший не пришел в восторг.

– Зачем же вы ему рассказали... – едва не плача от смеха, вздохнула Робин.

– Да, наверное, не стоило, – задумчиво ответил Натаниэль. – Но мне почему-то было приятно.

Робин хохотала, пока чуть не надорвала живот, а Натаниэль, улыбаясь, смотрел на дорогу. Через несколько минут она немного успокоилась, и все же раз за разом, вспоминая о Сладком креме, болтавшемся в трусах похитителя, Робин снова невольно начинала хихикать.

Глава 30

Офис шерифа в Бетельвилле, где Робин несколько раз приходилось бывать, представлял собой довольно большое здание. В течение многих дней после исчезновения Кэти именно там находился центр координации поисковых партий, и порой в помещение набивалось до шестидесяти человек. Словом, довольно впечатляющая контора для городка с населением чуть больше пяти тысяч.

Однако по сравнению со штаб-квартирой управления полиции Индианаполиса офис шерифа выглядел маленьким ветхим сарайчиком.

Столичная полиция располагалась в возвышающемся над улицей впечатляющем небоскребе. Робин порадовалась, что пришла не одна. Натаниэль уверенно провел ее через главный вход и, небрежно кивнув дежурному, двинулся к лифтам. Подниматься пришлось на четырнадцатый этаж.

Выйдя из лифта, они попали в большой конференц-зал с видом на весь город. Вдоль стен стояли дорогие белые доски с наклеенными на них фотографиями и записками. Снимок Хейли Паркс, растиражированный в прессе, Робин узнала сразу. На другом – она же, свисающая на веревке с дерева в запятнанной кровью одежде. Еще несколько фотографий было посвящено месту преступления. Робин быстро опустила глаза, но поздно: тело несчастной словно выжгли на сетчатке глаз. Натурализм ужасал – это вам не новостные выпуски. Как ни старалась Робин отводить взгляд, лицо девушки и явные признаки разложения все равно рассмотреть успела.

Они прибыли на несколько минут раньше, и в зале было пусто. Натаниэль выбрал места лицом к панорамным окнам.

– Можно пересесть на другую сторону? – тихонько спросила Робин.

У нее вдруг закружилась голова. Высоты она не боялась, однако испытывала к ней инстинктивное недоверие, а если не хочешь смотреть на фотографии – невольно упираешься взглядом в окно.

– Конечно, – детектив пожал плечами. – Принести вам воды?

– Если можно.

От волнения у нее пересохло во рту. Через пару минут сюда войдут детективы и федеральные агенты, и Робин придется объяснять, с чего она вдруг решила, что девочка, играющая фигуркой Джокера, могла стать свидетелем двух убийств.

Через некоторое время зал начал заполняться людьми. Натаниэль представлял ее каждому, однако у Робин в голове страшно гудело, и она почти ни одного имени не запомнила, кроме Тайлер – единственной здесь женщины, инспектора из полиции штата. Всего в группе насчитывалось семь человек.

Все расселись, и тут же завязалась общая беседа – так обычно бывает, когда коллеги собираются вместе. Робин невольно прислушивалась, однако обсуждение ей практически ни о чем не говорило. Один из копов завел речь о разосланном всей группе электронном письме, другой тихо рассказывал соседу о затянувшейся смене. Женщина упомянула об опасной ситуации, в которую попал некто Абернати, и двое детективов из полиции штата с сочувствием хмыкнули. Робин чувствовала себя все более неуютно – словно вторглась на чужую вечеринку. Натаниэль ободрил ее легкой улыбкой, и она невольно улыбнулась в ответ.

Наконец один из детективов убойного отдела – немолодой лысый мужчина, напоминающий Энтони Хопкинса, звучно откашлялся, и остальные тут же примолкли. Похоже, он был за главного. Как же его? Детектив... детектив Клафлин? Господи, вот это имечко...

– Итак, – начал он. – Миссис Харт... Или правильно будет обращаться «доктор Харт»?

– Доктор, – неестественно высоким голосом ответила Робин. – Но вы можете называть меня просто по имени.

– Принято. Доктор Харт, вероятно, детектив Кинг поставил вас в известность, что ваша информация вызвала здесь серьезные разногласия.

– Нет, он такого не говорил, – Робин пожала плечами. – Просто сказал, что вы вроде бы хотели меня послушать.

– Верно, – подтвердил Клафлин. – Во-первых, можете ли вы сообщить своими словами, что показывала вам Кэти Стоун во время сеансов? Почему вы решили связаться с детективом Кингом?

Робин рассказала о сценах, которые Кэти воспроизводила на первых двух занятиях. Ничего сложного – помогла практика

составления коротких отчетов о каждом сеансе с подведением итогов проделанной работы. Она постепенно расслабилась и заговорила более уверенно. Вряд ли кто-то в этом зале мог с ней конкурировать в области психотерапии. Сперва часть группы слушала ее с легким пренебрежением, однако вскоре во взглядах появилась заинтересованность. Вероятно, полицейские не считали выводы психолога серьезными доказательствами, однако от рассказа о девятилетней девочке, разыгрывающей жестокие убийства с помощью кукол, отмахнуться нельзя было при всем желании.

Робин закончила рассказ, и Клафлин вновь откашлялся.

– У меня два сына, – пробормотал он, – и у младшего есть несколько игрушек-супергероев. Иногда его игры можно назвать жестокими, поэтому... У меня вопрос: возможно, Кэти – всего лишь девочка, играющая в куклы?

– Так оно и есть, – ответила Робин. – Только игры не слишком типичные. У Кэти в голове явно четкий план: она разыгрывает весьма специфические сценки, и для нее важно соблюсти каждую мелочь. Особенно это бросалось в глаза в случае с дредью – эпизод Кэти повторила несколько раз. Она пытается передать нечто крайне для нее тревожное.

– Случалось ли в вашей практике, чтобы дети воспроизводили сцены насилия, свидетелями которых стали?

– Несколько раз, в основном в случаях насилия домашнего. Ребятишки выражают в игре сложные для них события – либо они видели их со стороны, либо были участниками. У меня занималась девочка, выжившая в дорожной аварии; так вот, она воспроизводила происшествие с помощью машинок.

– Что скажете о рисунках? – подал голос один из представителей полиции штата.

– О рисунках? – Робин сдвинула брови.

– Детектив Кинг сообщил, что Кэти Стоун на занятиях рисует, – объяснил Клафлин.

– Хм... Я ему об этом не говорила.

– Мне сказала Клэр Стоун, – вставил слово Натаниэль.

– Не знаю, важны ли они в этом смысле. Кэти изобразила человека с пораненными руками и ногами. Потом замазала всю картинку красной краской, по всей видимости, имея в виду кровь.

– Пораненные руки и ноги? – Клафлин нахмурился. – Как именно? Можете показать?

Обернувшись, он взял с полочки маркер. Робин встала и, забрав маркер, подошла к доске, стараясь не смотреть на фотографии. Нашла свободный пятачок и попыталась по памяти скопировать рисунок Кэти.

– Что-то в этом духе. А потом она взяла красную краску и... – Робин нашла красный маркер, – и перечеркнула ему руки и ноги, примерно вот так. Ниже изобразила лужу крови, после чего замазала алым весь рисунок.

– Конечности не просто поранены, – мрачно произнес Клафлин. – Похоже, они отрублены.

Робин уставилась на него, раскрыв рот, затем бросила взгляд на доску. Четыре красные линии и вправду словно отсекали руки и ноги человечка.

– Мне подобная интерпретация даже в голову не пришла, – призналась она. – Думала, Кэти хочет показать нечто вроде царапин. Но ведь рисунок двухмерный, поэтому и вправду может показаться...

– Она могла нарисовать вместо ранок точки или провести вертикальные линии – получились бы царапины, – заметила женщина из полиции штата. – А здесь-то горизонтальные...

– Не факт, – возразила Робин. – Это всего лишь манера изображения. В конце концов, рисунок – не фотография.

– У нас сразу возникла ассоциация с отрубленными конечностями, потому что тогда возникает связь с третьим случаем, – объяснил Натаниэль.

У Робин вдруг закружилась голова.

– Третий случай?

– Есть еще нераскрытое дело в Кентукки, – уточнил федеральный агент. – В лесу обнаружен захороненный труп Синтии Роджерс. Характер травм совпадает с рисунком.

– Характер травм? А именно? – Робин уставилась на рисунок.

– Отрубленные кисти и ступни, – нарушил повисшую на несколько секунд тишину Натаниэль.

– Вы хотите сказать, что...

– Наверное, нам лучше сейчас не останавливаться на подробностях, – предложил Клафлин. – Естественно, полного

совпадения мы не видим – Кэти нарисовала мужчину, а убита женщина. Необязательно, что тут есть связь.

– Некоторые данные экспертиз согласуются, – указал агент. – Например, сувениры, которые забирал убийца.

– Обсудим это позже, – резко бросил Клафлин.

– Три смерти? – Робин задумалась. – Серийный убийца?

Кэти заселила в домик шесть игрушек, и Джокер убивал их одну за другой.

– Не исключено, – отозвался Клафлин. – Впрочем, пока мы в этой версии не совсем уверены.

– Могут последовать новые убийства, – медленно проговорила Робин.

– Что вы имеете в виду?

Она рассказала о жителях домика и захороненных в песочнице игрушках, а также о последней инсценировке с утопленным Мистером Монополия. Объяснила свою догадку: шесть игрушек – шесть смертей.

В зале наступила тишина. Робин поочередно взглянула на собравшихся и на некоторых лицах увидела сомнение. Другие, в том числе и Клафлин, выглядели серьезными и озабоченными.

– Если убийства, о которых мы говорим, совершил один и тот же человек, разумно предположить, что он и похитил Кэти Стоун, – наконец подал голос Натаниэль. – Возможно, девочка была свидетелем нескольких преступлений, в том числе и с утоплением, как упомянула Робин.

– Стало быть, все случаи имели место в течение последних полутора лет? – усомнился один из детективов. – Не припомню нераскрытых дел с утопленниками за этот период.

– Необязательно подобное преступление произошло в Индиане. Роджерс погибла в Кентукки, – возразил федеральный агент.

– Не исключено, что смерть квалифицировали как несчастный случай, – предположил коп из полиции штата.

– Или тела до сих пор не обнаружили, – добавил Натаниэль. – Трупы Роджерс и Бассет тоже нашли не сразу.

– Если даже все три случая связаны, не факт, что убийства совершил один и тот же человек.

– Да что вы говорите... А как же свидетельство Кэти?

– Свидетельство Кэти? Вы серьезно? Попробуйте позвонить в полицию Кентукки и заявить, что у нас тут есть детский рисунок, совпадающий с их случаем...

Говорили все сразу, причем на повышенных тонах. На Робин уже никто не обращал внимания. Взрослые дяди ее выслушали – дальше дело за ними. Она лишь машинально кивала головой в ответ на некоторые реплики, пытаясь хоть как-то участвовать в обсуждении.

– Новая информация мало что меняет. Нам по-прежнему следует сосредоточиться на деле Паркс.

– В конце концов, мы имеем дело с ребенком, перенесшим психологическую травму. Она играет в странные игры, а мы просто тратим драгоценное время, – раздраженно заявила Тайлер. – Девочка, забавляющаяся с пластмассовыми игрушками? Джокер, бросивший в ванночку Мистера Монополия? Хороша отправная точка!

Робин стиснула зубы. В ней проснулся бунтарский дух – тот самый, что заставил ее утащить кукольный домик из материнской спальни. Он же помог не поддаться угрозам детектива Кинга при первой встрече. Какого черта они тащили Робин через весь штат, если не собираются дать ей слово?

– И все же трофеи убийцы – это безусловная связь, – заметил федеральный агент. – За последние два года в Индиане не случалось других убийств, когда преступник забирал бы у жертв прядь волос. Мы специально проверили.

– Да ладно вам! Подумаешь, отсутствующий клочок волос! Убийства были жестокими – в борьбе еще и не такое возможно. К тому же образ действий в каждом случае отличается, а серийные убийцы действуют в одной и той же манере.

– Не всегда, – возразил федеральный агент. – Есть подпись, есть образ действий, есть...

– Прошу слова, – перебила его Робин, и все дружно обернулись. – Не знаю, серийный ли в данном случае действует убийца, или просто так совпало. Как бы там ни было, по моему профессиональному мнению, Кэти Стоун действительно стала свидетельницей жестокого преступления. А теперь она изо всех сил пытается осмыслить это знание и передать его мне. Вряд ли стоит пренебрегать ее свидетельством.

– Согласен, – кивнул Натаниэль. – Информация Робин заслуживает внимания.

– Девочка наверняка за пятнадцать месяцев нахлебалась всякого дерьма – никто не спорит, – снова взяла слово Тайлер. – Вопрос в другом: следует ли нам отказаться от имеющихся версий и сосредоточиться на новом направлении? Мы рискуем пойти не туда, а Хейли Паркс заслуживает правосудия.

– Как и Глория Бассет, – резко бросил Натаниэль.

– Разумеется! Однако удастся ли нам его обеспечить, придерживаясь вашей дикой теории? – Тайлер скрестила руки на груди. – Никто тут не может сказать наверняка, что девочка воспроизводит реальные эпизоды. Она ведь до сих пор молчит, верно?

– Верно, – признала Робин. – Со дня возвращения не произнесла ни слова.

Глава 31

День похищения

История знает множество не получивших при жизни признания художников, и Эван не собирался повторять их судьбу.

Как чувствовал себя Винсент Ван Гог, осознавая гениальность своего искусства, которое никто не мог оценить? Эван даже представить не мог. Наверное, с тем же успехом можно сегодня выложить потрясающее произведение в «Инстаграм» и получить несколько лайков да пару комментов. Бедный Ван Гог...

Хорошо, что у него не было «Инстаграма», иначе великий художник попал бы в совсем уж дикую ситуацию. Допустим, выкладывает он «Звездную ночь» и получает семь лайков, а еще коммент от двоюродного брата: *а что, симпатично*. И смайлик с сердечками вместо глаз.

Вполне достаточно для душевного надлома.

С Эваном подобного не случится. Он пережил годы разочарований, когда главным добытчиком в семье была Робин, а ему лишь иногда удавалось внести в семейный бюджет свою долю гонорарами за постылые свадебные фотографии. Однако потом появился шанс, и Эван вцепился в него обеими руками.

Пандемия стала катастрофой для большей части населения, а для Эвана – настоящим благословением. Его работы стали узнавать. Вот завершит новый проект – и путь к покорению вершин открыт.

Эта фотосессия – пожалуй, лучшая в карьере. Дерзкая, необычная. Никто ничего подобного никогда не делал.

Он еще раз щелкнул кнопкой фотоаппарата. Последние лучи заходящего солнца, пробивающиеся сквозь облака, подсвечивали лицо молодой модели совершенно фантастическим образом. У него даже захватило дух.

На звонок телефона Эван сперва не обратил никакого внимания. Однако тот продолжал трезвонить – нудно и настойчиво. Черт, все испортил! Заскрежетав зубами, Эван вытащил сотовый из кармана. Робин...

– Привет, – слегка раздраженно произнес он.

– Эван...

Он откашлялся.

– Да, что случилось?

– Пропала дочка Пита Стоуна.

Некоторое время Эван переваривал услышанное, сжимая телефон в ладони. Покосившись на модель, понизил голос:

– Что значит пропала?

– Ее нигде не могут найти, но поиски продолжаются. Я подумала, тебе следует знать. Наверное, стоит позвонить Питу...

– Да... да, конечно. Спасибо, что сообщила.

– Возвращайся побыстрее. Стоунов нужно поддержать. И... – У Робин дрогнул голос: вот-вот заплачет. – И меня тоже.

– Конечно, – нахмурился Эван. – Постараюсь.

– Спасибо, – прошептала Робин. – Если Кэти найдется, я позвоню.

Он попрощался и убрал телефон в карман.

– Что там? – капризно спросила модель.

– Ничего важного, – слегка неуверенно ответил Эван. – Давай закончим. Еще несколько кадров, и на сегодня всё.

Глава 32

Робин сидела на кухне, отхлебывая из бокала красное вино. Напрасно, ой напрасно... Пару недель почти не спала, а спиртное сон точно не улучшает.

Однако сегодняшний день выдался исключительно нервным, и ей требовалось успокоиться. Плохо обладать мышлением визуального типа – встреча с оперативной группой подкинула совершенно ужасающую пищу для ума. На обратном пути из Индианаполиса Робин не переставала вспоминать снимок Хейли Паркс. Пыталась изгнать стоящую перед глазами картинку, но сознание тут же услужливо предлагало образы других жертв: Синтии Роджерс и Глории Бассет с зияющей в черепе дыркой. Обстоятельства смерти Синтии были настолько жуткими, что детективы предпочли на них не останавливаться. А ведь наверняка найдут и новые трупы...

Натаниэль пытался ее отвлечь, и Робин честно к нему прислушивалась, однако то и дело теряла нить разговора, когда перед внутренним взором возникали глаза убитой женщины.

Добравшись до дома, она открыла бутылку вина и наполнила бокал. Выпив, налила еще. Ноги отяжелели, в голове закружилось – вот и прекрасно.

И все же вино не могло совсем избавить ее от жутких видений.

Робин решила занять мозг другими темами и открыла «Фейсбук». Что там с гнусным сообщением Шерри Нельсон? Лайков прибавилось, кто-то даже сделал репост. Надо бы разозлиться, заместить страх гневом... Нет, бесполезно. Подумаешь, какая-то женщина прошла на ее счет в соцсетях, жалкой подмене живого человеческого общения! Каждое слово Шерри предстало перед Робин в своей настоящей сущности: биты информации на бог весть где находящемся сервере. То же самое с лайками и комментариями – биты и биты. Единички, нули. Неосвязаемая ерунда, не имеющая ничего общего с реальностью.

Где-то затаился человек, убивающий женщин в жестокой, вселяющей ужас манере, и несчастной Кэти Стоун пришлось наблюдать за его злодеяниями. Это и есть реальность, а кого волнует Шерри Нельсон с ее нелепыми пятью центами?

В соцсети не нашлось ничего, способного отвлечь от страшных воспоминаний. Робин настоятельно требовалось живое человеческое общение.

Она взяла телефон.

Мелоди ответила после третьего гудка:

– Привет...

– Привет, – дрожащим голосом поздоровалась Робин. – Не занята?

– Что случилось?

– Мне нужна компания. Очень.

– Хочешь подъехать?

Подъехать? Робин глянула в окно. Ночная, наполненная зловещими тенями улица...

– Не смогу. Я немного выпила, а... а пешком идти по темноте не хочу.

– Уже еду, – сказала Мелоди после короткой паузы.

Ее не было долгих десять минут, и Робин испытала невыразимое облегчение, когда в окно кухни ударил свет фар подъезжающего автомобиля. Она побежала в прихожую, где уже стоял Менни, помахивая хвостиком.

– Привет, – распахнув дверь, выдохнула Робин.

А потом разрыдалась.

Мелоди заключила сестру в свои теплые объятия, и та позволила провести себя в гостиную. Менни скакал вокруг, дважды едва не сбив их с ног. Они опустились на диван, и Робин положила голову на плечо Мелоди.

– Прости, по-моему, я потерлась своим сопливым носом о твой свитер, – пробормотала она, вытирая слезы.

– Ничего, там до тебя уже поплакал кто-то из детишек.

– Спасибо, что приехала. Мне просто... не хотелось сидеть одной.

– Всё в порядке, – мягко сказала сестра. – Давай сделаю что-нибудь выпить?

– Ага. Я уже начала.

Мелоди прошла на кухню и вскоре вернулась с подносом.

– Смотри, почти половину уговорила... Весь вечер провела в компании с бутылкой?

– У меня был тяжелый день.

Мелоди налила вина.

– Тебе поменьше, мне побольше. Не хочу повторения того школьного вечера с клюквенной водкой.

– Если мне не изменяет память, шороху тогда навела именно ты.

– А вот и нет. Отлично помню, как потихоньку убирала за тобой блевотину в своей комнате. Все молилась, чтобы папа с Дианой не заинтересовались, что там происходит.

– Да, точно, – улыбнулась Робин. – В твоей спальне потом еще два дня пахло, как в конюшне.

– Ну, за клюквенную водку! – Мелоди подняла бокал.

– За то, чтобы больше никогда не напиваться.

Сестры чокнулись.

– Кстати, о Диане, – вдруг сменила тему Мелоди.

– В смысле?

– Тебе надо к ней зайти, Робин. И вернуть чертов кукольный дом. Она меня уже с ума свела. По несколько раз на дню звонит.

– Сама-то почему не заглянешь?

– Не могу, – напомнила Мелоди. – Она меня не пустит – ковида боится.

– Опять двадцать пять. Тебе ничто не мешает ее навестить. Дети ведь давно привиты, Мелоди!

Сестра отхлебнула из бокала.

– Диана-то не в курсе. В любом случае речь не обо мне, а о тебе и твоём маленьком бунте.

– Замолчи, – Робин предостерегающе подняла палец. – Не строй из себя маму.

Мелоди ошеломленно распахнула глаза.

– Ничего я не строю. Как ты можешь сравнивать меня с Дианой? Я ни капли на нее не похожа.

– Сейчас ты говорила точь-в-точь как она. Быстренько перевела стрелки... Виновата тут только ты, я вообще ни при чем.

– Как это я? А кто спер драгоценный домик?

– Слушай, я не в состоянии держать оборону одна, Мелоди. Тебе следует заходить к матери.

– Только не драматизируй! Мы постоянно общаемся с ней по телефону. Можно подумать, я совсем исчезла из ее жизни!

– Общение по телефону и лицом к лицу – разные вещи, сама понимаешь, – Робин нахмурилась. – Я не готова снова бросаться на

амбразуру.

– Снова? – фыркнула Мелоди. – О чем это ты?

– Помнишь, как в детстве, с ее радиопередачей?

– Да ладно тебе. Ты тогда сама приняла глупое решение. Не корчи теперь из себя мученицу.

– Я делала то, что следовало сделать, – вспылила Робин.

В ее голове закрутился вихрь воспоминаний. Звон будильника, пробуждение посреди ночи... Радио, ей срочно нужно бежать к радио...

– То, что следовало, или то, чего желала Диана? – жестко спросила Мелоди. – Это не одно и то же.

Робин готова была придушить сестру.

– Не хочу больше вступать в бессмысленный спор. Ее программа...

– Программа? Всего лишь еще один способ тебя помучить.

Прикинуть ухом к динамику, вслушиваясь в каждое слово, запомнить подробности... Любая мелочь может оказаться важной.

Нет, Робин не хотелось говорить о прошлом. Не сейчас, не после ужасного дня. Она отбросила воспоминания в сторону, сложила руки на груди и вздернула подбородок.

– Если не признаешься маме, что вакцинировала детей, я скажу сама.

– Ты так не сделаешь! – Похоже, Мелоди была в шоке.

– Еще как сделаю! Все равно она когда-нибудь выяснит.

– Дай мне немного времени, ладно? Вот-вот начнутся летние каникулы...

– Прекрати, Мелоди! Я больше не могу! Совсем перестала спать, на работе ничего хорошего, мать сводит меня с ума... Довольно!

Обе тяжело дышали. Робин покраснелась, сердце ухало в груди, словно паровой молот. Они с сестрой почти никогда не повышали друг на друга голос. Конечно, в детстве иной раз ссорились, потом разговаривали ледяным тоном. Но детство – это детство.

– Ладно, – первой нарушила молчание Мелоди. – Признаюсь. Даже загляну к ней в гости. А если она спросит насчет кукольного дома, скажу, что он тебе нужен еще на несколько дней.

– Спасибо, – судорожно выдохнула Робин и отхлебнула вина, изо всех сил стараясь унять дрожь в руках.

– Прости, не знала, что твои дела настолько печальны.
– У меня все нормально. То есть не очень, но будет нормально.
– Так что сегодня стряслось? – Мелоди придвинулась к ней.
– Боюсь, я не в состоянии об этом говорить.
– Неприятности на работе?
– Ну да.
– Дело в Кэти Стоун?
Робин заколебалась.
– Знаешь, я не могу разглашать...
Сестра мрачно кивнула.
– Тоже хочешь сказать, что мне следует перестать с ней заниматься? – спросила Робин.
– Сама как считаешь?
– Надо продолжать.
– Ну и прекрасно. – Мелоди отпила глоток вина. – Вряд ли Стоуны найдут психотерапевта лучше.
– Так хотела хоть от кого-то услышать нечто в этом роде... – Робин снова всхлипнула.
– Знаешь, когда я вошла, то решила, что ты на грани срыва, – заметила Мелоди.
– Да, была немного напугана.
– После похищения Кэти я первое время жутко боялась. Вдруг преступник – один из соседей? Снились плохие сны про детей – вроде как я их потеряла. Зову, а они не откликаются...
Робин потерла глаза.
– Я тоже. Но тебе-то пришлось куда хуже моего. Особенно с Эми.
– Несколько дней вообще не могла уснуть, – вспоминала Мелоди, машинально покачивая бокалом. – Фред обнимал меня по ночам, чтобы не дрожала.
– Эх, вот чего мне тогда не доставало!
– Объятий Фреда? – Мелоди вздернула бровь.
– Не Фреда, Эвана. – Робин покачала головой. – Его ведь вечно не было дома – гонял на свои фотосессии... В ночь после исчезновения Кэти я разрешила Менни забраться в кровать – так казалось безопаснее. Эван потом ныл – дескать, постель пропахла псиной...
– М-да, жаль, что тебе на крючок не попался кто-нибудь получше.

– Попробуй скажи об этом маме... Серьезно, он ведь постоянно где-то болтался, когда весь мир сидел по домам. Разумеется, решение было вынужденным, и все равно изолировались целыми семьями. Все, кроме Эвана. Еще бы, такой шанс!

Сестра хмыкнула.

– Конечно, парень он с гнильцой, но тогда не растерялся, поймал удачу за хвост.

– Я так в нем нуждалась, Мелоди... Особенно когда пропала Кэти, а я была беременна. И все равно он появлялся дома лишь на пару дней, а потом опять уезжал.

– Помню, милая. – Мелоди положила ей на плечо теплую руку. – Я рада, что ты его вышибла. Ты заслуживаешь человека, который будет о тебе заботиться.

– Ну да. – Робин прижалась к сестре. – Зато у меня есть ты.

Глава 33

Он сидел в машине, дожидаясь, когда женщина проснется.

Непростая сцена. Тут следует добиться фантастического напряжения. Зритель должен ощутить: вот-вот случится нечто ужасное.

Натура: лесной массив.

Воздух наполнен типичными для ночной чащи звуками – отрывистыми криками птиц и тихими шорохами в кустах. Камера медленно поворачивается, захватывая пристроившуюся между деревьев машину.

Пожалуй, для сценария будет лучше, если женщина завизжит и заворочается в багажнике. Жаль, в реальной обстановке все иначе... Она еще спит – об этом он позаботился.

Ему не нравилось пичкать женщин наркотиками. Неспортивно, но куда деваться... Случай с Паркс был вполне поучителен. Выглядят-то они все безобидно – да он таких и выбирал. А попробуй их напугать, и тут же случится выброс адреналина. Начнут размахивать руками; чего доброго, еще поранят или вообще сбегут... Паркс, например, едва не смылась, увидев его лицо.

Все время ходишь по тонкой грани: женщина должна быть ослабленной, погруженной в наркотический дурман – и в то же время в сознании. Ровно настолько, чтобы оказать легкую попытку сопротивления. Поэтому он накачивал их наркотиком, а потом ждал, пока не очухаются.

Темнота – хоть глаз выколи, в двух футах уже ничего не видно. Разумеется, фары он выключил. Не хватало только попасть на патрульного – тот наверняка заинтересуется припаркованной на краю леса машиной. Пришлось сидеть во мраке, поглядывая на отсчитывающий секунды телефон.

Он открыл галерею и пролистал последние фотографии, хотя знал их наизусть. Девочка с мамашей на лужайке перед домом... Кэти ни на минуту не оставалась одна. Мать по вечерам тщательно проверяла запоры на окнах и включала сигнализацию. В двери – новый мощный замок. Урок пошел женщине на пользу.

Он смахнул фотографию в сторону. До девочки так или иначе надо добраться. Увы, все оказалось сложнее, чем он ожидал. Оставалось затаиться и ждать подходящего случая.

В другом разделе галереи тоже лежали недавние снимки – несколько женщин, за которыми он наблюдал. В отличие от матери Кэти, далеко не все понимали, что мир полон опасностей. Взять хоть девушку, скорчившуюся в багажнике...

На снимках она красовалась во время пробежки в парке. В одиночестве, между прочим. Стабильный график, неизменный маршрут. Два дня в неделю – ранним утром, еще два – по вечерам. Он глянул на последнее фото: волосы забраны в хвостик, белая футболка, розовые шортики для йоги... У нее все шорты были либо розовыми, либо лиловыми. Девчачьи цвета, причем довольно старомодные. Ему нравилось.

Он ощутил напряжение в паху. Спустить пар? Нет, не сейчас. Лучше перелистать фотографии... Ага, вот и Робин, прогуливается с собакой в парке. А здесь – стоит перед окном у себя на кухне. Тут – в очереди в супермаркете.

Скоро и до нее дойдет очередь. Новый проект...

Из багажника донесся стук. Никак мы проснулись?

Он погасил экран телефона и вышел из машины. На минутку остановился – следовало насладиться моментом, представить себе кадр.

Мужчина в серой толстовке с капюшоном, спиной к камере.

Стук в багажнике, отчаянный крик. Жертва зовет на помощь.

Он обошел машину и открыл крышку багажника. Внутри лежала женщина с полными ужаса глазами. Пришлось показать ей нож.

– Если будешь вести себя тихо, резать не стану. Договорились?

Она быстро кивнула. Боится...

Он не лгал. Зачем резать? Сегодня другой сценарий.

Глава 34

Чем дальше Натаниэль спускался по узкой тропке, ведущей к месту преступления, тем отчетливее становился аромат смерти. Обычно в этой части парка пахло сырой землей, листвой и мхом. Убийство все изменило. Дело было не только в запахе, но и в натянутой между деревьев желтой полицейской ленте, поломанных ветках и глубоких следах в сырой почве – значит, детективы, криминалисты и судмедэксперт уже прибыли. За его спиной крутился маячок полицейской машины, отбрасывая на лес красно-синие отблески.

Сердитое карканье заставило Натаниэля поднять голову. На него пристально смотрели две сидящие на ветке вороны. Одна наклонила голову и снова хрипло каркнула.

Тропа делала крутой поворот вправо и выводила к поляне у ручья, где толпилась куча народа, работавшего на месте преступления. Взгляду Натаниэля не открылось ничего нового. Привык... Из земли торчат желтые маркеры улики, мигает вспышка камеры полицейского фотографа, сидит на корточках эксперт-криминалист, укладывая в полиэтиленовый пакет очередную находку.

Судмедэксперт склонился над разлагающимся трупом молодой женщины. Чуть поодаль обнаружилась бочка с мутной водой, где и нашли тело.

К Натаниэлю подошел коп с журналом на планшетке.

– Сэр, здесь место преступления. Попрошу вас...

– Я – детектив Натаниэль Кинг. – Он предъявил свой жетон. – Меня ждет детектив Лопес.

– Пропустите его, – распорядился высокий мужчина в плаще, стоящий с блокнотом в нескольких ярдах от бочки.

В отличие от своих коллег, Лопес выглядел персонажем фильмов в стиле нуар, где детективы пили виски в мрачных кабинетах, прислушиваясь к женщинам в красных платьях, повествующих о своих трагедиях.

Натаниэль расписался в журнале осмотра места преступления и подошел к Лопесу.

– Быстро вы, – буркнул тот.

– К сожалению, подобного звонка ждал уже несколько дней, – вздохнул Натаниэль.

– Да, мне говорили, – кивнул Лопес. – Полагаете, у нас орудует серийный убийца?

– Не исключено. – Натаниэль заметил еще несколько ворон, устроившихся на деревьях; их глаза-бусинки неотрывно наблюдали за людьми. – Что уже известно?

– Имя жертвы – Мэнди Росс. В кустах валялась ее сумочка, в ней и нашли водительское удостоверение. Тело обнаружил инспектор Коул. Вы, наверное, слышали, что наши ребята последние три дня прочесывали окрестные леса. В половине двенадцатого поступило сообщение от Коула. Ноги трупа торчали из бочки с водой, и несколько ворон уже справляли на них пир.

– Похоже, есть кое-какие следы?

– Да, один неплохой отпечаток, благо земля сырая.

Лопес подошел к стоящему на коленях криминалисту. Тот аккуратно заливал серым составом четкий след ботинка.

– Видите? Осталось найти соответствующую отпечатку обувь.

За спиной Натаниэля раздался крик другого криминалиста, и они разом обернулись. Мужчина бежал за удиравшей от него вороной, а ее собратья громко и весьма издевательски каркали.

– Стивенс, какого черта тут происходит? – рявкнул Лопес.

– Проклятая птица сперла маркер улики! – ответил тот, поглядывая на верхушки деревьев.

– Ради бога, просто возьмите другой, и всё.

– Я не помню, какой на нем был номер.

Лопес одарил криминалиста суровым взглядом.

– Я... я выясню, – отходя в сторону, забормотал Стивенс.

– Убедитесь, чтобы он соответствовал фотографиям с места происшествия. Я не желаю, чтобы улики признали недействительными из-за перехитрившей вас птицы... – Лопес покачал головой и повернулся к Натаниэлю. – Эти падальщики меня с ума сведут. Тут едва ли не каждую минуту какой-нибудь остряк заявляет – мол, надо назвать дело «Убийством в вороньем гнезде». Постоянно кто-то бурчит: «Ей-богу, сейчас пристрелю эту тварь», будто он единственный, кого достали птицы.

Натаниэль, только собравшийся красиво окрестить дело с остроумной ссылкой на воронье, почел за лучшее промолчать.

– Видите след в грязи? – указал Лопес. – Похоже, убийца волок сюда бочку. Что-то до меня не доходит... Вы, ребята, настаивали, что следует искать утопленника, – и вот Коул сообщает о находке. Естественно, я решил, что труп плавает в ручье. А оказалось, кто-то притащил сюда бочку и наполнил ее речной водой! Какая-то хрень, честное слово...

– Не говорите, – пробормотал Натаниэль и вспомнил рассказ Робин о последнем сеансе. Девочка разыграла новую сценку, утопив игрушку в контейнере для пластилина. Вверх ногами, разумеется. Если у него и были сомнения, то сегодня они развеялись окончательно. Кэти точно имитировала убийства.

– На щиколотках жертвы мы обнаружили кровоподтеки – убийца держал девушку за ноги. Надеюсь, для нее все кончилось быстро...

– Это вряд ли, – вздохнул Натаниэль.

Синяки свидетельствовали: держали крепко и довольно долго. Женщина явно была в сознании, когда ее топили.

– Судмедэксперт не упоминал об отсутствующем клочке волос?

– Хм... – Лопес нахмурился. – Волосы забиты грязью, поэтому сложно сказать.

– Надо будет напомнить – пусть проверит при вскрытии. У предыдущих жертв убийца срезал прядь. Вероятно, собирает трофеи.

Лопес черкнул заметку в блокноте.

– Да, вот еще что... – Он подошел к бочке и указал на землю, где торчал маркер улики. – Ваше мнение?

Натаниэль бросил взгляд на грязную почву, в которой отчетливо виднелись три круглых симметричных углубления, расположенные в виде правильного треугольника с равными сторонами.

– Штатив?

– Точно, – проворчал Лопес. – Ублюдок фотографировал.

– Или снимал видео, – предположил Натаниэль.

– Угу. – Лопес развернулся и плюнул в кусты. – Поеду известить ее родителей. Несколько дней назад они заявили об исчезновении дочери.

– Почему ждали так долго?

– Что вы имеете в виду?

– Похоже, девушку убили как минимум пару месяцев назад.

– Ничего подобного. – Лопес перекинул несколько страниц блокнота. – Я говорил с детективом, занимавшимся их заявлением. Еще шесть дней назад Мэнди была на работе.

– Черт, ничего не понимаю...

– Тело в сравнительно приличном состоянии. Я еще не общался с судмедом, но оно точно пролежало недолго. Падальщиков здесь много; хорошо, что они вообще не вытащили труп из чертовой бочки.

По спине Натаниэля пробежал холодок. Наверняка Лопес не ошибался, однако...

– У меня есть свидетель, видевший, как убивали Мэнди. Это было несколько месяцев назад.

– Что ж, по-моему, вам следует еще раз допросить свидетеля, потому что... сами видите.

Кэти нашлась полтора месяца назад. Натаниэль предполагал, что все игры на сеансах имели отношение к событиям до возвращения девочки. Согласно их теории, Кэти томилась в плену почти полтора года и за это время невольно присутствовала при нескольких убийствах.

Но... если Мэнди Росс убили на днях, теория рушилась. Могла ли Кэти стать свидетельницей преступлений после возвращения? никоим образом: Хейли Паркс, Глория Бассет и Синтия Роджерс погибли давно. Но девочка явно имитировала убийство Мэнди...

Стало быть, последняя жертва никак с предыдущими не связана?

Другое дело, что Натаниэль в подобный сценарий поверить не мог. Кэти все воспроизвела четко – такое нафантазировать невозможно. Она точно видела убийство. Неужели преступник до сих пор поддерживает с ней контакт? Тогда он, скорее всего, член семьи, другого объяснения нет. Лишь в этом случае она могла присутствовать при последней расправе. Разве только...

– Погодите-ка, – медленно проговорил Натаниэль. – Вы говорите, Мэнди видели на службе шесть дней назад? Точную дату помните?

– В прошлый вторник – значит, седьмого июня. Она работала в баре в Логанспорте.

Натаниэль покачал головой. Невозможно! Он вытащил блокнот и пробежался по записям, хотя и без того помнил даты наизусть.

Последний сеанс у Робин Кэти посетила шестого июня, и именно тогда воспроизвела сценку с утоплением.

За день до того, как произошло убийство...

Глава 35

Наверное, Робин не смогла бы точно описать свои ощущения от следующего сеанса с Кэти. Та предстала перед ней уже не просто ребенком с психологической травмой, а свидетельницей, чудом оставшейся в живых и способной пролить свет на серию жестоких убийств. Узнав от копов об ужасающих преступлениях, при которых присутствовала девочка, и увидев фотографии, Робин не находила себе места от тревоги: что продемонстрируют ей на сей раз?

Поэтому она и не ожидала, что так обрадуется при виде стоящей на пороге Кэти с уже привычной коробкой из-под обуви в руках.

Девочка внимательно изучала Робин широко распахнутыми глазами, и на ее губах играла слабая улыбка.

– Вернусь через час, – слегка отрешенно сказала Клэр.

– Да-да, не переживай, – ответила Робин.

Кэти вручила ей коробку и напоследок обняла мать. Клэр села в машину, а Робин провела девочку в игровую комнату.

Как всегда, та сперва подошла к столику, нанесла на лист красную краску и размазала ее ладонями.

– Красная краска теперь на твоих ладошках, – прокомментировала Робин, встав за спиной у Кэти. – Только ты решаешь, как ее использовать.

Кэти наконец завершила обычную процедуру и выпрямилась за столиком. Сейчас направится к раковине... Как ни странно, девочка осталась на месте и осторожно коснулась ее руки, оставив алый мазок.

– Теперь и мои пальцы в краске, – продолжила Робин и незаметно отвела кисть чуть в сторону, чтобы не испачкать одежду. Краска была на водной основе – такая легко отстирывается, – однако Робин слишком любила свои брючки и рисковать не желала.

Кэти вдруг крепко сжала липкой ручонкой ее ладонь и потянула к закрашенному листу.

– Хочешь, чтобы я тоже потрогала краску?

Девочка кивнула, и в ее глазах блеснула тревога – видимо, приготовилась испытать разочарование.

Робин встала на колени и положила обе руки на бумагу. Сделала пару круговых движений, подражая Кэти. Конечно, ее кисти были куда больше, и пространства для маневра почти не оставалось.

– Вот и мои руки испачкались.

Пару минут она размазывала краску, и в этом было нечто завораживающее. Для Кэти красный цвет явно символизировал кровь, а значит, Робин фактически погрузила ладони в кровавую лужу. Ее передернуло, однако, несмотря на настоятельное желание, отдергивать она руки не стала.

Наконец девочка обхватила кисть Робин и потянула вверх. Лист прилип – пришлось его отклеивать.

– Липкая у нас с тобой краска.

Кэти улыбнулась и переплела свои пальчики с пальцами Робин. Несколько секунд они стояли, поглядывая друг на друга, а потом Кэти потащила ее в туалет и пустила воду.

– Теперь липкую краску можно смыть, – согласилась Робин.

Она хотела уступить очередь Кэти, однако та подвела ее руку под кран и лишь затем сама подставила ладошки под струю. Они вместе смывали краску, причем Кэти справилась быстрее и даже помогла Робин отчистить самые трудные места. Стоять перед маленькой раковиной вдвоем оказалось не слишком удобно, и Робин случайно обрызгала их обеих теплой водой. Кэти лишь захихикала, а за ней, удивившись внезапному приступу беззаботного веселья, засмеялась и Робин.

Закончив водные процедуры, она вручила девочке пилку для ногтей. Та вычистила остатки краски, потом бросила взгляд на Робин.

– Хочешь мне помочь? Или я сама?

Кэти кивнула и взяла пилочку на изготовку.

Робин развела пальцы и вытянула руку. Девочка осторожно вычистила краску из-под ее ногтей и снова тепло улыбнулась. Робин убрала пилку в шкафчик, и они вышли из туалета.

Оказавшись в игровой комнате, Кэти снова взяла ее за руку и подвела к полкам. Передала Робин фигурки девочки и Чудо-женщины, а себе взяла кондитера. Подчиняясь молчаливым указаниям, Робин поместила игрушки в домик – девочку в детскую комнату, Чудо-женщину – в гостиную.

Женщину с тортом Кэти тоже заселила в детскую и выжидающе посмотрела на Робин. Та попыталась догадаться, чего от нее ждут. Пойти взять Джокера? Пожалуй, не стоит. В итоге она посадила девочку на крошечную раскачивающуюся лошадку и объяснила:

– Девочка решила покататься.

Кэти легонько подтолкнула лошадку, радостно улыбнулась, когда та плавно закачалась, и, схватив Чудо-женщину, перенесла ее в кухню.

– Высокая женщина решила приготовить обед. Наверное, ей потребуются горошек и морковь.

Кэти выразительно помотала головой.

– Нет? Игрушки такое блюдо не любят? Значит, она сделает пасту.

Кэти заулыбалась и вручила Робин Чудо-женщину. Пришлось разыграть пантомиму, проделав воображаемые процедуры, сопровождающие готовку. Чудо-женщина направилась к шкапам за макаронами, налила воды в крошечную кастрюльку и поставила ее на огонь. Робин позволила себе получить удовольствие от детской игры – совсем как в далеком прошлом. А ведь могла бы теперь наслаждаться ею в качестве матери, а не профессионального психолога... Она не забывала о методе вербального отражения, проговаривая свои манипуляции и действия Кэти, игравшей с другими фигурками. Маленькая счастливая семья, живущая в прекрасном домике...

Робин заметила, что Кэти нет-нет, да поглядывает на полку. Ясно, что ее беспокоит.

В той стороне комнаты затаился убийца.

Кэти уложила девочку в кроватку. Женщину-кондитера посадила рядом, затем пересекла комнату и забрала с полки Джокера. На сей раз помощь Робин ей не потребовалась.

Эта часть игры принадлежала лишь Кэти.

Радость с ее лица пропала. Подойдя к домику, она запихнула Джокера в гостиную и усадила на диван перед пластмассовым телевизором. Логово убийцы...

– Злой клоун устроился у телевизора. Не хочешь снова отправить его в тюрьму?

Похоже, Кэти ее не слышала. Обернувшись к коробке для обуви, она откинула крышку и порылась внутри. Вытащила емкость, которую Робин сперва приняла за новый контейнер для пластилина, однако,

присмотревшись, обнаружила, что та наполнена отвратительной слизью.

Кэти решительно вылила содержимое контейнера в миниатюрную ванну в домике.

О господи...

Робин откашлялась.

– Это...

Ее прервал громкий стук в дверь.

Девочка испуганно подскочила, уронив пустой контейнер, и, прижавшись к Робин и дрожа всем телом, обняла ее за талию.

– Ничего не случилось, Кэти. Кто-то стучит в дверь, только и всего.

Залился трелью дверной звонок, затем вновь раздался стук. В соседней комнате залаял Менни.

– Пойду посмотрю, кто там. – Робин пожала плечами. – Хорошо? А ты пока посиди здесь.

Девочка отчаянно замотала головой.

– Кэти, в игровой комнате тебе никто не причинит вреда. Я просто открою дверь и велю этому человеку уйти.

Кэти ни в какую не желала ее отпустить.

– Меня не будет ровно минуту, а потом мы начнем игру заново. Хочешь заняться мыльными пузырями, пока ждешь?

Помедлив, девочка едва заметно кивнула.

Робин достала из шкафа новую бутылочку с мыльной пеной.

– Вот, держи. Посмотрим, удастся ли тебе выпустить больше двадцати пузырей.

Кэти дунула в трубочку, и Робин, пройдя через кабинет, прикрыла за собой дверь. Новый звонок... Менни сердито лаял у входа.

Робин глянула в глазок, раздраженно щелкнула замком и недоуменно сказала:

– Пит, мы еще не закончили.

Отец Кэти стоял с раскрасневшимся лицом.

– Нет, закончили! – тяжело дыша, выпалил он. – Дочь! Иди сюда, мы уходим.

Менни глухо заворчал, и Пит сделал шаг назад.

– Кэти!

– Пит, ты напугаешь ребенка, – мягко упрекнула его Робин. – Если хочешь забрать дочь пораньше – ради бога. Только давай пообщаемся снаружи.

Пес снова залаял.

– Менни, успокойся!

Тот обиженно посмотрел на хозяйку и недовольно фыркнул.

– Хорошо, – бросил Пит и спустился с крыльца.

Робин вышла, притворив дверь.

– И что ты так разозлился? – спокойно спросила она.

Говорить старалась тем тоном, который обычно приберегала для испуганных или агрессивных детей – негромко, но твердо. Голосом человека, контролирующего ситуацию, привыкшего распоряжаться и одновременно гарантирующего безопасность подопечных.

– Еще бы мне не злиться! – зарычал Пит. – Вы продолжаете чертовы сеансы за моей спиной!

– Я понятия не имела, что вы решили прекратить занятия... – Робин удивленно заморгала.

Теперь понятно, почему Клэр дважды отменяла родительские встречи.

– Я ей говорил! Настаивал, чтобы ты сотрудничала с полицией, позволила им задать Кэти свои вопросы и получить информацию, которая позволит добраться до ублюдка. Для дочери все на этом закончилось бы, и ей никогда уже не пришлось бы думать о пережитых ужасах!

– Пит, расспросы копов во время сеансов нанесут Кэти непоправимый вред.

– Довольно! – Он раздраженно поднял руки, дав понять, что подобные аргументы слышит не первый раз. – Клэр мне уже все уши по этому поводу прожужжала. Если Кэти нельзя допросить, какой смысл в ее воспоминаниях? Пусть живет как нормальный человек! А с тобой она лишь восстанавливает в уме страшные события непонятно зачем! Как же ей забыть о случившемся кошмаре?

– Я уже говорила вам на нашей общей встрече: для того, чтобы поправиться, Кэти нужно примириться со своей памятью. Я не заставляю ее проживать все заново, напротив! Да, сейчас, вспоминая, она и в самом деле будто оказывается в прошлом. Нужно время, требуется упорная работа...

– Зачем ей вообще об этом вспоминать? – В голосе Пита звучала боль. – Если нам с Клэр удастся вновь воссоздать для нее привычную жизнь, она все забудет.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, однако...

– Помочь полиции схватить похитителя – вот единственная причина, оправдывающая оживление прошлого! Если Кэти неспособна дать копам зацепку, ни к чему вообще толкать ее в этот омут.

– Пойми, травматические воспоминания в ней вызывают обычные повседневные события. Ты ведь видел...

– У меня они тоже есть! – повысил голос Пит. – Бьюсь о заклад, и ты не исключение. И что теперь? Мы разве на них зацикливаемся? А ты принуждаешь Кэти вспоминать!

– Я ее ни к чему не принуждаю, – мягко сказала Робин. – Воспоминания Кэти – не просто плохие впечатления. Это травмирующий опыт. Мозг твоей дочери замкнулся и воспроизводит его всякий раз, когда сталкивается с провоцирующим воздействием. Я пытаюсь изменить эту модель.

– По твоей милости мы застряли в прошлом! Моей дочери следует посещать школу, встречаться с подружками. Кэти должна прекратить рисовать жуткие картинки и разыгрывать убийства с помощью кукол. – Из груди у Пита вырвалось рыдание. – И тогда она вновь заговорит. Такая была веселая девочка... Если ты перестанешь вмешиваться, Кэти опять станет счастлива, как прежде.

Разница в подходах Стоунов предстала во всей своей очевидности. Вот почему Пит был против психотерапевтических сеансов.

– Пит, ты не можешь дважды войти в одну и ту же реку. Все, что случилось с Кэти, с ней и останется. Ты совершенно прав – она может быть счастлива. Пойдет дальше и проживет хорошую жизнь, но не за счет вычеркивания каких-то ее эпизодов, а путем излечения и преодоления негативных эффектов.

– Ты ошибаешься, – Пит скрипнул зубами. – С сеансами отныне покончено!

Он протиснулся мимо Робин и вошел в дом, не обращая внимания на Менни, следующего за ним по пятам с яростным лаем. Открыв дверь игровой комнаты, скомандовал:

– Кэти, пойдем! Нам нужно домой.

Робин бессильно наблюдала, как они, держась за руки, спустились на подъездную дорожку. Девочка тревожно оглядывалась.

– Пока, Кэти, – заставив себя улыбнуться, вздохнула Робин и помахала на прощание.

Кэти нерешительно махнула в ответ.

Ступив в дом, Робин захлопнула дверь и побрела в игровую комнату.

Обувная коробочка осталась на столике. Надо позвонить Клэр – пусть заберет. Контейнер из-под склизкой субстанции валялся на полу, и Робин, подняв его, подошла к кукольному домику. Оставалось надеяться, что ей удастся все вычистить.

Встав перед домиком, она замерла и ахнула.

В ванне, скрывшись с головой в оранжевой слизи, лежала Чудо-женщина; наружу торчали лишь ноги.

Глава 36

Как ни странно, психолог не может помочь себе справиться с собственным нервным срывом.

Впрочем, дело известное. Разумеется, сперва думаешь – почему нет? Допустим, ты – автослесарь, и вот у тебя не заводится машина. Открываешь капот и находишь причину: неисправный карбюратор или нечто в этом роде. Чинишь, заводишься и едешь в мастерскую, где ремонтируешь автомобили других людей. Значит, в идеале, если мозг не работает как положено, человек ее профессии должен себе сказать: ага, у меня стресс, да еще на него наложились тяжелые детские воспоминания – вот я и воспринимаю реальность шиворот навыворот. А потом просто взять и... навести в черепушке порядок. И все снова хорошо.

Как счастливы были бы при таком раскладе психологи!

Увы, не тот случай. Психотерапевт неспособен себя исцелить. Многие ходят на прием к коллегам, потому что знают эту истину. Сходила однажды и Робин. Получила потрясающий опыт. Будучи чертовски хорошим специалистом, она точно знала, чего от нее ожидает врач. У них состоялось несколько прекрасных бесед. Робин подкидывала коллеге совершенно правильные истории и рассказывала о детских воспоминаниях – словом, пыталась порадовать врача, дать ему пищу для размышления, заставить почувствовать: прогресс есть. Разумеется, подобного результата добиться можно было и без копания в детстве и в сложных неприятных эмоциях.

Короче говоря, через некоторое время походы на психотерапевтические сеансы она прекратила. Коллега пребывал в полной уверенности, что они проделали вполне эффективную работу. Куда там...

Допустим, взрослый пациент говорит Робин, что за последние два месяца спал в среднем не больше трех часов в сутки и пережил худшие впечатления в жизни, общаясь со склонной к нарциссизму матерью. Меньше года назад умер отец, сам пациент развелся, а теперь пытается оказать помощь ребенку, вероятно, ставшему свидетелем кошмарных убийств. Пациент постоянно спрашивает себя: как ему следует

поступить в этом случае с точки зрения морали? И после такого нервного напряжения его обвиняют в чертовых социальных сетях в непрофессионализме, отец же ребенка упрекает – ты, мол, лишь навредил моему отпрыску. О да, Робин дала бы дельный совет такому пациенту. Очевидно, он страдает от тяжелого стресса. Нужно сделать паузу, обратиться к сомнологу. И еще выполнить кучу правильных упражнений, чтобы отделить явления, на которые пациент может влиять, от тех, что контролю не поддаются. При крайней необходимости – пропить курс транквилизаторов мягкого действия. Надо регулярно посещать психотерапевта, ибо следует вскрыть корень – нет, множество корней – проблемы.

А теперь она сама столкнулась с тяжелым стрессом и решила его проигнорировать. Лучше заняться личным бюджетом. В конце концов налоговой наплевать, в какое дерьмо она вляпалась. Налоги надо платить.

Подход почти сработал. Робин была удовлетворена: собралась, сосредоточилась, занялась преодолением.

Потом случайно пролила полчашки кофе на свой грессбук, погубила несколько квитанций и любимые брючки, после чего все пошло прахом.

Взвизгнув, она швырнула чашку в стену, и та, разбившись вдребезги, оставила на обоях безобразное коричневое пятно. Дремавший в углу Менни подпрыгнул и смылся из комнаты. Робин смахнула на пол все бумаги, вскочила и пнула стол. Увы, дала маху – совсем забыла, что на ногах мягкие домашние тапочки...

Оставалось только разрыдаться.

В истерике она билась долго, сидя в углу комнаты и сжимая отбитый палец. Одинока, несчастна...

Вернулся Менни и обеспокоенно ее обнюхал. Почесав ему за ухом, Робин извинилась: прости, дружище – перепугала. Ее по-прежнему душили слезы, то и дело скатывавшиеся по щекам.

Звонок в дверь заставил Робин замереть.

Сперва она решила не открывать, однако звонок не умолкал. Скорее всего Клэр – пришла за обувной коробкой. Наверняка Кэти расстроилась. Жалей себя не жалей, а вернуть вещички надо. Если на крыльце и вправду Клэр, Робин быстро сунет ей коробку и захлопнет дверь. Если кто-то еще – зайдут в другой раз. Не зайдут – плевать.

Она вышла в прихожую и приникла к глазку. Перед входом стоял Натаниэль.

Робин откашлялась.

– Простите, вы не совсем вовремя.

– Здравствуйте, Робин. Мне очень нужно с вами пообщаться.

– Я ведь просила предварительно звонить.

– Я звонил – даже три раза.

– У меня телефон на беззвучке! – рывкнула Робин, будто в этом была его вина. По ее мнению, виноват детектив был решительно во всем происходящем.

– Не могли бы вы меня впустить?

– Натаниэль, сейчас действительно не самый удачный момент.

Детектив заговорил тише, и она напрягла слух:

– Робин, произошло еще одно убийство. Это снова он.

Ч-черт...

– Ладно, дайте мне пару минут.

Пройдя в ванную, она с отвращением изучила в зеркале свое лицо. Красный нос, опухшие, налитые кровью глаза, спутанные волосы – словом, кошмар.

Робин быстро приняла душ, ни на секунду не забывая, что Натаниэль стоит у порога. Вдруг ей повезет и детектив, потеряв терпение, уедет? Освежившись, она накинула свежую одежду, а запачканные кофейными пятнами брюки и блузку пихнула в стирку. Черт, еще и корзина переполнена до краев! Психанула бы и по этому поводу, однако ее ждал Натаниэль.

Вернувшись в прихожую, Робин рывком распахнула дверь и хрипло пробормотала:

– Извините. У меня... я не совсем хорошо себя чувствую.

Во время пандемии подобное высказывание, скорее всего, заставило бы посетителя ретироваться, однако Натаниэль никуда уходить не собирался. Окинув ее долгим взглядом, он заявил:

– Сочувствую. Не побеспокоил бы, но дело чересчур важное.

– Входите.

Робин провела его на кухню.

– Что-нибудь выпьете? Могу угостить печеньем.

– Печенье не пью.

Она устало посмотрела на детектива, и тот поднял руки:

– Простите, глупая шутка. Если можно, воды.

– Есть чай.

– Чай тоже годится.

Робин заварила чайник и попутно привела мысли в порядок. Собственно, следует сообщить, что отец Кэти полчаса назад заявил о разрыве договора на лечение. А раз так – Робин для следствия более никакого интереса не представляет. На этом все и закончится. Сегодня они с Натаниэлем пообщаются последний раз.

Вот только почему ей вдруг стало грустно?

– Значит, – вздохнула она, присев и передав детективу чашку, – вы сказали, произошло новое убийство?

– В национальном парке Фрэнсиса Слокама нашли тело женщины по имени Мэнди Росс. Антураж преступления совпадает с одной из воспроизведенных Кэти сценок.

– Насколько совпадает?

– Не уверен, что вам захочется услышать подробности.

Робин на секунду задумалась, а потом упрямо сжала челюсти.

– Знаете, я в любом случае вообразу себе самое худшее, так что рассказывайте.

– Ее утопили в бочке с водой, точно так же, как вашего... Мистера Монополия.

Робин вздрогнула, вспомнив судорожные движения тонущего человечка – Кэти явно изображала, что тот борется из последних сил.

– Может, совпадение?

– Отнюдь. У женщины отсутствует прядь волос. Такова подпись нашего убийцы. Его трофей.

– Значит, еще одно убийство, свидетелем которого стала Кэти, – пробормотала Робин.

– Не совсем так. – Натаниэль отхлебнул чаю. – Мэнди погибла меньше недели назад – уже после эпизода с Мистером Монополия.

– Тогда убийство не имеет отношения к нашему случаю. – Робин нахмурилась.

– Определенно имеет.

Она недоуменно уставилась на детектива.

– Считаете, Кэти умеет предсказывать будущее? То есть ее игры – экстрасенсорика?

– Разумеется, нет, – Натаниэль поднял брови. – По одной из гипотез, Мэнди – не первая утопленная в бочке жертва нашего убийцы. Возможно, Кэти присутствовала при аналогичном эпизоде.

– Хм, не исключено...

– Такая вероятность есть, однако специалист по психологическим профилям не считает подобную версию актуальной. Я сам не сторонник этой теории.

– Стало быть, имеется и другая?

Натаниэль уставился в чашку.

– Вдруг Кэти вовсе не видела убийство Мэнди, да и все остальные тоже? Допустим, преступник подробно рассказывал ей о своих планах...

– О планах? – с недоумением переспросила Робин. – Описал, как будет топить женщину в бочке? Поэтому она и воспроизвела передо мной последнюю сценку?

– Что-то в этом роде. Видите ли, из психологического профиля следует, что действия убийцы основаны на больной фантазии. Предположим, он исключительно ярко воображал себе сценарии убийств и постоянно проговаривал их перед Кэти. А ведь она была его пленницей больше года... Слушала эти бредни снова и снова, потом сама начала представлять, как убийства происходят в реальности. Теперь же демонстрирует вам воспоминания о безумных монологах маньяка.

Робин отпила чая, размышляя над словами детектива. Смысл в них был, хотя...

– Даже не знаю. Кэти ведь воспроизводит мельчайшие подробности – вряд ли она могла нарисовать в уме настолько точную картинку. Допустим, в случае с утоплением погруженная в бочку игрушка изображала борьбу. Вряд ли девятилетняя девочка способна прийти до подобной степени детализации.

– Почему? Если убийца создавал перед ней подробный образ, он мог рассказать и о сопротивлении жертвы. Это ведь важная часть сценария.

– Не знаю, – содрогнувшись, повторила Робин. – Возможно, вы правы.

– Наверное, для умственного состояния девочки такой вариант лучше. Я имею в виду – воочию видеть жестокие убийства ей не

приходилось.

– Если и так, – Робин пожала плечами, – все равно они ярко запечатлелись в ее памяти. Впрочем, в процессе исцеления этот момент может сказаться положительно.

– Что показала Кэти на последнем сеансе?

– Времени у нас было не так много, однако кое-что она воспроизвела. Увы, я при воссоздании сценки не присутствовала – общалась с ее отцом на крыльце.

Робин рассказала детективу о находке в кукольном домике – игрушке, помещенной в ванну со слизью.

– Хм... Стало быть, на сей раз утопление в ванне, – резюмировал Натаниэль, записывая слова Робин в блокнот. – Второй утопленник.

– С самого начала Кэти использовала шесть игрушек, и еще Джокера – тот исполнял роль убийцы. Я уже говорила, что каждый раз, когда один из жильцов домика погибает, Кэти хоронит его в песочнице и в игре больше не задействует. После сегодняшнего сеанса в живых осталось лишь двое.

– Значит, ей предстоит разыграть еще два убийства?

– Возможно. Или одно. У меня есть ощущение, что фигурка маленькой девочки – это сама Кэти.

– Ладно, придется подождать следующего сеанса.

– Следующего сеанса не будет, – откашлявшись, дрожащим голосом произнесла Робин.

– Почему? – удивился Натаниэль, поставив чашку.

– Отец Кэти не желает, чтобы я продолжала курс лечения. Заявился сегодня посреди сеанса и забрал девочку домой.

– Ничего себе... – Натаниэль уставился на нее. – Но с чего вдруг?

Робин ответила на его взгляд.

– Во-первых, он хочет, чтобы я допускала на занятия копов для допросов Кэти. Это неприемлемый вариант.

– О, черт... – Натаниэль виновато заморгал. – Я даже не думал... То есть предлагал немного другой способ.

– Какая теперь разница? – Робин покачала головой. – Это, собственно, не главная для Пита причина. В чем суть моего подхода? Мы должны вскрыть травму и исцелить ее, тогда девочке станет лучше. Однако мистер Стоун подобный метод не приемлет. Он хочет перевести часы назад – считает, что арест похитителя позволит Кэти

перестать возвращаться мыслями к случившемуся. Тогда жизнь якобы войдет в прежнее русло.

– Надо признать, подобный сценарий звучит привлекательно, – кивнул Натаниэль.

– Да-да. Увы, у меня нет волшебной палочки, а то один взмах – и последние пятнадцать месяцев из жизни Кэти просто исчезли бы. – Робин закусил губу. – Девочке нужна помощь, иначе ей не выбраться из замкнутого круга. Но это уже не ко мне...

– Жаль, что так вышло. У меня сложилось впечатление, что вы на верном пути. Отец Кэти – полный идиот.

Робин сделала еще глоток чая. Натаниэль продолжал на нее пристально смотреть, и она почувствовала себя странно. С одной стороны, беззащитной, с другой – к ней отнеслись с пониманием.

Какие у него длинные красивые ресницы...

– Пит искренне хочет сделать так, чтобы дочери стало лучше, – наконец заговорила она. – Он... у него у самого тяжелая травма. Я ведь вижу – он отчаянно ищет верный вариант.

– Значит, идиот с благими намерениями.

– Быть родителем – работа не из простых, – невесело усмехнулась Робин.

– Надо полагать! Мои родители – отличное тому доказательство. Да и ваши, наверное, тоже.

– Мои? – удивилась Робин.

– Ну, вы ведь рассказывали, как ваша мать возвращалась домой и беседовала с дочерьми о своей программе. Отличный метод воспитания! Она заставляла вас ощущать себя частью ее жизни. Время, которое уделяешь родным, не проходит даром, однако не все дети это способны воспринять.

– Да, – отрешенно сказала Робин и глянула Натаниэлю в глаза.

Тот смотрел с сочувствием и интересом, заставив ее мысленно обозвать себя бессовестной обманщицей.

– Моя история не столь проста, – наконец прошептала она. – Я имею в виду – отношения с мамой.

– Вот как?

– Мамина программа заканчивалась в пять часов дня, и домой она возвращалась в половине шестого. Мы с сестрой ее ждали. Так продолжалось три года, а потом передачу сдвинули по сетке вещания.

Я считаю, что маму просто хотели убрать из эфира, но она закатила жуткий скандал и в итоге получила другое время – полночь. Придумали новое название: «Ночные разговоры с Дианой Харт».

Она отхлебнула чая. Тот уже остыл, однако ей требовалась пауза. Натаниэль молчал.

– Наверняка вы подумали, что все рухнуло и наши задушевные беседы прекратились... Как бы не так! Надо знать мою маму.

Робин изобразила вымученную улыбку. Впервые ей пришлось обсуждать давнюю историю с посторонним человеком, а не с Мелоди. На психотерапевтических сеансах она эту тему и близко не затрагивала.

– Когда программа первый раз вышла в новое время, к ее окончанию мы уже видели десятый сон. А как иначе? Мне было одиннадцать, сестре – тринадцать. Спать мы ложились задолго до полуночи. Ну вот, мать вернулась домой, и меня разбудил крик. Родители ругались на чем свет стоит. Мать практически визжала, а отец убеждал ее, что мы давно спим. Что мы нуждаемся в полноценном отдыхе.

Робин встала и открыла ящик серванта. Пошарив внутри, вытащила припрятанную пачку сигарет.

– Не возражаете?

– Нисколько, – ответил Натаниэль.

– Курю всего два раза в день, – оправдывающимся тоном пробормотала она. Воткнула сигарету в рот, прикурила и сделала глубокую затяжку. – Следующие две недели стали... Не знаю, как объяснить. Вы ведь не знакомы с моей мамой. Она способна превратить вашу жизнь в ад. Словечко там, словечко здесь. Агрессивные замечания. Мелочные, но злобные – и все били в нашу сторону. В меня, в сестру, в отца... Мы вдруг стали для нее врагами. И конца этой агрессии было не видно. Где мама – там сплошной поток негатива. В итоге я сдалась. Она ушла на студию, и я завела будильник. Вскочила за пять минут до полуночи, бросилась на кухню и настроила радио. Звук убавила, чтобы не разбудить папу, и прослушала всю передачу. А потом села ждать маму. Наконец она пришла домой и жутко обрадовалась, увидев меня на кухне. Мы, как и прежде, поболтали о ее передаче.

Робин стряхнула пепел в чашку с чаем и снова затянулась.

– На следующий день случилось чудо. Я перестала быть мишенью. С папой и Мелоди мама по-прежнему вела себя как с врагами, а вот я стала лучшей дочерью в мире. Я рассказала о своей идее сестре и предложила ей присоединиться, однако та отказалась. Назвала меня ненормальной и заявила: «Ты серьезно думаешь, что я буду вставать посреди ночи ради маминой передачи?» Я продолжила свои ночные дежурства в одиночку. Через месяц мать перестала нападать на сестру и отца. Наверное, я тогда спасла семью.

Робин раздавила окурок в чашке и закрыла глаза.

– Однажды я не смогла проснуться – уж слишком была измотана. Вставать три раза в неделю посреди ночи и бодрствовать по два часа, когда тебе всего одиннадцать... Так или иначе, на следующий день мать смотрела на меня, словно на мусор под ногами. Худшая дочь на свете... Не Мелоди – та ведь ни в чем не провинилась. Это я не вскочила в полночь, я не слушала передачу. Прожив в аду несколько дней, я снова поднялась вовремя и заслужила прощение.

Робин несло на волнах памяти, и слова лились из нее сплошным потоком. Совсем забыла, что рядом сидит Натаниэль.

– Шоу для полуночников продолжалось четыре года в прежнем режиме. Меня постоянно преследовала усталость. Отец вел себя так, словно ни о чем не подозревал. Но я думаю, что он все знал. Несколько раз видела – он будто хочет завести решительный разговор... Увы, так и не сподобился. Изредка я просыпала, и результат всегда был один и тот же: мать словно срывалась с цепи. Программа приказала долго жить, когда мне исполнилось пятнадцать, после чего мои испытания закончились.

Робин открыла глаза. Оказывается, пока она говорила, Натаниэль придвинулся ближе и теперь сидел совсем рядом. Робин судорожно вздохнула и поняла, что дрожит всем телом.

Детектив мягко сжал ее руку теплыми ладонями и держал, пока дрожь не унялась.

– Сочувствую вам, Робин.

– Сейчас-то у нас все нормально... – Она плечами пожала. – Ну, в основном. Правда, порой бывают стрессы, и тогда я пробуждаюсь среди ночи. Снова ощущаю себя ребенком, не услышавшим сигнала будильника. Понимаю, что пропустила передачу. Потом просыпаюсь

окончательно и заснуть уже не могу. В последнее время такое случается чаще обычного, поэтому я слегка не в форме.

– Все хорошо, Робин, – прошептал Натаниэль, и она невольно придвинулась ближе.

Какие теплые у него руки...

– Я никому не рассказывала нашу тайную историю.

– Как чувствуете себя сейчас, когда нарушили табу?

– Не могу понять. Наверное, уставшей. – По ее щеке скатилась слеза. – Нет, на самом деле – лучше. Гораздо лучше.

Натаниэль нежно стер слезинку.

– Вот и отлично.

Робин глянула на левую руку гостя – большую, но мягкую и теплую, нежно сжимающую ее кисть. Представила, как позволяет ему себя обнять и растворяется в безопасном уюте. Удивившись собственной реакции, едва не отпрянула, однако внутренний голос приказал ей не дергаться, и она замерла. Прикосновения Натаниэля вносили мир в ее душу.

Глава 37

Робин сидела в спальне, медленно расчесывая волосы.

Натаниэль ушел вскоре после того, как она закончила свою историю. Несколько раз повторил, что не хочет ее покидать, однако его ждет оперативная группа. В противном случае наверняка посидел бы еще, однако на данном этапе расследования...

Робин вовремя его прервала и заверила: с ней все будет в порядке.

Так и вышло. Несколько последних часов выдались столь эмоциональными, что хотелось побыть одной. Разобраться в своих чувствах, понять, что к чему. Поэтому и занялась расчесыванием волос – со щеткой в руках думалось куда легче. Как будто ее зубцы, касающиеся кожи головы, высвобождали засевавшие внутри мысли, позволяя им свободно кружиться в мозгу.

Присутствие и прикосновения этого мужчины доставляли ей удовольствие. Пожалуй, хотелось бы увидеть Натаниэля снова, и чтобы между ними больше не вставало следствие по делу серийного убийцы...

Так, с этим разобрались, поехали дальше.

Она робко представила себе, как целует его. Приходится запрокидывать голову, словно тянешься губами к небу. Натаниэль ее обнимает...

Разум Робин отбросил неприятности, случившиеся до того, как он принялся ее утешать. Значит, убийца рассказывал Кэти о своих замыслах? М-м-м... Жутковатая версия! Впрочем, она все еще находилась под впечатлением от вторжения Пита и проанализировать гипотезу Натаниэля должным образом не могла.

Зазвонил телефон, и Робин, отложив расческу, глянула на экран. Клэр...

Она вздохнула и нажала на кнопку:

– Привет, Клэр.

– Привет, Робин! Я... э-э-э... слышала, что произошло. Мне очень стыдно.

– Ничего, не переживай.

– Он не имел права! Я... Слушай, это моя вина. – Клэр говорила напряженно и разочарованно. – Могу я к тебе подъехать?

Разумеется, Робин предпочла бы решить все вопросы по телефону.

– Знаешь, у меня тут небольшой беспорядок...

– Ничего страшного. Просто хотела пообщаться с глазу на глаз. Можно где-нибудь в другом месте. Давай я тебя заберу?

Робин мысленно застонала.

– Хорошо. Заглянем к Джимми или...

– Нет-нет, я за тобой заеду и кое-что покажу.

– Ладно, до встречи.

Она повесила трубку и снова вздохнула. Клэр разговаривала словно девчонка, которую Робин помнила по старшей школе. Куда девалась сломленная женщина с тяжелой психологической травмой? Та школьница организовывала вечеринки и встречи в клубах, имела обо всем собственное мнение, не прислушиваясь к чужим аргументам, потому что все и всегда знала лучше. Робин тогда находила ее несколько утомительной. Сегодняшний разговор заставил вспомнить прежние впечатления от юной одноклассницы: Робин встречаться сегодня ни с кем не хотелось, но Клэр обязательно нужно было добиться своего. В итоге пришлось согласиться.

Впрочем, подобный звонок – не самый плохой знак для Кэти. Похоже, Клэр постепенно исцеляется от стресса. Кэти возвращает свою прежнюю маму, а сильные родители ей ой как нужны... Девочке требуется мать, способная внушить чувство защищенности.

Размышления прервал звонок – Клэр уже припарковала машину у дома. Робин на всякий случай сменила блузку и пошла обуваться. Кто знает, куда ее повезут? Должно быть, в кафе или паб, так что надо одеться в меру небрежно, но стильно.

Она вышла из дома и села в машину.

– Отлично выглядишь, – похвалила ее Клэр.

– Спасибо за комплимент. – Робин окинула взглядом бывшую одноклассницу. Хм, штанишки для йоги, мешковатая футболка, кроссовки... – Куда едем?

– Увидишь, – таинственно ответила Клэр и завела двигатель.

Они выехали на улицу, и Клэр, откашлявшись, сказала:

– Хочу попросить у тебя прощения. Не знаю точно, какой разговор у тебя состоялся с Питом, но...

– Он вроде как не знал, что я продолжаю занятия с Кэти.

– Домой вернулся жутко злой. Боюсь, он был не слишком вежлив.

– Да нет... Конечно, прервал сеанс – это не очень хорошо.

Насколько я поняла, вы так и не пришли к общему мнению, стоит ли мне сообщать копам о любой важной информации – помнишь, мы обсуждали такой вариант? Пит заявил: если я отказываюсь пускать детективов на сеансы, он требует их прекратить.

– Хм...

– Выходит, ты меня обманула, Клэр?

– Все нет, – она поджала губы. – У нас состоялся спор, но ничем конкретным не завершился. Все осталось в подвешенном состоянии – то ли договорились, то ли нет. Я решила для себя, что все-таки договорились. Разве у вас с Эваном так никогда не случилось?

Робин на секунду задумалась.

– Пожалуй, но я никогда не втягивала других в наши разногласия.

– Справедливо.

– Кроме того, не забывай – мы с Эваном в разводе, поэтому сравнение так себе.

– Боюсь, мы с Питом – тоже не идеальный пример.

Робин промолчала, и Клэр нахмурилась.

– Не следовало мне принимать решения за спиной Пита... Другое дело, что, с тех пор как вернулась Кэти, мы вообще ни в чем не совпадаем.

– Сложная ситуация, хотя понять ее можно.

– Раньше мы с ним всегда сходились во взглядах, – огорченно продолжила Клэр. – Были одной из тех невозможных пар, которые вечно дудят в одну дуду. В жизни не спорили и недоумевали, когда ругались знакомые: зачем, спрашивается, жить вместе, если вы все время на ножах?

– Звучит очень мило, – вставила Робин, и Клэр ответила ей слабой усталой улыбкой.

– Да, мило... Когда пропала Кэти, мы справлялись с горем каждый по-своему. Совершенно разными способами, если честно. Оба здорово изменились. Теперь дочь вернулась, но мы больше не можем прийти к единому знаменателю. Так вот, по мнению Пита, следовало

вообще отказаться от психотерапии, если полиции нельзя присутствовать на сеансах. Я предложила выход: ты будешь сама сообщать копам любую ценную информацию. Пит возражал – мол, не слишком приемлемый вариант. Я сказала – для меня самое то. Потом Кэти вскрикнула во сне, и я побежала к ней. После уж решила спор не продолжать. Мне было проще думать, что муж принял мою точку зрения, а выходит, оба остались при своем.

– В конце концов он так или иначе узнал бы правду. – Робин покачала головой. – Ты ведь прекрасно понимала, чем все кончится, правда?

– Знаешь, я в завтрашний день не заглядываю – мне бы сегодняшний протянуть. – Клэр пожала плечами.

– Понимаю... – Кивнув, Робин посмотрела в окно. Они выезжали из города. – Куда мы все-таки направляемся?

– Здесь недалеко.

Робин догадалась, что задумала Клэр, еще до того, как они добрались до нужного поворота. Узенькая, едва заметная с основной дороги грунтовка по правой стороне уходила в гущу леса. Клэр сбавила скорость и осторожно повела машину между деревьев. Наконец они уткнулись в тупик – путь им преградил забор из железной сетки. На воротах висел большой замок, а за ними стоял ветхий заброшенный дом, где полиция больше года назад обнаружила туфельки Кэти.

– Вот тебе отличный пример, насколько разными людьми стали мы с Питом, – тихо пробормотала Клэр. – Когда Кэти исчезла, муж всеми силами избегал этого места. А меня сюда тянуло.

– Я была уверена, что развалюху уже давно снесли.

– Хотели снести, – кивнула Клэр, – но я умоляла ее оставить. Последняя связь с Кэти! Боялась, что навсегда лишусь призрачного шанса вновь увидеть дочь. Как отказать скорбящей, сходящей с ума матери, если та без усталости обивает пороги? В общем, дом просто огородили забором.

Она выбралась из машины и хлопнула дверцей. Робин, оглядевшись вокруг, последовала за ней. Старая ферма производила довольно жуткое впечатление. Дом и вправду превратился в развалину – половину крыши сорвало ветрами, входная дверь прогнила, стены пестрят корявыми граффити... Возможно, несчастная женщина

действительно чувствовала здесь связь с пропавшей дочерью, и выбор места для мысленного с ней общения недвусмысленно характеризовал ее психологическое состояние в тяжелые времена.

– Подожди-ка, – попросила Клэр и вытащила телефон. Набрал номер, дождалась ответа и ледяным тоном произнесла: – Это я. Да. Просто хотела убедиться, что с Кэти всё в порядке. Знаю, что она... Нет, все же посмотри. Прямо сейчас, жду.

Робин молча разглядывала замершую в напряжении Клэр.

– Да, спасибо, – вновь заговорила та. – Когда вернусь? Не знаю. Пока.

Она убрала телефон в карман.

– Не могу надолго разлучаться с Кэти – сразу начинаю беспокоиться. Набираю в таких случаях Пита, прошу удостовериться, что она в безопасности. Могу на него злиться – и все равно звоню.

Клэр обошла машину, открыла багажник и, к удивлению Робин, достала упаковку с шестью бутылками пива. Захлопнув крышку, уставилась на дом.

– Пошли, проведу для тебя экскурсию, – с нескрываемой иронией предложила она, напустив на себя вид гордой владелицы поместья.

Робин заколебалась. Есть линия, которую не следует переступать при общении с клиентами; между врачом и пациентом должна существовать дистанция. Упаковка пива и экскурсия по мрачному дому эту линию точно нарушили бы. С другой стороны, Пит ведь сегодня отказался от ее услуг... К тому же в глубине души Робин было любопытно узнать, чем завершится их поездка. И она нерешительно двинулась за Клэр.

– Видела это место только на фотографиях. Эван как-то устроил здесь фотосессию.

– А, помню, – равнодушно пробормотала Клэр. – Снимочки с претензией... На них еще солнце пробивается сквозь запыленные окна, да?

Добравшись до забора, она пошла вокруг, касаясь на ходу пальцем металлической сетки.

– Да, верно, – усмехнулась Робин. – По-моему, Эван хотел сказать, что красоту можно найти где угодно. Или, допустим, выразить мысль о бренности нашей цивилизации.

– Напыщенный осел, – хмыкнула Клэр, и Робин прыснула от смеха:

– Прямо в точку!

– А знаешь, несколько лет назад он фотографировал тут Кэти.

– Да?.. Первый раз слышу.

– Сказал, что она – идеальная модель. Снимки и вправду получились замечательные. Я постоянно их разглядывала после исчезновения моей девочки.

– Ну, дело-то свое Эван знает, – признала Робин.

– Все равно осёл.

– Согласна.

Они обошли дом и встали у задней стены.

– Попросила власти дать мне ключ, – рассказала Клэр, – но тут уж моя магия дала сбой. Пришлось сделать свой собственный вход.

Она отогнула секцию забора – похоже, воспользовалась когда-то ножницами для металла.

Робин нагнулась и пролезла в образовавшееся отверстие. Клэр пробралась за ней, подвела ее к двери и толкнула полусгнившее деревянное полотнище. Петли злоеще закрипели – точь-в-точь как в домах с привидениями или древних трансильванских замках. Внутри оказалось еще хуже, чем снаружи. Снова граффити, кучи мусора на полу, дыры в стенах... В углу – остатки кострища. Воздух был пропитан запахом мочи, а посреди комнаты Робин заметила использованный презерватив. Господи, кого же так возбудила эта атмосфера?

Клэр переступила порог и прошла к дальней стене.

– Одна из туфельек Кэти лежала здесь. – Она ткнула пальцем в угол. – Другую обнаружили под мокрой картонной коробкой, вон там.

– Тебе их показали? – в ужасе спросила Робин.

– Нет, конечно. Ну, то есть не сразу. Я ведь каждый день ходила в полицию, пока копы наконец не сжалились и не дали мне посмотреть фотографии с предполагаемого места преступления.

– Я слышала, тут нашли что-то еще? Вроде бы веревку или нож...

– Ага. Это наши завзятые сплетницы выдумали, – фыркнула Клэр. – Нет, кроме обуви – ничего.

Она двинулась в глубь дома, и Робин пошла следом. Обе остановились на пороге ванной комнаты. Водопроводные трубы давно

проржавели. Стены когда-то были выложены плиткой, кое-где даже сохранились ее остатки, однако в основном острые осколки валялись на полу и в древней грязной ванне.

– Как только полиция обнаружила туфельки, расследование сдвинулось с мертвой точки, – заговорила Клэр. – Привели собак, прочесали лес, допросили сорванцов, которые сюда наведываются. Сперва думали, Кэти схватил какой-то извращенец и приволок в эту хижину.

Робин откашлялась.

– По-моему, подозревали, что в похищении замешан кто-то из близких знакомых?

– Да, на первом этапе. Ведь признаков борьбы не обнаружили – похоже, Кэти села в машину добровольно. Версия оказалась тупиковой. Когда нашли туфли, родилась новая гипотеза: орудовал кто-то посторонний, но из местных. Дом ведь с дороги не увидишь, о нем надо знать. К тому же и тропка едва заметная. Другое дело, что большинство горожан хоть раз да были здесь или слышали рассказы знакомых, которые сюда заходили.

– Я тут впервые.

– Серьезно? – Клэр хмыкнула. – Мне пару раз случалось повеселиться в этой дыре еще в старшей школе. Выпивали здесь целой компанией.

Робин приглашений посетить подобные сборища никогда не получала, однако решила об этом не рассказывать.

– Значит, остановились на том, что преступник из Бетельвилля? Кто-то положил глаз на Кэти?

– Ну да. Выявили шестерых насильников на учете полиции, однако и это направление ничего не дало.

Робин шагнула внутрь ванной и случайно поддала ногой кусок битой плитки. Та с неприятным скрежетом полетела по неровному полу.

– Больше года приходила сюда раз в неделю, – вздохнула Клэр. – Все тут обыскала в надежде найти хоть какой-то намек, который пропустила полиция. Изучала граффити, рылась в кучах мусора. Пыталась представить, что случилось с Кэти и куда ее потом увезли.

Робин вздрогнула. Она вполне могла представить картины, мелькавшие в воображении Клэр в этой гнусной хижине. Видения –

одно другого хуже.

Они вышли из дома, и Робин с облегчением выпустила из легких нечистый, пропитанный миазмами испражнений воздух.

Упаковку с пивом Клэр оставила у старого дерева рядом с дырой в заборе, и теперь вытащила одну бутылку. Открыв, предложила Робин. Та заколебалась, однако бутылку взяла.

– Спасибо, Клэр.

– Тебе спасибо, что позволила провести для тебя экскурсию.

Клэр откупила пиво и для себя, оперлась спиной о багажник машины и сделала длинный глоток.

– После возвращения Кэти я сюда не приезжала ни разу. Черт, поганая помойка!

– Ага, – поддакнула Робин, отхлебнув из бутылки.

– Тогда я вскоре оставила попытки найти улики, и все равно регулярно здесь бывала. Вставала под этим деревом, пила и смотрела в лес.

– Господи, представляю, как ты себя чувствовала...

– И не говори.

Робин снова приложила к бутылке.

– Не пойми меня неправильно, но... почему ты решила меня сюда привезти?

– Если честно, во-первых, хотела ненадолго сбежать от Пита. И перед тобой надо было извиниться – лично, не по телефону. Во-вторых, после возвращения дочери решила взглянуть на это место другими глазами. Для меня важно, чтобы ты продолжала с ней заниматься. Не слишком я злоупотребляю?

– Без ведома Пита я не вправе...

– Да-да, понимаю. Я с ним договорюсь, даже не думай. Не будешь возражать? Ты так ей помогла... Пит не понимает: каждый раз твердит – вот, Кэти до сих пор не разговаривает. Но я-то вижу. Она стала лучше спать, больше улыбается, порой смеется. Играет... Все благодаря тебе.

– Здорово, что ты так считаешь. Конечно, я рада буду возобновить занятия. Кэти – чудесный ребенок.

– Да, правда, – страдальчески улыбнулась Клэр. – Спасибо тебе огромное!

Она залпом опустошила бутылку. Резко развернувшись, швырнула ее в валун у забора. На землю, где уже валялась куча осколков,

полетела стеклянная крошка.

Похоже, своеобразный ритуал...

– В-третьих, я давно хотела кого-нибудь сюда привести, поговорить о том мучительном времени, когда Кэти не было, – продолжила Клэр. – Я ведь много раз общалась с друзьями, знакомыми, и на их лицах появлялось такое выражение... Все считали, что моя дочь мертва и мне следует смириться с этим. Я перестала к ним приставать и никому не рассказывала, что приезжаю в это место. Наверняка сказали бы: совсем сошла с ума, не желает посмотреть правде в глаза...

– Что значит «сошла с ума»? – тихо ответила Робин. – Нормальный механизм преодоления.

– Сказал психотерапевт... – криво улыбнулась Клэр и открыла новую бутылку. Отпив одним глотком едва ли не половину, добавила: – Обычным людям я казалась чокнутой.

– Да, пожалуй, – нехотя согласилась Робин.

– Теперь никто не желает вспомнить со мной те дни, когда о Кэти ничего не было слышно. Стоит мне лишь заикнуться, быстро отвечают: она ведь вернулась, так что пора начинать радоваться жизни. Конечно, я радуюсь, да только не в этом дело!

– Тебе необходимо осмыслить те пятнадцать месяцев со своей точки зрения.

– Точно!

– И, вероятно, делать это следует с помощью профессионала, – улыбнулась Робин, допив бутылку.

– Возможно... – У Клэр натуральным образом отвисла челюсть. – Боже... Я только что попыталась получить бесплатный сеанс психотерапии? Прости, я совсем не...

– Не переживай, я шучу, – засмеялась Робин. – Хотя идея не лишена смысла.

– Да-да, правда.

Робин прицелилась и метнула пустую бутылку в валун, однако промазала не меньше чем на целый фут^[8].

– Эх ты, любительница! – усмехнулась Клэр и сама сделала бросок. Ее бутылка снова разлетелась фонтаном осколков. – Держись меня – и будешь кидать так же метко.

– Нет уж. Я, пожалуй, воздержусь. – Робин покосилась на собеседницу. Та, заметно покачиваясь, уже открывала третью. – Кстати, на обратном пути за рулем, наверное, придется сидеть мне.

Глава 38

Робин проснулась от постороннего шума. Скрипнула дверь? Нет, похоже, что-то протащили волоком по полу. Наверное, Менни вышел на ночную прогулку.

И все же ей не удавалось отделаться от гнетущего ощущения: собака тут ни при чем. Что происходит?

Она вылезла из постели и тихонько прошла к двери спальни. Выглянула в коридор. Дверь в игровую комнату открыта... Робин всегда ее закрывала – Менни мог испортить игрушки, особенно пластмассовый стетоскоп. Неужели вчера вечером забыла? Да что это за звуки такие? Собака?

Она пересекла коридор и заглянула в кабинет. Менни внутри не было, зато в самом центре комнаты лежало нечто непонятное. Робин перешагнула порог и наклонилась.

Миниатюрный пластмассовый телевизор, тот самый, что Кэти вытащила из старого домика и поставила в новый. Черт возьми, почему он валяется посреди кабинета?

Она подкралась к домику, аккуратно поставила телевизор в угол гостиной и вляпалась пальцем в какую-то липкую гадость. Сделав шаг назад, осмотрела руку.

Алый мазок...

Красная липкая краска на твоих ладонях...

Робин вгляделась в гостиную материнского домика, и у нее перехватило дыхание.

Все красное... Маленький, стоивший баснословных денег диванчик, квадратный коврик и даже напольные часы.

Маленькая девочка лежала на полу лицом вниз в луже *крови*.

Робин с трудом подавила крик. Кто-то пробрался в дом, кто-то устроил этот кошмар, и наверняка он еще здесь. Где же, интересно, Менни? Пес ведь ни разу не гавкнул! Она резко обернулась и окинула взглядом темный кабинет. Проклятье... Опрокинутый ящичек с пластмассовыми инструментами, сброшенные с полки игрушки, открытый шкаф...

Надо вызвать полицию! Робин бросилась к двери – и замерла на полушаге.

В коридоре кто-то был – прямо напротив ее кабинета.

Она тихонько отступила назад. Запереться в туалете? Нет, замок легко открыть обычной отверткой. Что делать, как защититься? Ее взгляд упал на полку.

Там стояла игрушка без головы. Обычный малыш, которым любили играть многие маленькие пациенты, только его голова почему-то лежала рядом с туловищем. Рядом – Чудо-женщина с оторванными руками...

Спотыкаясь на ходу, Робин подошла к маленькому столику, закиданному листами бумаги. Множество рисунков: вопящие рты, замученные женщины, красноглазые монстры... Она отвела взгляд от жутких этюдов, схватила ножницы и тихонько отошла к дальней стене. Здесь можно затаиться, переждать, пока грабитель не покинет дом.

Робин скорчилась у дивана, спрятавшись в его тени. Тут ее не увидят. Стоп, а что диван делает в ее кабинете? Осмотревшись, поняла: боже, она, оказывается, в кукольном домике! Грабитель в жизни не догадается. Робин бросила взгляд вправо, влево: хм, вся мебель в натуральную величину? Коврик, пластмассовый телевизор, сшитые Кэти желтые занавески, напольные часы...

Рядом лежала маленькая фигурка. Стоп, да это не игрушка! Кэти...

Робин потрясла девочку, и к ее облегчению, та зашевелилась. Жива! Подняла голову: личико бледное, измученное, перемазанное кровью.

Робин быстро приложила палец к губам, но Кэти лишь моргнула. Господи, она ведь так и так не говорит...

В дверном проеме мелькнула тень – только не в дверях кабинета, а перед кукольной гостиной. Кто-то пробрался в кухню? Высокий тонкий силуэт, кошмарное мертвенно-бледное лицо, неестественная ухмылка...

За ними пришел клоун-убийца.

Схватив Кэти за руку, Робин бросилась к лестнице. Они бежали изо всех сил, а вслед им летел безумный смех. Ступени скрипели под весом Джокера. Они добрались до детской, и Робин попыталась забаррикадировать вход мебелью, однако здесь кровать и стулья по-

прежнему были игрушечными. Так убийцу не остановишь! Джокер ударил ногой в дверь, и миниатюрная мебель разлетелась во все стороны.

Они вновь попытались оторваться – неслись по комнатам, а клоун их настигал.

Робин бросила взгляд в окно. Натаниэль? Тот заглядывал с улицы в игровую комнату – искал ее и Кэти. Надо его окликнуть!

Увы, горло сжало спазмом.

Она опустила на колени рядом с Кэти и указала на детектива. Придется девочке его позвать, раз уж Робин не в состоянии. Однако Кэти лишь покачала головой. Вот что Джокер сотворил с ними: лишил голоса – сначала Кэти, а потом и Робин.

Они снова побежали. Выскочили из кукольного домика напрямиком к песочнице, но там их ждала западня – могила игрушек. Ноги Робин увязли в песке, Кэти вообще куда-то пропала. Клоун уже совсем близко. Ухмыляется, вращает глазами, а ничего не подозревающий Натаниэль бродит по комнатам... И не крикнешь! Она попыталась – бесполезно. И тут на нее бросился клоун...

Робин проснулась вся в поту, тяжело дыша и сжав руку в кулак, словно собиралась ударить убийцу. Огляделась по сторонам – вот и Менни, дремлет в углу спальни.

– О черт... – прохрипела она.

Включила свет в попытке убедиться, что действительно бодрствует, и глянула на часы. Пятнадцать минут четвертого, глубокая ночь. В кои-то веки желания вновь провалиться в сон не возникло.

Робин откинулась на спинку кровати и сделала несколько глубоких вдохов. Надо успокоиться, унять сердцебиение. Сон она помнила отчетливо, словно ужасные события произошли наяву. Всего пять минут назад была в кукольном домике, точно превратилась в игрушку, а мебель вдруг стала вполне настоящей – и та, что годами собирала мать, и поделки Кэти.

Например, желтые занавески.

Робин со свистом втянула в легкие воздух.

Желтые занавески...

Глава 39

Спичечный коробок, шпагат, ватный тампон, шарики, пластмассовая собачка.

Робин перебирала безделушки, пытаясь отыскать нечто имеющее скрытый смысл.

Деревянные кубики, блоки от конструктора, фиолетовая наклейка, кусочки ткани...

За несколько недель Кэти накопила немало скарба для кукольного домика. Далеко не все использовала в игре, тем не менее каждый предмет мог оказаться важным.

Палочка, винтики, камешки, кусочек зеленого стекла...

Как же разгадать их значение? Если удастся, тогда...

Залился трелью звонок в прихожей. Робин направилась к двери и распахнула ее, даже не посмотрев в глазок. На пороге стоял Натаниэль с двумя бумажными сумками в руках.

– Привет, – поздоровался он, смущенно улыбнувшись. – Рад, что вы позвонили. Я как раз...

– Ага, вот и вы! – выдохнула Робин. – Проходите.

Развернувшись, она направилась в игровую комнату в полной уверенности, что Натаниэль идет следом. На ходу продолжала мысленно перебирать предметы из обувной коробки. Морская раковина, монета, пластмассовый рубин...

– Хотел сам набрать вас сегодня утром, – подал голос Натаниэль, – однако вы меня опередили. По-моему, вчера я поторопился. Увы, предстояла важная встреча – иначе еще посидел бы.

– Ничего страшного.

Робин вернулась к столику, на котором стояла обувная коробка, и перевела взгляд на Натаниэля. Тот по-прежнему выглядел смущенным, и она улыбнулась:

– Вы же мне все это говорили вчера.

– Ну да. – Он осмотрелся в комнате. – Значит, здесь у вас игровая зона?

– Ага. Нравится?

– Не то слово! В десять лет отдал бы полжизни, чтобы иметь такие игрушки, вот что я вам скажу... О, чуть не забыл! Я принес кофе и булочки с корицей из местного кафе.

Он поставил сумки на стол и, вытащив картонный стаканчик, вручил его Робин.

– Не в курсе, какое молоко вы предпочитаете, но парень за стойкой заявил, что держит только обычное. Прочел мне целую лекцию о поддержке молочной отрасли. В общем, я от молока в итоге отказался.

– Ну и прекрасно, спасибо, – улыбнулась Робин.

– Значит, вы хотели показать мне нечто важное?

– Смотрите, это тот самый кукольный домик, с которым играет Кэти, – указала Робин.

Натаниэль внимательно его изучил и присвистнул:

– Просто невероятно, насколько похож на настоящий!

– Большая редкость, сейчас таких не делают. Вообще, он принадлежит моей маме. Ладно, видите гостиную?

– Ага.

– Ничего не кажется странным?

– Телек вроде как не соответствует обстановке. Дурацкая пластмассовая дешевка.

– Его поставила сюда Кэти. Домик ведь викторианский, и телевизоры здесь не предусмотрены, однако Кэти он явно был необходим.

– Почему?

– Вероятно, в том месте, где ее удерживали, стоял телевизор. По всей видимости, он имеет большое значение. Кэти добавила и кое-что еще. Например, вон то одеяльце, видите? И коврик – она их сама сшила. Я думаю, эти вещички – часть ее воспоминаний.

– Допустим... – Натаниэль кивнул. – Очень интересно.

– Еще как! Кэти выкроила и вон те желтые занавески для детской.

– Так... – Детектив нахмурился. – Желтые занавески, значит?

– Вы ведь говорили: если Кэти покажет нечто важное, способное помочь вам вычислить похитителя, я должна немедленно вам сообщить. Шторы можно увидеть с улицы.

Натаниэль медленно кивнул.

– Хм, неплохо... Хотя не бог весть что, конечно. Выходит, ее держали в доме с желтыми занавесками на одном из окон.

– Подобный дом можно поискать, верно? – продолжала Робин. – Скорее всего, Кэти была в плену где-то в Джаспере? Вот там и следует проверить.

– Робин, в Джаспере тысячи домов. А желтые занавеси – не такая уж и редкость. Не могу назвать их существенной уликой.

– Понимаю, поэтому и попросила вас прийти. Видите, сколько здесь предметов? – Она указала на столик. – Все их принесла Кэти. Возможно, многие из них никакого отношения к делу не имеют. Однако если мы их изучим, то сообразим, что они могут значить. Вдруг среди них есть те, которые находятся во дворе нужного нам дома? Ну, не знаю... Пугало, например. Или конура для собаки. Да мало ли что? Сможем их определить – искать будет проще.

– Допустим, – повторил Натаниэль, скептически глянув на кучку хлама.

– Я уже начала. Здесь есть вещички, предназначение которых мне уже известно. – Робин по очереди ткнула пальцем в контейнер для пластилина, браслет и еще несколько предметов, использованных Кэти на сеансах. – Они нам точно не помогут.

Натаниэль выудил из кучки пластмассовое деревце и прищурился:

– Ага, понимаю.

– Сюда я сложила вещи, явно находившиеся в доме. Видите? Одежонка, одеяльца, а вот это – наверняка вентилятор. Никаких подсказок они нам не дадут. Лучше заняться второй кучкой.

– Робин, ну как мы сможем извлечь из них практическую пользу? Отрядить взвод инспекторов, чтобы те мотались по всему Джасперу и выискивали дом с блоком от «Лего» на лужайке? Или...

Он задумался и вытащил из кучки один предмет.

– Нам потребуется всего полчаса. Включите воображение. Вдруг что-то пригодится? – Робин бросила взгляд на выбранную Натаниэлем игрушку – колечко, приклеенное к бумажному квадратику. – Возможно, шляпа?

– Это баскетбольное кольцо, – поправил ее детектив. – Смотрите, Кэти даже нарисовала на щите оранжевый квадрат. И на обратной стороне – двусторонний скотч. Видимо, щит был к чему-то приделан.

Он вытащил из кучки длинный пластмассовый штырь и прилепил его к щиту.

– Точно! – выдохнула Робин. – Баскетбольное кольцо... Наверняка она видела его во дворе, верно? В некоторых домах такие щиты стоят на подъездных дорожках.

– Ну да, если у жильцов есть дети. Полагаете, похититель – счастливый отец? – с сомнением спросил Натаниэль.

– Я в психологии преступников не разбираюсь, – Робин пожалала плечами. – Почему бы и нет?

Натаниэль поставил щит у кукольного домика.

– Откуда нам знать, что баскетбольное кольцо связано с домом? А вдруг с местом убийства, как в случае с деревцем?

– Да, мы не знаем, – ответила Робин. – Однако если наберем несколько подобных предметов, уже будет пища для размышления, разве нет?

– Согласен. – Натаниэль порылся в кучке. – Здесь полно всякой всячины.

– Кэти долго собирала реквизит. Клэр рассказывала, что она была на этом здорово сосредоточена, хотя пока ее внимание мало на чем задерживается. Они даже ходили в лавочку рукоделий, и Клэр научила дочь шить. – Робин отодвинула в сторону несколько пластиковых палочек. – Некоторые из вещичек требуют кропотливой работы. Видите, как здорово сшиты одеяла и одежда?

Натаниэль поднял оранжевый шарик.

– Если та штука – баскетбольное кольцо, то во дворе наверняка валяется забытый баскетбольный мяч.

– Почему нет? – задумчиво произнесла Робин. – Странно, что их здесь пять штук. Кстати, Кэти на них кое-что нарисовала. Лицо?

– Вдруг хозяева каждый раз покупают новый мяч, когда старый спускает? Некоторые так и делают.

– Не исключено. – Робин вытащила из кучки остальные четыре. – А точно ли мяч?

Она положила оранжевые шарики рядком перед дверью кукольного домика, забрала пятый у Натаниэля и добавила его к остальным.

– Почему вы их так выстроили?

– Мой папа любил украшать дом на Хеллоуин, – пробормотала Робин. – Считал его лучшим праздником в году, даже Рождество не настолько уважал. Как-то прикупил пластмассовые тыквы, а еще у него был огромный жуткий паук.

– Тыквы... – повторил Натаниэль.

– Ага, искусственные. Не всем нравится годами хранить в гараже настоящие.

– То есть в доме все же есть дети. Спец по профилям преступников уверял нас, что убийца, скорее всего, одиночка.

– Разве мало в истории убийц-семьянинов?

Робин сморщила лоб, пытаясь припомнить подобные случаи из подкастов по криминальной документалистике.

– А ведь вы правы... Ну хорошо. Баскетбольный щит, тыквы, желтые занавеси. Что еще можете предложить?

– Как насчет шпагата? – подхватила Робин. – Он что-то означает?

– Удавку, если уж привязывать каждый предмет к убийствам.

– Но ведь Кэти могла его использовать как шланг или, допустим, веревку для сушки белья.

– Вот именно, – Натаниэль поднял бровь. – Нам следует отсекать тупиковые варианты. Плохо, что мы не представляем, какие предметы из кучки действительно могут иметь отношение к логову похитителя.

– Согласна, – приуныла Робин.

Пытаясь определиться, они еще некоторое время перебирали содержимое коробки. Натаниэль вытащил желтую глиняную поделку и заявил: напоминает пожарный гидрант. Робин заспорила – ей показалось, что Кэти всего лишь пыталась изобразить какое-то блюдо. Поколебавшись, Натаниэль настоял на своем варианте, чем ужасно ее разозлил.

– А это что такое? – спросил он, подняв красную картонную фигурку, напоминающую ромб.

– Не знаю, – устало вздохнула Робин.

Эффект выпитого кофе прошел, и ей снова захотелось спать. Они уже несколько часов рылись в детских игрушках, и перед глазами у нее начали плясать разноцветные пятна.

– По-моему, шляпа.

– Вы уже не первый предмет принимаете за головной убор.

– Потому что любой предмет на самом деле может оказаться шляпой. Вот поглядите.

Робин пристроила ромбик на голову.

– А что, на вас смотрится неплохо. Однако она вроде бы тоже куда-то крепилась.

Натаниэль перевернул картонную фигурку.

Хм, шестиугольник...

– Знак остановки! – воскликнула Робин.

– Ну, «стоп» ведь на нем не написано.

– Помните, что у Кэти проблемы с речью? Писать она тоже не может. – Робин нашла еще один пластмассовый штырек и приладила к нему картонку. – Точно дорожный знак! Значит, на улице стоят пожарный гидрант и знак «Уступите дорогу» – прямо рядом с домом.

– То есть с гидрантом вы теперь согласны?

– Может быть. – Она пожала плечами.

Натаниэль потер усталые глаза и наклонился над столиком. Вытянул еще один предмет из кучки, которую Робин определила как вещи домашнего обихода.

– Зачем туда полезли? Только все перемешаете, – упрекнула она детектива.

– Кажется, вы говорили, что эти поделки нам не помогут?

– Ну, одеяло. Снаружи ведь его не разглядишь.

– Это американский флаг.

– О, – заморгала Робин. – Мои родители никогда флаги во дворе не вывешивали.

– Видите, Кэти пришила кромку к полотнищу? Специально, чтобы можно было вставить древко. Передайте-ка мне вон ту штуковину.

Она нашла тонкий металлический штырь и подала Натаниэлю. Тот потянулся к ней, и их руки встретились. Робин не стала отстраняться. Они сидели над кучей всякой дребедени, едва не касаясь друг друга лбами. Робин чувствовала исходящий от детектива слабый запах, напомнивший ей дождливый день в лесу. Встретилась с ним взглядом, и его дыхание вдруг замедлилось, стало глубоким и хриловатым. Натаниэль слегка подался вперед, и их губы соприкоснулись. Она сделала движение навстречу. Ароматы кофе и дождливого дня смешались; Робин испытала краткий миг бездумного

блаженства. Прошло несколько секунд – а может, несколько минут, – и она отпрянула. Комок нервов и тревоги в груди вдруг растворился. Робин ощутила, как запылали ее щеки.

Между пальцами у нее по-прежнему торчал металлический стержень. Робин уставилась на железку, тщетно пытаясь вспомнить, зачем ее взяла. Ах да...

– Вот, – шепнула она, протянув стерженек Натаниэлю.

Он пристально посмотрел ей в глаза, затем взял тряпочку, которую Робин сперва приняла за одеяльце. Нацепил ее на штырь и, поставив рядом с другими важными уликами, шепнул:

– Самый настоящий флаг.

– А ведь и правда...

Интересно, у него тоже перехватило дыхание? Она вдруг поняла, что больше не может смотреть Натаниэлю в глаза, и отвела взгляд. Изучила собранные ими предметы: тыквы, дорожный знак, баскетбольное кольцо, гидрант, флаг, желтые занавески. Хватит ли полиции подобных свидетельств?

Они вяло попытались обнаружить еще что-нибудь достойное внимания, однако их взгляды тянуло друг к другу, словно магнитом. Робин пришлось приложить огромное усилие, чтобы вновь отвести глаза. Торопиться не следует; надо все обдумать... Черт, на самом деле она желала совсем иного.

Больше они ничего не нашли. Для порядка порылись в коробке еще полчаса и согласились: хватит. Улики Натаниэль забрал с собой, а перед уходом еще раз поцеловал Робин.

Она вскоре уснула прямо в гостиной, до сих пор ощущая на губах вкус его поцелуя.

Глава 40

В детстве Натаниэль без запинки мог назвать пятерку своих любимых фильмов. Рейтинг возглавляло «Смертельное оружие», за ним следовали «Смертельное оружие-2», «Смертельное оружие-3», «Смертельное оружие-4» и первый эпизод «Звездных войн». После «Звездных войн» у него возникло желание заполучить собственный меч джедая, а после «Смертельного оружия» он вознамерился стать копом – профессия показалась невероятно захватывающей. Представление о работе полицейского у Натаниэля было вполне четким: приходишь на службу, садишься в патрульную машину, пускаешься в погоню и отстреливаешь плохих парней (причем бензобак их авто обязательно взрывается). Перепрыгнуть на ходу из одной машины в другую – неотъемлемый элемент службы. Прикончить отморозка с дипломатическим иммунитетом – без проблем. В распорядок дня включались шуточные перепалки с напарником и обезвреживание бомбы с часовым механизмом, дисплей которой показывает десять минут до взрыва.

Теперь Натаниэль радовался, что хотя бы часть полицейских сериалов – к примеру, «Прослушка» и «Босх» – давали более реалистичную картину. Радужные мечты следует искоренять с самого детства – тогда не будет в полиции такого количества озлобленных, разочарованных в службе копов.

Вот взять сегодняшний день: вместо того чтобы выскочить в последнюю секунду из набитого взрывчаткой склада, Натаниэль колесил по Джасперу, высматривая желтые занавески, тыквы, баскетбольные щиты и флаги. Так себе занятие! Спасало воспоминание об улыбке и мягких губах Робин, а также о пьянящем чувстве, которое он испытал, держа ее в объятиях.

Подходящих женщин ему не попадалось уже года два – с тех пор, как его бросила Имани. Натаниэль тогда долго страдал. У него было несколько коротких связей, которые ничем серьезным не закончились. Случился также один ностальгический, достойный сожаления вечер с Имани – оба тогда хорошо выпили и лишь еще больше ощутили свое одиночество. Вот, собственно, и всё. Пожалуй, и сейчас рассчитывать

на что-то особенное не стоило, но все же Робин оставила глубокий след в его сердце.

– Чего скалишься? – проворчал из-за руля Бёрк.

– Рад, что мы снова работаем в паре, – улыбнулся Натаниэль.

– Ну-ну... – Бёрк покачал головой.

Его снова перекинули на дело Бассет, раз уж выяснилось, что оно связано с самым важным расследованием.

– Справа баскетбольный щит.

– Ага. – Натаниэль записал номер дома. – Сбавь обороты, давай проверим окна.

Напарник притормозил, и они потащились с черепашьей скоростью.

– Занавесок нет, здесь жалюзи, – заметил Бёрк. – Хорошо бы глянуть еще с заднего двора...

– Окна с обратной стороны увидим, когда повернем на Четвертую.

Натаниэль завозился, складывая карту города – огромное неудобное полотнище. В местном полицейском управлении удалось раздобыть аж двенадцать штук. Ну и ладно – зато крупномасштабная, каждый дом помечен.

– Дельта пять-два, вас вызывает Дельта семь-четыре-один, – захрипела рация.

Натаниэль нажал на кнопку микрофона.

– Слушаем вас, прием.

– Дельта пять-два, мы нашли еще одну грядку с пластмассовыми тыквами.

– Принято, Дельта семь-четыре-один.

– Сообщаю специально, чтобы ты не удивлялся, когда мы тебя обставим.

Он улыбнулся и снова нажал кнопку:

– Это мы еще посмотрим, кто кого. У нас на счету уже куча флагов.

– Ты флаги с тыквами не сравнивай, Дельта пять-два.

– Черт, они нас и вправду так сделают, – хмыкнул Бёрк.

Натаниэлю удалось заручиться помощью двух копов из столичной полиции Индианы, и те сейчас тоже катались по Джасперу. Для интереса они даже заключили пари. За флаги решили засчитывать три очка, за баскетбольные кольца – пять, за желтые занавески – восемь.

Искусственные же тыквы, как выяснилось, в июне были большой редкостью, а потому весили целых двенадцать. К концу дня проигравшая команда должна была угостить победителей ужином.

– Притормози-ка, – приказал Натаниэль.

– Если хотим выиграть пари – работать надо быстрее, – возмутился Бёрк.

– Будешь гнать – пропустим желтые занавески.

Напарник сбавил ход.

– Ты им отдал самые хлебные улицы. На западной стороне, похоже, настоящее тыквенное царство.

Натаниэль вновь открыл карту и задумался: как бы половчее ее свернуть, чтобы перед глазами оказался окружающий их район?

– Не ворчи, им достались бросовые кварталы. Наверняка нужное место окажется на пути у нас.

Поиск они вели отнюдь не наугад. Кэти Стоун обнаружили в без пятнадцати четыре ночи на углу Восточной Пятнадцатой и Черри-стрит. Судя по окровавленным ногам, девочка шла довольно долго. В то же время, выйди она на улицу до часа, – ее заметили бы очень быстро. В районе полуночи в городе еще довольно плотное движение, плюс бродят компании подростков и возвращаются домой задержавшиеся на работе. Стало быть, напрашивалось предположение: Кэти вырвалась на свободу во втором часу. Босая истощенная девятилетняя девочка наверняка передвигалась со скоростью не больше двух миль в час, а скорее всего, даже медленнее, ведь шел дождь. Получалось, что проделала она около шести миль, после чего наткнулась на случайного прохожего. Допустим, не шесть, а даже три или четыре. Если нарисовать предположительные маршруты следования Кэти, то зона ее пребывания в плену определялась довольно четко. Именно этот район и выбрал для себя Натаниэль.

Однако пока мероприятие выглядело пустой тратой времени.

Да, они заметили несколько коттеджей с флагами, баскетбольными кольцами и прочими атрибутами, однако при каждом нашлось не больше двух гипотетических улик. Ближе всего намеченным условиям пока соответствовал обнаруженный второй командой дом – с флагом и щитом, однако ни гидранта, ни знака «Уступи дорогу» поблизости не было. Да и расстояние до него от

места обнаружения Кэти составляло семь миль, причем по довольно оживленным улицам.

Натаниэлю пришлось признать: сейчас они руководствовались одной из самых слабых зацепок в его личной истории расследований. Верил ли он на самом деле в способность коробки из-под обуви указать им место содержания маленькой пленницы? Или просто поддался чарам Робин?

– Оп-па! – вдруг воскликнул Бёрк. – Смотри, флаг и занавески! Одиннадцать очков, дружище.

– Где? – Натаниэль оторвался от изучения карты.

– В двух разных домах. В том, что слева – занавески, а флаг – у коттеджа справа.

– Ясно, – вздохнул Натаниэль и глянул на двухэтажный дом с занавешенными окнами.

Иными нужными им характеристиками дом не обладал. Так себе хижина. Запущенный, заросший сорняками дворик, облупившаяся краска... Дети здесь точно не живут, это уж как пить дать. Он сверился с картой и пометил оба коттеджа.

Бёрк притормозил, и Натаниэль удивленно посмотрел в окно. Чего он вдруг? А, знак «Стоп».

И тут его осенило.

– Погоди-ка... Давай к тому, что с занавесками.

Бёрк дал задний ход и припарковал машину у обочины. Натаниэль выскочил наружу и подошел ближе к дому. Двор огорожен; занавески на втором этаже точно желтые. Внутри темно – похоже, хозяев нет.

Натаниэль повернулся к забору спиной и уставился на дом напротив. Флаг из окошка наверняка видно, и дорожный знак – тоже. На другой стороне дороги стоит пожарный гидрант.

Его охватило возбуждение, и он медленно прошелся вверх и вниз по улице. Ага, вот и баскетбольное кольцо, во дворе дома наискосок через дорогу. Из машины его не видно за большим деревом, а из окна с желтыми занавесками – вполне.

Их группа искала предметы из коробки, предполагая, что те находятся у одного конкретного дома. Ничего подобного! Все они просто попадали в поле зрения Кэти при взгляде со второго этажа.

Быстро нашлись и тыквы – на крылечке коттеджа через улицу. С дороги опять же не углядишь, а вот с противоположного тротуара,

приподнявшись на цыпочки, – запросто.

Более того, Натаниэль заметил еще несколько улик из коробки. У одного из соседних домов с дерева свисала веревка – наверное, тарзанка для ребяташек. Вот вам и шпагат из коробки! Там же стояла странная садовая скульптура – очень похоже на глиняную поделку, в которой не нашли ничего важного ни он, ни Робин. Чуть ниже по улице на крыше лежала фиолетовая тарелка-фрисби. Угу. Значит, ее Кэти заменила круглой бумажной наклейкой непонятного на первый взгляд назначения.

Дом был тот самый. Наверное, Кэти часто смотрела в задернутое желтыми занавесками окно. Вероятно, там и находилась комната, в которой ее держали.

Натаниэль заколебался. Что предпринять? Выяснить, кто здесь живет? Опять же, требуется ордер на обыск. Убедят ли судью улики? В любом случае разумным представлялось выждать и понаблюдать за домом. Рано или поздно хозяин вернется, а Натаниэль вызовет оперативную группу.

– Что там? – осведомился вышедший из машины Бёрк.

– Наш дом... – негромко сказал Натаниэль, продолжая ощущать прилив адреналина. – Он самый, никаких сомнений.

– Погоди, а как же... – Напарник вдруг нахмурился. – Слышал?

– Что?

Слух у Бёрка всегда был острее.

– Не знаю... Какой-то странный звук. По-моему, как раз из этого дома.

Натаниэль открыл калитку во двор, и петли пронзительно взвизгнули. Они осторожно прошли к крыльцу. Да, изнутри точно доносится шум. Музыка? Или?..

Он приник ухом к двери.

И услышал приглушенный женский крик.

Глава 41

За первым криком последовал второй – более долгий и надрывный. Похоже, кто-то бьется в агонии.

Медлить было нельзя. Дверь открывалась внутрь, замок был самый простой. Вытянув из кобуры пистолет, Натаниэль отступил на шаг и ударил ногой на несколько дюймов левее ручки. Раздался хруст дерева. Дверь качнулась, но устояла. Бёрк вызвал по рации подмогу и побежал на задний двор – вдруг есть черный ход или открытое окно? Лучше обойтись без сюрпризов. Натаниэль ударил еще раз, и замок вылетел.

Перед ним зиял черный туннель коридора. Взяв пистолет на изготовку, детектив шагнул внутрь и осторожно заглянул в открытую дверь справа. Пустая кухня, гора грязной посуды в мойке, чашка на маленьком столике. Спрятаться негде. Он двинулся дальше. Где-то в глубине дома играла музыка. Впереди раздался новый крик – теперь уж не ошибешься; однако звучал вопль на сей раз несколько иначе.

В трех шагах по обе стороны находились еще две закрытые комнаты. На улице едва слышно завывала сирена. Наверное, приближается подкрепление. Ждать в любом случае бессмысленно: крик доносился из-за ближайшей двери, и Натаниэль распахнул ее резким пинком.

В комнате было темно, лишь включенный телевизор бросал мерцающие блики на голые стены. Черт... Вот и источник перемежаемой воплями музыки.

Показывали какой-то ужастик: человек в маске и с крюком вместо руки преследовал визжащую от страха девочку. Натаниэль отвел взгляд от экрана и осмотрел комнату. Почти пусто – лишь диван перед телевизором.

В коридоре застучали шаги, и Натаниэль крутанулся на каблуках. Ага, Бёрк. Он быстро кивнул напарнику, и они встали спиной к спине.

Телевизор работал – стало быть, кто-то его только что смотрел. Заметили копов перед дверью, спрятались в доме? Или побежали за оружием?

На первом этаже осталось одно необследованное помещение, за которым шла лестница на второй этаж.

Натаниэль с напарником прижались к стене по обе стороны от закрытой комнаты. Бёрк взял на прицел лестницу, а Натаниэль, вытянув руку с пистолетом, толкнул дверь. Так, ванная. Отдернуть занавеску, проверить, не затаился ли кто...

– Чисто!

На полочке над раковиной он заметил флакон с пилюлями. На этикетке с рецептом прочел имя – Джонас Кан. Решив не тратить время, вышел в коридор.

По лестнице первым поднялся Бёрк, Натаниэль страховал его сзади.

Снова завывала сирена – уже гораздо ближе. Видимо, подъезжала вторая команда.

На втором этаже они обнаружили три закрытых двери. Не сговариваясь, разделились, и каждый взял на себя по одной комнате.

Натаниэль шагнул к помещению справа, и за спиной у него хлопнула выбитая пинком дверь.

– Чисто! – крикнул напарник.

Натаниэль повернул дверную руку и ворвался в комнату. Спальня, большая кровать, внушительный шкаф. Держась спиной к входу, детектив быстро проверил пространство за кроватью; под ней никого не было. Внизу продолжал орать телевизор – теперь из динамика доносился рев бензопилы. Снова визг, тревожная музыка... Он открыл шкаф, и палец невольно прижал спусковой крючок. Черт, человек?.. Нет, пальто на вешалке.

– Чисто!

Натаниэль вышел из спальни и шагнул к последнему помещению. Бёрк уже стоял рядом, прижавшись к стене. Дверь отличалась от остальных. Хм, тяжелый засов со стороны коридора... Наверняка тут и держали пленницу.

Он рывком открыл комнату, и Бёрк прицелился в дверной проем.

Девчачья спальня. Розовое постельное белье, кое-какие игрушки на полках. Бёрк прошел внутрь, проверил под кроватью и оглянулся.

– Чисто...

Натаниэль снял палец со спускового крючка и расслабился. Дом был пуст.

Переступив порог, он подошел к окну, задернутому желтыми занавесками, и отдернул их в стороны. Точно – отсюда были видны и тыквы, и баскетбольный щит, и все остальное хозяйство, которое Кэти хранила в коробке из-под обуви.

Вот здесь она и провела полтора года. Натаниэль проверил раму окна. В просверленное отверстие забит толстый металлический штырь – не откроешь. Если Кэти и решилась бы выпрыгнуть со второго этажа, шансов вылезти в окно все равно не было.

К дому подъехала машина второй команды, и из нее выскочили два инспектора с оружием на изготовку.

– Скажи им, пусть еще раз проверят двор, – попросил напарника Натаниэль. – И улицу тоже. Вдруг он нас услышал и сумел выбраться наружу?

Бёрк поднес ко рту рацию и вышел из комнаты.

Натаниэль принялся мерить тяжелыми шагами спальню. Особо не походишь – кровать занимала почти все место. Три шага в один конец, три – в другой. Неужели Кэти жила тут пятнадцать месяцев? Каково было маленькой девочке каждое утро просыпаться в этой кровати без мамы, без папы, сознавая, что ей предстоит провести взаперти еще день?

Ему стало не по себе. Музыка внизу изменила тональность. Криков стало больше, слышался безумный смех. Натаниэль стиснул зубы.

Бёрк вернулся в комнату и доложил:

– На заднем дворе просто свалка. Куча мусора, да еще какой-то сарай.

– Внутри проверил?

– Там висячий замок на дверях.

– Значит, он смылся?

– Окна закрыты, второго выхода нет... – Бёрк пожал плечами. – Если сбежал при нас – то крался, что твой индеец. Наши ребята прочесывают улицу; полиция Джаспера тоже подключилась, помогают.

Из телевизора на первом этаже донесся какой-то грохот, за которым последовали вопли и жуткий рев.

Натаниэль сжал кулаки. Шум мешал сосредоточиться.

– Черт, мы его упустили...

Глава 42

День похищения

Робин жалела, что не назначила сеансов на первую половину дня – очень уж одиноко. Зря не договорилась встретиться с Мелоди за ланчем. Хоть бы отец забежал в гости, что ли...

Подобное чувство возникало у нее нечасто, даже во время карантина. И Эвана она спокойно отпускала в недельные туры по работе. К Робин приходили маленькие пациенты, она много общалась с их родителями; опять же вокруг постоянно крутился Менни, пуская слюни на туфельки, когда его чесали за ухом...

Однако в день исчезновения Кэти, когда весь город ушел на поиски, чувство одиночества охватило ее с необычайной силой. Дурацкое ощущение – сродни страху. Точно так же сосет под ложечкой, перехватывает дыхание, хочется, чтобы с тобой поговорили, приобняли, утешили...

Положив ладонь на живот, Робин попыталась успокоить еще не родившегося ребенка. Чувствует ли он негативные эмоции мамы? Возможно, переживает. Дай бог, чтобы она ошибалась. У нее некоторое время назад установилась прочная связь с растущим в животе плодом. А Кэти уже семь – наверняка у нее связь с Клэр намного сильнее. Каково родителю потерять дитя?.. Зря задала себе этот вопрос: в груди сразу зародился приступ тревоги.

Нет, ничего хуже быть просто не может.

Робин с утра сходила в контору шерифа – вдруг получится чем-то помочь? Внутри пройти побоялась – уж больно тесное пространство, а народа много, пусть все и в масках. Не успеешь оглянуться, как подхватишь вирус. Заболеть она себе позволить не могла. Во время беременности – точно нет. Пришлось постоять снаружи, прислушиваясь к разговорам. Вот тогда и подкатило одиночество. Вроде как все при деле, а она сама по себе.

Народ начал расходиться, и Робин заметила сестру. Та помахала издали, потом подошла и рассказала, что каждому выделили зону для поиска. Робин тоже хотелось принять участие, однако Мелоди заверила: людей и без того хватает, тебе, мол, здесь делать нечего.

И она отправилась домой. Затем вывела Менни погулять в парк. Как знать, не возьмет ли след? Пес и вправду взвыл и, неистово потянув поводок, бросился в кусты. Робин заторопилась за ним – вдруг он там унюхал лежащую без сознания Кэти? Конечно, она серьезно не пострадала, так что все будет хорошо... Но, разумеется, никого Менни не нашел, кроме белки. Пометил одно дерево, потом пять минут крутился у другого.

Робин стало жутко оставаться одной. В Бетельвилль пришло зло. Мало ли что с ней здесь может приключиться?

Они побежали домой. Робин позвонила мужу, однако тот, как нередко случалось последнее время, отделался несколькими односложными фразами.

Она засела в гостиной, все больше погружаясь в напоминавшее страх одиночество.

Глава 43

Натаниэль открыл нижний ящик комода в главной спальне. Носки, белье... Он аккуратно перебрал вещи в поисках тех секретов, что люди обычно держат в подобных местах. Наркотики, оружие, порнография... Почему такие гнусные тайники всегда организуют среди носков и трусов? Никому не приходит в голову спрятать кокаин между шортов и брюк.

Впрочем, здесь он ничего не обнаружил, кроме пыли, ниток и ворсинок. Видимо, Джонас Кан хранил свои грязные секреты на первом этаже.

Натаниэль спустился по лестнице и присоединился к Бёрку, ожидавшему в комнате с телевизором. Звук напарник наконец приглушил, лишь по экрану мелькали кровавые кадры фильма ужасов.

– Ничего не нашел? – спросил Бёрк.

– Наверху – ничего. А ты? Что-нибудь слышно?

– Опросили соседей. Кан – темноволосый белый парень лет двадцати пяти или тридцати. Водит зеленую «Хонду Цивик». Соседи даже вспомнили несколько цифр номерного знака, так что я уже озадачил оперативную группу. Говорят, его часто не бывает дома. Никто с ним не общался, лишь обменивались приветствиями. Один мужчина заявил, что Кан не слишком дружелюбен.

– Оперативная группа еще никакой информации не дала?

– Пока ничего дельного нет. В системе вообще никаких сведений о Джонасе Кане из Джаспера.

– Может, живет по поддельным документам?

– Не исключено. Наши работают, связываются с полицией штата, Индианаполиса и с федералами.

– Просто греет душу, как этот урод нас всех объединил...

Натаниэль осмотрелся в комнате, стараясь не обращать внимания на телевизор. В углу стоял сейф, над ним висела полка со стопкой книг. Кресло перед теликом, рядом – маленький круглый столик с упаковкой салфеток и флаконом увлажняющего крема, от противного мускусного запаха которого Натаниэля начало подташнивать.

– Итак, что мы имеем?

– В основном какую-то странную хренотень. Во-первых, вот это. – Хмыкнув, Бёрк указал на телевизор.

– Ужасики...

– Телевизор подсоединен к ноутбуку, и это не просто фильм ужасов.

– То есть?

– А ты посмотри внимательно.

Натаниэль уставился на экран, где одна сцена сменила другую. В кровати спал подросток с портативным телевизором на груди. Из-под матраса вдруг вынырнула рука в перчатке, схватила парня и утащила в разверзшуюся посреди постели дыру.

– Знакомый фильмец, – заметил Натаниэль. – «Кошмар на улице Вязов».

В детстве этот ужастик он смотрел не раз. Ну да – из кровати прямо в потолок, презрев законы притяжения, ударил фонтан крови. И страшно, и смешно.

«Улица Вязов» вдруг куда-то исчезла, и пошел совсем другой фильм. Его Натаниэль раньше не видел, однако количество крови и здесь было ужасающим. Он уставился на экран, не в силах отвести глаза. Снова мигнуло что-то вроде склейки, и замелькали кадры новой картины, теперь на китайском.

– Ничего не понимаю, – признался Натаниэль.

– По-моему, это нарезка, – объяснил Бёрк. – Сцены из фильмов ужасов, причем очень жуткие.

– И сколько, интересно, она идет?

– Шесть часов сорок семь минут.

– Почти семь часов дикого бреда? Да кто это будет смотреть? – У него вдруг возник неприятный вопрос. – То есть кому вообще захочется заниматься подобной гадостью?

– Джонасу Кану, наверное. – Напарник пожал плечами.

Натаниэль снова окинул взглядом кресло и столик с кремом и салфетками. Ах вот оно что... Джонас Кан составил подборку любимых эпизодов из махрового хоррора с бесконечной сменой кошмарных, кровавых, безумных сцен. Сидел здесь, наслаждался просмотром. Возбуждался, черт возьми! Флакон с кремом наполовину пуст. Времени за телевизором он проводил немало...

– Мне не хотелось самому ковыряться в ноутбуке, – заговорил Бёрк. – Лучше оставить его криминалистам. В ящиках тумбочки под телевизором полно дисков и старых видеокассет. Я даже нашел заросший грязью видеомэгнитофон. Судя по наклейкам – сплошной хоррор. Кое-что я вспомнил: у него куча классики. «Пятница, тринадцатое», «Кошмар на улице Вязов», «Челюсти». Но в основном вообще незнакомые фильмы. «Кровавая баня в городе психов», «Оленьи рога», «Один в доме с привидениями»... Слышал о таких?

Натаниэль лишь покачал головой.

– Да, фаната хоррора из тебя не получится.

– Не знаю, что сказать... – Натаниэль подошел к книжной полке. – Порой не возражаю посмотреть ужастик. Но здесь совсем другое. Кровища, и всё. Ни саспенса тебе, ни страха.

– Такой у него заменитель порнухи, – предположил Бёрк.

– Точно. Никто ведь не смотрит порно ради диалога между разносчиком пиццы и скучающей домохозяйкой.

Натаниэль провел пальцем по корешкам книг. Ну и названия! «Фильмы-слэшеры», «Фильмы ужасов», «Как написать сценарий к хоррору»... Несколько биографий – Хичкока, Стивена Кинга, Уэса Крейвена.

За книги, ближе к стенке, были задвинуты несколько тетрадок со скрепленными металлической спиралью обложками. Натаниэль извлек их из полки и открыл первую попавшуюся. Страницы, испещренные неразборчивой писаниной, даты, заметки... Он перекинул несколько листов.

– Бёрк, смотри.

Напарник подошел ближе, заглянул через плечо Натаниэля и присвистнул:

– Ничего себе!

– Похоже на дневник слежки за женщинами, – сказал Натаниэль.

Некоторые записи просто констатировали факт слежки:

МК уехала с мужем в четверть одиннадцатого, вернулась в двенадцать сорок пять.

РП все утро сидела дома. В одиннадцать сорок пять задернула занавески.

Были заметки и другого типа, содержащие целые абзацы. Снова едва читаемые каракули. Похоже, некоторые наблюдения Кан излагал в

форме сценариев:

Натура: жилой дом.

Камера следует за ХП. Та выходит в ночь. На ней короткая юбка, демонстрирующая длинные ноги.

Камера разворачивается: в кадре следящий за девушкой мужчина.

Следует перемотка вперед. ХП возвращается с подцепленным в баре парнем. Она пьяна – долго целится ключом в замочную скважину. Парень не перестает лапать ее задницу.

– ХП, – мрачно пробормотал Бёрк, и Натаниэль кивнул.

– Хейли Паркс... Значит, он за ней следил до того, как схватить.

– Еще и сценарий фильма писал с беднягой в главной роли...

На некоторых страницах Кан делал рисунки на полях – вероятно, просто коротал время. В основном изображал, причем довольно паршиво, замученных или мертвых женщин. Впрочем, один из нарисованных трупов здорово напоминал Хейли Паркс.

В тетрадах еще предстояло разобраться досконально. Натаниэль положил их на столик и случайно бросил взгляд на его ножку. Присев, попросил напарника:

– Бёрк, можешь достать пинцет из тест-набора?

– Ага, сейчас.

К ножке столика пристали два слегка колышущихся от движения воздуха длинных волоска. Натаниэль не отрывал от находки взгляда, опасаясь, как бы ее не сдуло на ковер.

– Давай еще пакет для улик.

Бёрк пристроился рядом и осторожно подцепил волоски пинцетом.

– Длинные. Вряд ли принадлежат Кану – у него-то волосы темные, короткие, а эти светлые.

– А здесь у нас что? – Натаниэль указал на место, где волоски склеились. Какая-то темная корочка... – Не кровь ли?

Бёрк вытащил маленький фонарик и подсветил улики.

– Да, похоже на то.

Он убрал волосы в пакетик, а Натаниэль поднялся и пригляделся к сейфу. Убийца брал сувенир у каждой жертвы – отрезал пряди волос. Уж не там ли они хранятся?

– Надо открыть этот ящик.

– Я сообщил криминалистам, что у нас тут сейф, – кивнул Бёрк. – Но, знаешь... Похоже, волосы здесь остались не случайно.

Натаниэль поежился – словно слизняк прополз по коже.

– Значит, он сидит в кресле и...

– ...и смотрит свою порнуху ужасов.

– Возбуждается...

– ...и решает придать остроты происходящему. Открывает сейф...

– Осматривает трофеи.

– Выбирает подходящий и тащит его с собой в чертово кресло.

– Наверное, держит их в пластиковых пакетиках для сохранности.

– Точно. Вытаскивает, играет с ними, нюхает. Засовывает лапу в штаны...

– Хватит, Бёрк! – резко сказал Натаниэль – уж слишком наглядно предстала перед глазами мерзкая картина. – Мне нужно на воздух.

Он бросился к дверям, задерживая дыхание, словно сама атмосфера в доме была заражена гнусным духом убийцы. Оказавшись на улице, глубоко вдохнул и невольно разозлился на себя. Видывал всякое – бывало, что и похуже. Например, на прошлой неделе. Так какого же черта?

В глубине души он понимал: все дело в Кэти. Урод удерживал здесь маленькую восьмилетнюю девочку. Робин рассказывала, что на одном из сеансов бедняжка разыграла сценку, где Джокер привязал пластмассовую малышку к столику перед телевизором. Неужели Кан заставлял ее смотреть чудовищную нарезку вместе с ним? Милый семейный вечер у экрана...

Задумавшись, Натаниэль прошел на задний двор. Что-то здесь должно быть – ускользающая от внимания подробность, которая прольет свет на происходившие в доме события.

Двор был завален мусором – пустыми банками из-под пива, ржавыми садовыми инструментами, битой плиткой и прочим хламом. В углу пристроился ветхий сарай с когда-то крашеными стенами. На двери, как и говорил напарник, висел замок.

Натаниэль приблизился к сараю, внимательно его осмотрел и задержал взгляд на щели между задней стеной и забором. Одна из деревянных досок у пола развалюшки выломана. Рядом – кучка рыхлой земли.

Он протиснулся в тесное пространство между сараем и оградой, нагнулся и заглянул сквозь пролом, подсветив фонариком на телефоне.

Грязный матрас на полу, рядом – ведро.

Натаниэль судорожно вздохнул. Вероятно, время от времени Кан переводил ребенка из запертой комнаты в этот амбар. Допустим, в качестве наказания. И вот как-то ночью изголодавшаяся, отчаявшаяся Кэти умудрилась выбить прогнившую доску. Потом долго копала, пока не сумела проползти в дыру. Он вспомнил обломанные ногти девочки и царапины на спине. Понятно, откуда, – ей ведь пришлось пролезать через ошестинившийся острыми щепками пролом...

Через пятнадцать долгих месяцев она оказалась на свободе.

Натаниэль сделал несколько снимков сквозь дыру в стене, сфотографировал и сам пролом. Надо показать Бёрку.

Напарник все еще стоял в гостиной, листая тетради.

– Бёрк, смотри. По-моему, я выяснил, как Кэти сбежала...

– Это ты смотри, – перебил его напарник.

– Что там?

Натаниэль взгляделся в страницу, на которой задержался Бёрк. Некоторое время шевелил губами, разбирая корявый почерк. Короткие записи, против каждой – дата и время. Так, последняя заметка сделана совсем недавно.

К целый день сидела дома.

К пошла в парк.

К сегодня встречалась с РХ.

У РХ с утра было три пациента.

РХ в обед отправилась в кафе.

– «К» – вероятно, Кэти? – спросил Бёрк.

– Да, – согласился Натаниэль, чувствуя, как забухало в груди сердце. – А «РХ» – Робин Харт.

Глава 44

Натаниэль прижал телефон к уху. Гудки, гудки... Робин трубку не брала.

За последний час он уже трижды пытался с ней связаться, и каждый раз безуспешно.

Возможно, у нее самый разгар сеанса, но черт возьми! Увидев в журнале инициалы Робин, Натаниэль не мог успокоиться. Одна дома, не подозревает, что за ней следит серийный убийца... Наверное, он и сейчас поблизости – заглядывает в окно или следует по городу за ее машиной!

Натаниэль покачал головой. Не нужно впадать в паранойю. В полицейское управление Бетельвилля и шерифу он позвонил без промедления. Попросил присмотреть за Робин и Кэти, отрядить копов на улицы перед их домами. А сперва – убедиться, что обе живы и здоровы.

Тем временем оперативная группа занималась организацией розыска Джонаса Кана. При наличии нескольких цифр номерного знака и общего описания внешности поимка преступника – дело времени.

Последние записи в журнале были сделаны три дня назад и содержали наблюдения о прогулке Робин с собакой. Судя по хронике, Кан шел за ней на порядочном расстоянии. Следующего журнала они с Бёрком не обнаружили, однако Кан мог взять его с собой. Если так – значит, он снова уехал следить за Робин.

Натаниэль опустил телефон в карман и снова пролистал одну из тетрадей, прислушиваясь к негромкому разговору неторопливо прочесывающих дом криминалистов.

Джонас Кан следил за каждой из своих жертв месяцами и лишь потом наносил удар. Преступник был педантичен и осторожен, однако этим дело не ограничивалось. Похоже, он писал сценарий и четко соблюдал последовательность действий, через этапы не перескакивал. Что касается Робин, заметки велись на протяжении двух с половиной недель. Какой смысл Кану нарушать установленный порядок? Вряд ли угроза нависла над Робин прямо сегодня.

Только бы она взяла трубку...

Внимание Натаниэля привлекло движение на экране, и он присмотрелся к разворачивающемуся там действию – кровавому и непристойному людоедскому ритуалу. Среди кадров, мелькавших в телевизоре с момента их вторжения в дом, попадались и знакомые. Часть этих фильмов Натаниэль видел еще подростком, но одна сцена его чем-то сегодня зацепила. «Пятница, тринадцатое»...

Когда же она попала в нарезку? Минут двадцать-тридцать назад? Натаниэль подошел к ноутбуку и включил перемотку. Перед глазами замельтешили жуткие кадры: отрубленная нога, ухмыляющийся Чаки, бегущая по лесу девушка... Черт, да где же тот эпизод?

Да вот же он!

На экране появился человек в костюме. Натаниэлю смутно вспомнилось – вроде бы учитель? Не важно. Сейчас персонаж лежал с окровавленным лицом в переулке. К нему подошел Джейсон, поднял и перевалил в бочку с ядовитыми отходами. Учитель сопротивлялся, однако Джейсон крепко держал его за ноги.

Точь-в-точь убийство Мэнди Росс...

Эпизод сменился другим, однако Натаниэль нажал на обратную перемотку и просмотрел его второй раз, а затем третий. Мэнди, как под копирку, разве что в сцене из фильма персонаж в мужском костюме.

О господи... Мужчина в костюме? Да это же Мистер Монополия, которого утопила Кэти! А убийство Мэнди произошло уже после соответствующего сеанса у Робин.

Нет, Кэти не видела, как Кан топит человека в бочке, зато смотрела «Пятницу, тринадцатое» в этой самой гостиной.

Значит, она показывала Робин сцены из нарезки Кана, которую тот заставлял ее просматривать снова и снова?

Не факт. Кэти разыграла всего четыре эпизода с убийствами, и три из них совпали с реальными событиями. За четвертый эпизод Натаниэль считал рисунок. В нарезке несколько сотен жестоких расправ. Вероятно, Кан демонстрировал девочке другую, более короткую коллекцию. И вот ее-то действительно изучал регулярно, планируя свои преступления. А Кэти каждый раз была рядом, и сцены навсегда запечатлелись в ее памяти.

Убийство дрелью, отсеченные конечности, удар ножом, перекинутая через сук веревка, утопление в ванне... Ничего удивительного, что разыгрываемые Кэти чудовищные сценарии оказались столь непохожими один на другой, однако проработаны они были тщательно. Кан воспроизводил в своей преступной деятельности эпизоды из фильмов.

Натаниэль резко развернулся и крикнул:

– Бёрк!

Крикнул – и замолчал, покосившись на ноутбук. Первый раз обратил внимание, что на нем мигает маленький индикатор.

Мигал он с самого начала, однако теперь, пока Натаниэль стоял в раздумьях, лампочка погасла. Повернулся позвать напарника – и индикатор включился вновь.

– Вот черт... – пробормотал Натаниэль.

В гостиную вошел Бёрк.

– Чего звал?

– Быстро, выходим, – нервно сказал Натаниэль, схватил Бёрка за руку и вывел из комнаты.

– Какого дьявола? – Тот вылупился, наблюдая, как напарник закрывает дверь.

– А вот какого, – Натаниэль покачал головой. – Во-первых, я понял, что Кан при убийствах воспроизводит сцены из ужастиков. Эти нарезки смотрела и Кэти, наблюдала, как Кан строит планы. Поэтому она и знала о гибели Мэнди Росс, хотя та была еще жива.

– Да, пожалуй... – Бёрк вдруг схватил Натаниэля за руку. – Погоди-ка! Хейли Паркс...

– Что Хейли Паркс?

– Ее ведь пырнули ножом, а потом повесили, как ту девушку в «Крике», помнишь?

– Не помню, – пробормотал Натаниэль, но ему стало не по себе.

– Я этот фильм сто раз смотрел. Там точно было такое убийство. Я...

– Ладно, проехали. Во-вторых, на ноутбуке горит индикатор. Когда я стоял неподвижно, он потух, как только пошевелился – замигал снова.

– Значит, – напарник нахмурился, – он работает наподобие датчика движения?

– Ну да. Каждый раз включает функцию записи. И, вероятно, посылает предупреждение своему владельцу, и запись вдобавок.

– Выходит, Кан знает о нашем присутствии в доме... – Бёрк поник. – Значит, сюда он не вернется.

– Если к нему поступает еще и звук, то он слышал наши разговоры. – Натаниэль попытался восстановить в памяти их диалог. – Кан теперь в курсе, что мы его разыскиваем. Он будет более осторожен и в то же время может пойти на отчаянные шаги.

– Надо срочно сообщить Клафлину, – сказал Бёрк.

Натаниэль кивнул и тут же взялся за телефон. Не успел набрать номер, как тот звякнул. Номер незнакомый...

– Алло?

– Детектив Кинг? Привет, Джефф Прайс на проводе. Ну, шериф из Бетельвилля.

По спине Натаниэля пробежал холодок.

– Что у вас, шериф?

– Я несколько раз подъезжал к дому Робин Харт, однако на стук она не отвечает и телефон не берет.

– Я тоже пытался с ней связаться. Возможно, у нее пациент?

– Боюсь, нет, – с явной тревогой ответил шериф. – Ее собаку заметили у местного кафе. Бродит без хозяйки...

– Вас понял. – Натаниэль стиснул телефон.

– На ошейнике у пса болтается поводок.

Глава 45

В голове у Робин гудело, болел живот; одна за другой накатывали волны тошноты. Черт, сколько же она выпила? Целую бутылку, пусть и с помощью Мелоди... Хотя стоп. С сестрой-то она встречалась позавчера. В чем же тогда причина? Может, простыла? Руки-ноги холодные, все тело ломит... Робин пошевелилась в постели.

Что-то не так...

Похоже, она вовсе не в своей кровати? Еще и руки застряли за спиной – во всяком случае, ей никак не удавалось переместить их в естественное положение.

Мир вокруг раскачивался. Она поморгала, пытаясь навести резкость. Темно, надо включить свет... Черт, руки так и не двигаются! Робин попыталась передвинуться и ударилась обо что-то щиколоткой. Да что за дьявол? Еще и уши закладывает от непонятного шума. Какой-то грохот... Вроде бы знакомый звук, однако определить его природу она не могла.

Нужно отдохнуть... Робин снова начала медленно проваливаться в сон.

Ах, вот что это за грохот – просто дождь барабанит по жестяной крыше. Ну да, знакомый звук. В детстве окна ее комнаты выходили на сарай во дворе, и Робин порой лежала в постели, прислушиваясь к стуку дождевых капель по звонкой кровле. Так она снова в своей детской кроватке?

Хотя отец ведь давно снес старый сарай. Нет уже ни сарая, ни крыши. И папы больше нет...

Робин попыталась сесть, однако без помощи рук не смогла. Ударилась макушкой. Да что за... Испугавшись, она закрутилась, снова стукнулась лбом, затем коленом. Какое-то замкнутое пространство!

Дождь все стучал и стучал. Какого черта?

У нее в голове начали всплывать обрывки воспоминаний о сегодняшнем дне. Ходила на прогулку с Менни, так? Вышла немного раньше обычного – уж больно угрожающе хмурилось небо. Двигались они по парку спортивным шагом, под ногами хлюпала перегнувшаяся

листва, моросил мелкий дождик. Менни бросился в кусты, она попыталась его оттащить, но пес, похоже, унюхал то ли белку, то ли еще какую живность. А потом...

Потом ее вроде кто-то схватил? Прикрыл лицо тряпкой с противным химическим запахом.

Боже, как кружится голова, а устала так, словно таскала мешки...

Дождь продолжал барабанить прямо над головой, и Робин свернулась калачиком. Чувствовала она себя неважно – наверное, все же заболела. Надо сказать маме с папой, что завтра школу придется пропустить...

Ее накрыла темнота.

Глава 46

Натаниэль припарковал машину за пикапом шерифа и вырубил сирену. Ехал с бешеной скоростью, и все же добирался до Бетельвилля почти три часа.

Слишком долго. Слишком долго...

Выскочив из автомобиля, Натаниэль побежал по раскисшей тропе, ведущей в глубь парка. Дождь тут же промочил его с головы до ног. Пришлось двигаться на звук – где-то вдалеке бубнили голоса и хрипели рации. Наконец он добрался до места, где топтались шериф и два патрульных, и представился:

– Детектив Кинг.

Шериф кивнул и протянул ему руку.

– Джефф Прайс. Рад, что вы прибыли.

– Телефон нашли здесь?

– Ну да. – Шериф указал на ближайшие кусты. – Шли по геолокации, спасибо сотовой компании. Потом набрали номер и обнаружили ее аппарат в зарослях.

– Примерно известно, когда она пропала?

– Если судить по данным сотового оператора, то из дома Робин вышла около половины четвертого. До парка – пятнадцать минут пешком. Пес объявился у кафе без четверти пять. Пока не знаем, что именно случилось, но получается, что она исчезла с радаров около четырех.

Натаниэлю стало не по себе. Робин отсутствует уже слишком долго.

– Свидетелей нет?

– Здесь довольно безлюдная часть парка, а к четырем дождь усилился, так что бегуны и велосипедисты разбежались по домам.

Прайс махнул рукой, приглашая Натаниэля следовать за ним, отвел его в сторону и указал на несколько отпечатков ботинок в сырой почве, уже заполнившихся водой.

– Видите? Следы идут вдоль дорожки, а вот тут становятся глубже. Судя по всему, парень пришел налегке, а ушел уже с грузом.

– Значит, он напал на Робин, а потом унес ее отсюда?

Натаниэль осмотрелся, пытаясь представить произошедшее в подробностях, и во рту у него появился горький привкус.

– Следы ведут к дороге. Там в грязи остались свежие отпечатки автомобильных шин.

– Удалось их идентифицировать?

Наверняка «Хонда Цивик»...

– Отправили снимки в лабораторию.

– Дом проверили?

– Сейчас проверяем. У сестры Робин имеется запасной ключ, она нам и открыла.

– Следы крови, признаки борьбы?

– Ничего такого.

– Криминалисты выехали?

– Да, и я связался с вашим шефом, Клафлином. Он послал сюда целую группу, в том числе федералов.

Над их головами раздался удар грома, и дождь полил еще сильнее. Натаниэль укрылся под деревом, однако срывающиеся с листвы тяжелые капли то и дело падали на макушку.

Достав телефон, он набрал номер Бёрка.

– Да, – ответил тот сквозь рев мотора – похоже, был в пути. – Ну что, добрался?

– Уже на месте. – Натаниэль смахнул с лица воду. – Ее захватили в парке. Свидетелей пока не нашли.

– Я еду в Индианаполис, присоединюсь к оперативной группе. Минут через двадцать буду там.

– Хорошо. Сообщи, когда прибудешь.

– Ладно. Посмотрел еще журналы Кана. Первое упоминание о Робин там появилось около месяца назад. Он следил за Кэти и Клэр, довел их до дома Робин, а уже через три дня начал наблюдать за ней. Похоже, он одновременно занимался девочкой, Робин и Мэнди Росс.

– Выходит, что так.

– Потом разделался с Мэнди, и целей осталось две. Последние записи посвящены уже исключительно Робин.

– Значит, к Кэти он интерес потерял... – Натаниэль вздохнул. – И после убийства Мэнди у него остался единственный проект.

– Звучит разумно, однако... В его журнале фигурирует порядка двадцати женщин. Убил он лишь четырех, насколько нам известно. Не

торопился, следил за каждой жертвой месяцами, изучал их привычки, так что за Робин на самом деле ходил не очень долго. Похоже на внезапное изменение модели. Утратил осторожность?

– Не знаю. Не исключено.

– Возможно, какой-то поступок Робин заставил его ускориться, – предположил Бёрк.

– Вряд ли... – Натаниэль вдруг побледнел и вынужден был опереться о дерево. – Это мы, Бёрк. Он не планировал форсировать события. Следил за ней в обычном режиме. А потом приложение с ноутбука известило его о нашем визите.

– Вот дьявол! Наверное, ты прав, – ахнул Бёрк. – Значит, Кан сидит в машине у кабинета Робин. Потом к нему прилетает запись, и он видит, что мы у него в доме. Понимает: его вычислили, и времени практически нет.

– И впадает в отчаяние: сейчас или никогда. Хватает Робин, как только выдается удачный момент. Видимо, собирается покончить с ней как можно быстрее...

– Слушай, он мог убить ее прямо в парке.

– Нет, у него ведь сценарий... – Натаниэль ощутил, как закипает мозг. – Кан намеревается воспроизвести эпизод из ужастика, верно? Мы знаем минимум одну сцену, которую он еще не разыграл, – ту, где убийца топит жертву в ванне. Вот чего он хочет.

– Сомневаюсь, что он планирует утопить Робин в ванне, – возразил напарник.

– Почему?

– Я запустил его нарезку на перемотке – пытался обнаружить совпадения с некоторыми «глухарями», а заодно со сценками, которые демонстрировала девочка. Кое-что выяснил: убийство Хейли Паркс, как я уже говорил, – заимствование из «Крика». Насчет Мэнди Росс ты угадал – «Пятница, тринадцатое». С Синтией Роджерс Кан расправился по образцу «Города грехов». Отрубил конечности, всё один в один. А Бассет досталась сцена из «Убийцы с электродрелью». В нарезке есть единственный фрагмент с ванной.

– Ну, говори уже.

– Из фильма под названием «Кислотная купель».

Натаниэль прикрыл глаза и сжал кулаки. Черт, не время поддаваться эмоциям... Нужно думать! Жизнь Робин сейчас зависит от

его сообразительности.

– Допустим, – сказал он. – Это хорошо.

– Хорошо? Серьезно? Ты вообще меня слышал? Знаешь, что происходит в этом ужастике? Я, наверное, сегодня не смогу уснуть.

– Не дурак, понимаю, – отрезал Натаниэль. – Только Кан в цейтноте, он еще не готов к постановке. Во-первых, ему требуется ванна, во-вторых – кислота. Это технически сложное убийство. Поэтому я и говорю: хорошо.

– А, точно, – обрадовался Бёрк. – Ванной в своем доме он теперь воспользоваться не может...

– И, естественно, дом Робин тоже отпадает. Полиция уже там, так что Кану требуется подыскать другое место, к тому же ему нужна кислота. Мы должны сообразить, где он ее возьмет и какую ванну намерен использовать.

– Я проанализирую его возможные действия с оперативной группой. Но, знаешь... возможно, он решит покончить с Робин иначе. На чертовой нарезке уйма возможных способов.

– Однако убийство в ванне – единственный эпизод, который Кан показал Кэти, однако не воспроизвел в реальности.

– Пожалуй, и тем не менее... Нельзя исключать, что он кого-то уже убил подобным образом, просто девочка не успела разыграть эту сценку для Робин.

У Натаниэля мелькнула та же мысль. Робин рассказывала, что сперва в домике у Кэти было шесть кукол, в том числе и маленькая девочка. Одна за другой игрушки погибали, и теперь их осталось лишь две – девочка и женщина с тортом. Значит, об одном убийстве полиция пока сведений не имела, вот только о каком именно?

– Если повезет, – сказал он, – мы обнаружим его быстро. Полиция штата и федералы уже прочесывают район. Если нет... ванна и кислота – вот и все наши ниточки.

– Ага, – согласился Бёрк. – Дам тебе знать, как только будут новости.

Натаниэль нажал на кнопку отбоя и убрал телефон в карман. С момента исчезновения Робин прошло более четырех часов.

Глава 47

Робин снова открыла глаза. Начали болеть плечи – сказывалось неестественное положение рук. Она покрутилась, пытаясь их высвободить, и ощутила, как в запястьях впились веревки. Так ее связали!

Подкатила паника, и одновременно обострились все чувства. Робин завизжала, ударив ногой в стену своей тесной темницы. Кричала целую вечность – или ей показалось? Еще несколько раз отчаянно махнула ногой. Черт, не важно, куда она попала, но ей надо срочно выбраться на свободу! Ловушка... Извиваясь во все стороны, Робин ударила головой и сжала зубы от ослепляющей боли.

Вконец измучившись, замерла, тихо всхлипывая.

Похоже, некоторое время назад она уже просыпалась? Но была совсем не в себе и, видимо, вскоре снова потеряла сознание. А теперь точно не до сна... Сколько ее держат взаперти? И где?

Дождь по-прежнему бил в жестяную крышу. Хотя нет, какая крыша?

Багажник!

Она в багажнике!

«Надо успокоиться».

Робин начала глубоко дышать и в конце концов сумела собраться с мыслями. Она дрожала, ей было холодно и страшно, однако теперь хотя бы могла размышлять.

В багажниках сейчас делают рычажки, чтобы в случае чего открыть их изнутри, так?

Робин пошарила вокруг, ощупывая стенки багажника кончиками пальцев. Должно быть где-то здесь. Должно...

Есть! Какой-то выступ – может, тот самый рычажок. Она потянула ручку на себя.

Проклятая штука не срабатывала.

Потянула сильнее. Обхватила рычажок всеми пятью пальцами и уперлась ногами в стенку. Скрип, хруст – но и только...

Темнота давила на психику; стало тяжело дышать. Робин вновь закричала, забрыкалась, ушибла ногу, и по ее лицу потекли слезы.

И вдруг крышка багажника распахнулась.

На долю секунды Робин уверилась, что ей удалось сдвинуть с места чертову ручку, и заморгала, вглядываясь в чернильно-черное, затянутое тучами небо. Шел дождь.

Перед машиной стояла темная фигура. Значит, багажник открыли снаружи...

– Ага, прекрасно. Проснулась? Ну, потерпи, недолго осталось – почти все готово.

Говорящий наклонился, и Робин пнула его ногой в живот.

Незнакомец удивленно вскрикнул и отступил на шаг, а Робин тут же попробовала подняться. Оперлась для равновесия связанными руками и выбросила ноги из багажника. Даже успела встать.

В лицо ей врезался твердый кулак, и щеку словно обожгло огнем. Голову отбросило назад, и Робин ударилась о край металлической дверцы. Мир в глазах раздвоился, и она слабо застонала.

– Так-так, – бормотал незнакомец, приходя в себя после пинка в живот. – Давай попробуем еще разок.

Новая вспышка боли... Ее резко дернули за волосы.

– Будешь лягаться – заставлю тебя сильно пожалеть. Поняла?

Робин всхлипнула.

Незнакомец, намотав волосы на кулак, встряхнул ее снова.

– Поняла, я спрашиваю?

– Да! – взвизгнула Робин.

Похититель сжал ее запястье железной хваткой и потянул от машины. Робин немедленно промокла; тело будто покрылось ледяной коркой. Вновь начала терять сознание, однако тут же пришла в себя после очередного жестокого рывка за волосы.

Куда ее привезли? В темноте ничего не разберешь. Вроде бы впереди лучик света... Какое-то строение... Блеснул разряд молнии, и Робин разглядела верхушки деревьев. Лес?

Незнакомец подтолкнул ее вперед, к свету. Хромает – похоже, нога покалечена, – а вот держит крепко. Они вошли в дверь. Маленькое помещение, обшарпанные стены, дырявая крыша. Пол мокрый – видно, дождь заливает в прорехи. Заметив на стене граффити, Робин заморгала.

Та самая развалина, по которой провела ей экскурсию Клэр! Здесь полиция нашла туфельки Кэти.

Похититель снова грубо пихнул ее, заставив пройти через комнату к ванной, которую заливал резким белым светом большой фонарь. В ванне поверх слоя грязи набралось на пару дюймов дождевой воды – к ней незнакомец и потянул Робин.

Она поняла, у кого оказалась в плену. Догадывалась, *что* сейчас случится. Ее утопят в ванне, как в разыгранной Кэти сценке.

Робин рванулась в сторону и попробовала пнуть мужчину по больной ноге. Тот легко уклонился и, отпустив ее запястье, сжал двумя руками горло.

Ей не хватало воздуха, в глазах помутилось и начало темнеть. Робин попыталась бороться, однако сил не осталось. Похититель толкнул ее в грудь, заставив опуститься в ванну. Скоро все будет кончено.

Он вдруг отошел в сторону.

Робин втянула в легкие воздух и закашлялась, разбрызгивая воду. Всего-то несколько дюймов мутной жижи, однако теперь она окончательно промокла, и холод пробрал ее до костей.

Похититель отвернулся, словно потеряв к ней интерес. Робин продолжала кашлять, перед глазами все плыло. Она забарахталась в скользкой ванне, пытаясь выпрямиться. Сесть удалось с огромным трудом, опершись подбородком о бортик.

Похититель возился с устройством, напоминающим туристическую плитку, на которой стояла огромная кастрюля. Газовая конфорка горела, и ревущее пламя лизало дно кастрюли. Мужчина некоторое время наблюдал за плиткой, а затем повернулся к треножнику с установленной на нем камерой.

Робин попыталась мыслить связно, хотя в голове плавал туман – наркотик, которым ее выключили, словно разбивал мысли на мелкие фрагменты. Ее еще не убили. И от дома увезли не слишком далеко. Нужно выиграть время: вдруг копы нападут на след? Или, допустим, мимо кто-то проедет, заметит свет в заброшенной хижине и заинтересуется: кого туда занесло?

Попытаться разговорить похитителя? Пусть изо льет душу. Им явно владеет извращенная навязчивая мания. А ведь многие люди с самоценными идеями обожают ими делиться вслух.

Надо начать с какой-то конкретики: пусть убийца поймет, что Робин многое о нем известно.

Она судорожно вдохнула.

– Синтия была твоей первой жертвой?

Маньяк вылутился на нее и ощутимо напрягся. Ага, имя убитой женщины его озадачило. Прекрасно: следует вселить в похитителя неуверенность, выбить из ритма. Пусть попросит продолжить. Надо заманить его в ловушку сознания и дать полиции время. Робин твердо встретила взгляд убийцы, сжала зубы и велела себе не дрожать. Где-то она видела этого человека... На фото в штаб-квартире полиции в Индианаполисе? Нет, не там.

– Откуда ты знаешь?

Пусть встревожится. Пусть гадает, насколько близок к провалу.

– Мне сказали в полиции.

Убийца безмолвно зашевелил губами, и его глаза забегали. Переваривает информацию... Что сейчас у него в голове? Возможно, он испытал приступ отчаяния. Нельзя ли воспользоваться этой секундной растерянностью?

– Может, ты даже знаешь, как меня зовут? – хрипло спросил он.

Как зовут... Что бы придумать? Робин все еще не могла сообразить, где видела это лицо, и заколебалась. Плохо, если он поймет, что полиция до сих пор его не вычислила.

– Мне не сказали – я ведь всего лишь консультант.

Похититель ухмыльнулся, обнажив зубы.

– Я – Джонас. Джонас Кан.

Внутренности Робин сковал страх. Никогда убийца не представился бы по фамилии, не будь уверен, что ей не жить – тут и гадать нечего. Надо срочно подать ответную реплику. Черт, язык будто онемел...

Кан нахмурился.

– Если от тебя скрыли мое имя, что тебе вообще известно?

Пусть говорит... Ей нужно потянуть время.

– Т-ты... ты убил еще несколько женщин. Хейли Паркс, Г-глорию Бассет... э-э-э... и Мэнди Росс. – Зубы отчаянно стучали, отчасти от холода, но в основном от ужаса. – Зачем ты с ними расправился?

Глянув на свою скороварку, Кан проверил на шкале температуру. Интересно, сколько там? Из ванны не видно.

– Ты ведь психиатр, вот и объясни мне. – Он хмыкнул.

– Я... я н-не знаю. Можешь рассказать с-сам?

– Как думаешь, какой фильм мы тут снимаем? – Он фыркнул. – О самоотверженном секретном агенте, попавшемся в западню, и злодее, по недомыслию выкладывающем свои планы?

Робин уставилась на убийцу. О чем он? Секретный агент, фильм... Похоже, считает себя героем сериала?

– Ты ничего не понимаешь, – быстро и возбужденно продолжил маньяк, выплевывая слова, словно из пулемета. – Это тебе не «Джеймс Бонд» и не «Миссия невыполнима». Вообще не боевик. Да, фильм, только жанр другой. Сообразила какой? Если копы рассказали тебе о моих проектах, значит, и о фильмах тоже...

Глава 48

Натаниэль стоял в кабинете шерифа, пристально изучая большую настенную карту. Бесчисленные опоясывающие город дороги пересекались одна с другой. Настоящий лабиринт, уйма возможностей для побега. По какой из них поехал Кан? Если по 421-й, то рано или поздно копы его остановят. В распоряжении полиции – дюжина машин и два вертолета, прочесывающих окрестности. Здесь ему не прорваться, разве что пересядет в другой автомобиль. Только вот он сейчас в цейтноте – не до того.

Конечно, это шоссе – не единственный путь. Есть много второстепенных дорог и даже грунтовок. Человек, знакомый с местностью, может уехать куда угодно.

Куда же он направился?

В кармане зазвонил мобильник, однако за общим шумом – треском раций, разговорами и дребезжанием офисных телефонов – звонок вполне можно было и не слышать. Но аппарат завибрировал в кармане, и Натаниэль тут же ответил:

– Алло!

– Это я, – прозвучал в динамике голос Бёрка.

Натаниэль заткнул пальцем второе ухо.

– Что у тебя?

– Пока не можем определиться, в какую сторону двинулся Кан. Есть версия, что он забьется в мотель, поэтому проверяем ближайшие к городу.

– Что насчет кислоты?

– Тут такая штука... Вряд ли Кан попытается раздобыть что-то труднодоступное. погоди, сейчас передам трубку парню из Бюро, он тебе лучше объяснит.

– Алло, – прозвучал в ухе Натаниэля суровый резкий голос. – Агент Армстронг на проводе.

– Детектив Кинг, – представился Натаниэль. – Мой напарник говорит – у вас есть информация по поводу кислоты? Я тут планирую проверить на местных химических заводах...

– Нет, не надо, – перебил его Армстронг. – Детектив, вы слышали о Сантьяго Меза Лопесе?

– Не приходилось.

– Это член одного наркокартеля. Лет пятнадцать назад его имя было во всех ориентировках. Кличка – Эль Посолеро...

– Агент, время идет. Какое отношение этот парень имеет к Кану?

– Ну, «Эль Посолеро» примерно переводится как «Варщик жаркого». В общем, парень был киллером. На его счету около трехсот трупов. Тела он уничтожал.

– Так... – Натаниэль прикрыл глаза.

– Знаете, чем пользовался этот тип? Щелочью. Берешь несколько фунтов, смешиваешь с водой, разогреваешь – и запросто растворяешь в получившейся смеси человеческое тело. Конечно, процедура занимает некоторое время, и, если Кан не проявит осторожность, то сам получит серьезные ожоги. Полагаю, действовать он будет именно таким образом.

– Значит, щелочь...

– Ее не очень сложно раздобыть.

– Это правда, – пробормотал Натаниэль. – Спасибо, агент Армстронг.

Нажав на кнопку отбоя, он развернулся, ухватил за руку одного из заместителей шерифа, разговаривающего по телефону, и ткнул пальцем в карту.

– Где тут ближайший хозяйственный магазин?

* * *

Робин внимательно наблюдала за Каном. Тот прикидывался спокойным – дескать, ему все до лампочки, – однако сжал руки в кулаки и сузил глаза.

Она ошибалась. Кан вовсе не собирался разговаривать по душам – просто хотел знать, что именно ей известно. По всей видимости, убийцу интересовало, насколько близко подобралась полиция. Тоже неплохо: пусть спрашивает. Возможно, Робин заставит его занервничать, и он в конце концов допустит ошибку.

Она наконец вспомнила, где видела этого человека. Именно его мама едва не переехала на машине рядом с кафе «У Джимми». Сердце пропустило удар. Случайно ли он там оказался? Или уже выслеживал ее? Ведь больше недели прошло...

– Ну? – повторил Кан срывающимся голосом. – Рассказали тебе копы о фильмах?

О фильмах... Робин бросила быстрый взгляд на камеру. Так он снимает... Сказал, что не боевик. Каждая из его предыдущих жертв была убита сложным и каждый раз изуверским способом. Ну конечно...

– Да, – прошептала она. – Об ужасниках.

Ага, угадала. Кан сжал челюсти и сверкнул глазами. Похоже, думает, что Робин известна еще какая-то информация, оттого и беспокоится. Что же, по его мнению, она знает? Натаниэль ведь рассказывал о расследовании... Черт, как трудно сосредоточиться, когда над тобой нависает убийца, а за его спиной кипит горшок со зловещим варевом! Робин отвернулась и уставилась на стену с грязной плиткой.

Плитка...

Ей вспомнилось, как они стояли здесь с Клэр. Она еще тогда заметила, сколько тут осколков – и часть из них валяется в ванне. Сейчас-то здесь несколько дюймов мутной воды, потому их и не видно. Если этот поддон не выгреб битую плитку, значит, она до сих пор на дне. Осколки с острыми краями...

– Смотри мне в глаза! – зарычал Кан.

Робин подняла взгляд, незаметно шаря связанными за спиной руками по дну ванны.

– Синтия, Хейли, Глория, Мэнди... Прототип каждой из жертв присутствовал в твоих ужасниках, правда?

– Значит, копы поняли...

– Теперь ты производишь еще один фильм?

– Вроде того.

– Полиция все знает. Они в курсе, что ты собираешься утопить женщину в ванне.

– Вот как они решили? – Кан ухмыльнулся.

Робин заскрипела зубами. Неужели ошиблась? Впрочем, опасения отошли на второй план, как только ей удалось нащупать кое-что на

дне. Есть! Она забарахталась, будто пытаюсь обрести равновесие, но на самом деле ухватила искомый острый кусочек. Битая плитка! Робин тронула пальцем зазубренный край. Нет, недостаточно острый, в качестве оружия не используешь. С другой стороны, если хватит времени, можно перепилить веревку...

– Не пойму, зачем ты отрезал у мертвых женщин волосы? – выпалила она первое, что пришло на ум.

Ухмылка убийцы стала шире.

– Когда-нибудь слыхала о фетишах?

К ужасу Робин, он вытащил большой нож и шагнул к ней.

* * *

– Ну да, заходил один парень, прикупил средство для чистки канализации, – неторопливо говорил продавец хозяйственного магазина. – Настаивал на определенном производителе. Я ему ответил – мол, эта марка дороговата, есть кое-что получше, только он меня и слушать не захотел. Сказал – ему нужна стопроцентная щелочь.

– Как он выглядел? – нетерпеливо спросил Натаниэль.

Продавец задумчиво закусил губу.

– Вроде молодой. Промокший насквозь – там ведь настоящий ливень... В куртке.

Потрясающе...

– Волосы какого цвета?

– То ли черные, то ли темно-русые, короткие. Да я особо не присматривался.

– Машину видел?

– Конечно, парень припарковал ее прямо напротив входа. Зеленая «Хонда». Обратил внимание, потому что у тещи точно такая же, я как раз пытаюсь помочь ей продать эту тачку... В общем, я предложил покупателю донести все до машины – заметил, что у него нога не в порядке, – но он отказался. Дескать, сам справлюсь.

– А что с ногой?

– Ну, он здорово хромал, и штанина была вся в крови. Я еще заметил – вам, дружище, нужно в больницу, укус-то что надо, но парень только отмахнулся – мол, ничего страшного.

– Значит, его укусила собака?

– Ага, брюки были порваны, и я разглядел приличную рану. Кровь текла прямо на пол. Пришлось потом за ним прибираться.

Хм, должно быть, подарочек от Менни... Молодец пес!

– Не обратил внимания, куда направился покупатель?

– Ну как же! К своей тачке.

Натаниэль с трудом сдержался.

– Поехал куда, я спрашиваю?

– Да бог его знает... – Продавец заморгал. – Я тут пол притирал, а то как-то не слишком гигиенично...

– Давно он уехал?

Мужчина облизнул губы.

– Давно, несколько часов назад.

Да, от него проку не будет... Может, в соседних магазинах продавцы более наблюдательны? Натаниэль развернулся к выходу и вдруг остановился.

– Сколько щелочи купил тот человек?

– Пару бутылок, в каждой по два фунта.

– Говоришь, он заявил, что дотащит покупки сам? Видимо, приобрел не только щелочь?

– Ну, конечно. Купил генератор питания, топливо для него и болторез. – Продавец снова провел языком по губам. – А, еще фонарь и батарейки, вот.

– Не сообщил, для чего ему это хозяйство?

– Сообщил – вроде как неполадки с электричеством. Я ему сказал – видать, дом-то не фонтан: стоки забиты, плюс электричество не фурычит... Он только усмехнулся – дескать, это цветочки. Домик вообще, можно сказать, разваливается на части.

– Еще что-нибудь рассказывал?

– Мы поболтали насчет щелочи. Я спросил, куда ему так много. Он говорит – канализацию прочистить, а что? Ну как, отвечаю я, некоторые мыло варят, для этого тоже щелочь нужна... Ему подобное применение, похоже, показалось забавным.

– Да уж наверное, – мрачно пробормотал Натаниэль. – Ладно, спасибо.

Выйдя из магазинчика, он достал телефон, включил фонарик и осветил тротуар у входа. Стихия уничтожила почти все следы, и все же

Натаниэль обнаружил искомое: несколько бурых пятен у порога, там, куда не попадал дождь. Подсохшая кровь... Продавец не преувеличил: похоже, у Кана нешуточное кровотечение, и рана наверняка чертовски болит. Далеко в подобном состоянии не уйдешь.

Для чего убийце потребовалась щелочь – понятно. А вот зачем генератор и фонарь?

Куда бы ни забился Кан, электричества там нет – и, соответственно, нет света. Зато ванна, вероятно, имеется, если маньяк не надумал поменять сценарий. Генератор работает громко, значит, место должно быть уединенным, иначе грохот привлечет ненужное внимание. К тому же убежище наверняка где-то близко. Свалка металлолома? Не исключено. Для ужастиков натура вполне типичная, и Кан мог соблазниться. В таком месте болторез точно не помешает.

Натаниэль помассировал переносицу. В Бетельвилле Кан бывал, выслеживая Робин. Ходил за ней почти месяц, но убивать прямо сегодня не собирался. Потом ему пришло извещение с ноутбука. Проверив запись, он обнаружил в доме полицию, после чего действовать пришлось быстро. Напрашивался вывод: убийца решил похитить Робин незамедлительно и покончить с ней, не отступая от первоначального плана.

Его кусает Менни, на пятки насадет полиция. Хм... Неужели при таких обстоятельствах Кан будет шарaxаться по свалке под ливнем, разыскивая выброшенную, но еще пригодную ванну? Нет. С дождя он уйдет. Укроется где-то неподалеку, в хорошо знакомом углу, где есть ванна, но нет электричества. И ему потребуется болторез – иначе не войти...

– О черт, – пробормотал Натаниэль, распахивая дверцу машины.

Это цветочки. Домик вообще, можно сказать, разваливается...

Натаниэль видел фотографии этого дома, когда просматривал дело о похищении Кэти Стоун.

Кан отправился туда, где был почти полтора года назад. В полуразрушенную фермерскую хижину, куда увез Кэти после похищения.

Она взвизгнула и попыталась оказать сопротивление, когда Кан, подняв нож, склонился над ванной. Вторая его рука метнулась вперед, словно змея, и схватила Робин за волосы. Она и опомниться не успела, как убийца отхватил острым лезвием порядочный клочок.

– Хорошо, что напомнила, – усмехнулся Кан, тряхнув мокрой прядью волос. – После съемом подобным сувениром я точно не разживусь.

Робин содрогнулась, и у нее перехватило дыхание. Наверное, осталось несколько секунд – и все будет кончено. Хотя... похоже, немного времени у нее имеется.

Она из последних сил попыталась пристроить острый край разбитой плитки к веревке. Нет, ничего не выйдет. И так было бы трудно, а тут вдобавок ко всему пальцы свело от холода... Слабость и тошнота положения не улучшали.

– Ну, что еще тебе рассказали в полиции? – спросил убийца.

Прядь волос он уже сунул в карман и теперь снова поглядывал на свою кастрюлю, повернувшись спиной к пленнице.

Робин заскрипела зубами, зажав осколок между пальцев и приладив его зазубренной гранью к своим путам. Если удастся перемещать его взад-вперед, через некоторое время она сможет высвободить руки. Вот только как этого добиться? Разве что, отклоняясь назад, давить всем весом на веревку, и разбитая плитка рано или поздно надрежет несколько волокон. А потом Робин сумеет ее разорвать – вроде бы веревка не очень толстая. Она откинулась спиной на стенку ванны и выгнула поясницу. Чертова веревка еще сильнее впилась в кожу.

– Они... э-э-э... говорили, что ты больше года удерживал Кэти в плену.

– Кто говорил? Копы? Или, может быть, девчонка?

Робин могла искать какие угодно способы спасения, однако на Кэти убийцу вновь наводить нельзя.

– У нее речь пока не восстановилась.

– Я знаю, можешь не сомневаться... И все же подозреваю, что с тобой она общалась.

– Нет, Кэти вообще ни с кем не разговаривает.

С осколком плитки у нее решительно ничего не получалось. Робин зажала его крепче. Вдруг на отбитом краешке попадется какая-

нибудь особенно острая зазубрина? Досчитала до трех и снова выгнула поясницу, упираясь ступнями ног в дно. Все мышцы заныли от напряжения.

– Значит, она-таки ничего не рассказывала?

– Кэти не разговаривает, – повторила Робин хриплым от запредельных усилий голосом. – Полиция сама тебя вычислила.

– Хочешь защитить девчонку? – ухмыльнулся Кан.

Робин нервно сглотнула.

– Я говорю правду.

– Впрочем, какая разница? – Убийца пожал плечами. – Мне на нее наплевать. Кэти – не более чем глупая ошибка. Ты мне вот что скажи: если она лишилась дара речи, почему копы пристают к тебе с расспросами?

Робин помедлила, пытаясь выровнять дыхание.

– Они... они надеялись, что мне удастся заставить Кэти пойти с ними на контакт. У меня ничего не вышло, только это не важно. Полиции и без того известно многое.

– Сомневаюсь, – Кан покачал головой. – Они и половины не знают.

О чем это он?.. Явно переживает, как бы копам не стала известна определенная информация – поэтому и задает вопросы. Дело точно не в четырех убийствах и не в похищении Кэти. Тут нечто другое. Возможно, последняя по его чудовищному плану жертва? Та самая, которую Кэти оставила напоследок, – женщина с тортом...

Кан приподнял крышку кастрюли. Комнату наполнили ядовитые пары. До того они пробивались через клапан и вроде не были столь токсичными – а может, просто улетучивались через дыру в кровле... Теперь же в помещении стояла жуткая вонь.

У Робин побежали мурашки по коже, горло охватило огнем. Она надсадно закашлялась, и ее вывернуло наизнанку.

– Пожалуй, готово, – хрипло пробормотал Кан.

Робин вспомнилась сценка в кукольном домике, которую Кэти воспроизвела в ее отсутствие: фигурка Чудо-женщины в ванне со слизью.

Значит, Кан собирается вылить на нее свое варево?

Она бешено задвигалась, пытаясь переточить веревку.

Кан снял кастрюлю с плитки и, повернувшись к Робин, ухмыльнулся. Глаза он слегка прикрыл – вероятно, берег их от мерзких испарений.

– Полиции все известно! – закричала Робин. – Они знают о еще одном человеке!

Убийца встал как вкопанный, затем поставил на пол кастрюлю и присел на корточки перед ванной.

– Что ты там болтаешь насчет еще одного человека? – зарычал он.

– Они знают... знают! Ты убьешь меня, а тот человек останется. Ты и его хочешь прикончить? Не выйдет, копы тебе не дадут. Им все известно.

Кан, продолжая сидеть, долго сверлил ее взглядом и наконец, откинув голову, истерически захохотал.

– Ты ведь меня едва не купила! – выкрикнул он. – Нет, девчонка тебе точно ничего не рассказала... Ах, сука! Все-таки ей удалось сбежать!

Он снова расхохотался – смехом человека, балансирующего на грани безумия.

Робин снова изо всех сил налегла на осколок плитки. Веревка который уже раз впилась в кожу, но на сей раз попала на нужное место зазубренной кромки.

И разорвалась.

У нее был всего один шанс на спасение.

Робин перегнулась через край ванны и схватила дымящуюся зловонную кастрюлю. Попыталась швырнуть ее в лицо маньяку, однако не рассчитала вес. Удалось лишь выплеснуть немного содержимого через край, и все же часть ядовитой смеси попала Кану в лицо, остальное же вылилось на ноги.

Безумный хохот перешел в мучительный вопль.

* * *

Натаниэль гнал машину по темной дороге. Двигатель надсадно ревел, по обе стороны проезжей части смыкались призрачные ряды деревьев. Он вцепился в рулевое колесо и стиснул челюсти. Ехал с

воюющей сиреной и мигающим красно-синим маячком, предупреждая случайных встречных: освободи полосу!

Натаниэль пытался сосредоточиться на дороге и на тех указаниях, что получил от шерифа. Как только отвлекался, сразу невольно представлял себе, что найдет в полуразвалившемся доме. Кан купил щелочь уже несколько часов назад. Значит, Робин может быть уже... уже...

Нет, нельзя поддаваться страшным мыслям. Все внимание на дорогу! Грунтовку, ведущую к старой развалине, в темноте легко пропустить.

Шериф и местная полиция, естественно, тоже были в пути. Однако Натаниэль связался с ними уже после отъезда из хозяйственного магазина, а потому имел приличную фору. Вопрос жизни и смерти – несколько минут могут оказаться решающими.

А могут и не оказаться... Вдруг он опоздал и Кан давно смылся? Тогда останки Робин плавают в искореженной ванне...

Он снова сжал зубы, отгоняя навязчивое видение. Впереди замаячили фары автомобиля, следующего в попутном направлении. Приближались они с пугающей скоростью. Натаниэль ехал слишком быстро.

Но сбавить обороты он не имел права.

Резкий поворот руля – и его машина вильнула на встречную полосу. Натаниэля ослепили фары другого автомобиля – тот летел прямо в лоб. Еще раз бешено крутанув рулевое колесо и раскидав колесами гравий на обочине, он вылетел на свою сторону дороги. Восстановив контроль над машиной, понесся дальше, слыша, как за спиной сигналият ошеломленные водители.

Дорога каждая секунда – вот что сейчас должно было занимать все его мысли.

Если же мгновения уже ничего не решают... Нет, об этом Натаниэлю думать не хотелось.

* * *

Робин, спотыкаясь, выбралась из ванной под ужасающие крики Кана. Она кашляла, ее рвало на ходу; удушливые испарения кипящей

жидкости обжигали горло. Глаза слезились, и дорогу она различала с трудом.

Горела кожа на руке – несколько капель варева попали на тыльную сторону ладони. Ощущение было такое, словно к кисти поднесли зажженную спичку.

Робин застонала, с трудом ковыляя по темной комнате. Добравшись до двери, ударила в нее плечом. Наконец оказалась на улице и тут же поскользнулась в грязи. Упала, стукнувшись спиной, и из легких словно вышибло весь воздух.

Дождь лил стеной. Робин вытянула руку: надо промыть ожог. Не помогло – боль не утихла ни на йоту.

Слава богу, что снаружи темно – не видно, во что превратилась ее кисть...

За спиной раздался шум, и Робин, приподнявшись, обернулась.

В свете, падающем из открытой двери ванной, она разглядела смутную тень. Кан... Идет за ней, хромая. Господи, какие нечеловеческие звуки! Нечто среднее между яростным рычанием и предсмертным хрипом – невнятный, неразборчивый крик.

Робин тяжело поднялась с земли. Бежать, бежать отсюда!

В темноте перед ней поднимался почти невидимый забор. Робин бросилась к нему, хлюпая по грязи, и сжала пальцами металлическую сетку. Надо найти дыру, сквозь которую они пролезли сюда с Клэр! Черт, где же она?

Страшно болела рука, и сосредоточиться не удавалось. Боже, как, интересно, этот безумец вообще держится на ногах?

В небе сверкнула молния, осветив забор и оставшийся слева дом. Кругом лес... Да где же вырезанная секция сетки? Надо идти вдоль ограждения, пока не удастся ее нащупать. Она не может быть...

Над головой прогремел могучий раскат грома, и все ее тело содрогнулось. Робин от страха застыла на месте, не в силах пошевелиться.

Где Кан?

Она бросила взгляд вправо, влево. Не видать... Ее до сих пор трясло, да и дождь лил не переставая – тут ничего не разглядишь и не услышишь. Кан может быть где угодно...

Робин шаг за шагом шла вдоль забора, пытаясь не обращать внимания на пульсирующую в руке боль и собственное надсадное

хриплое дыхание. Что-то вцепилось ей в лодыжку, и она взвизгнула от ужаса. Черт, ветка!.. Робин отшвырнула ее ногой и пошла дальше.

Снова темноту на миг разорвала вспышка молнии, и прямо перед Робин – в каком-то футе – выросла фигура Кана.

Неверный свет тут же сменился тьмой, однако она успела разглядеть зияющие, сочащиеся кровью язвы на лице убийцы и отставшие от щек лоскуты кожи. А его ноги... Господи... Да как он стоит? Как умудряется передвигаться?

Еще и бежит...

Робин развернулась и бросилась в сторону, Кан – за ней, выкрикивая неразборчивые проклятия. Она наткнулась на препятствие, упала, вновь поднялась и метнулась вперед. Снова вспыхнула молния. Вон и знакомый валун – дыра в заборе должна быть прямо напротив. Только бы добежать...

Она угодила ногой в заполненную водой яму и рухнула в грязь. Попыталась встать, но пронзительная боль в щиколотке вынудила ее ползти на четвереньках. Быстрее, быстрее, к валуну... Кан издал сзади жуткий звук – безумный, кошмарный, нечеловеческий смех.

Робин рванулась к валуну, сознавая, что убийца вот-вот ее нагонит. Зашарила пальцами по скользкой грязи. Черт, да где же дыра...

И вдруг наткнулась на горлышко разбитой Клэр бутылки из-под пива.

Кан вцепился грязными пальцами в ее ногу. Робин зажала в пальцах стекляшку, развернулась и, описав рукой в воздухе широкую дугу, закричала.

«Розочка» вонзилась убийце прямо в щеку, и тот, взыв, отпустил лодыжку Робин, а затем отшатнулся, схватившись руками за изуродованное лицо.

Новая молния осветила согнувшегося Кана, прижавшего ладонь к остаткам щеки. И все же с окровавленной, покрытой кровью и ошметками отслоившейся плоти физиономии на Робин продолжал смотреть немигающий глаз.

Кан поднял руку, и над его головой блеснул нож. Защититься Робин не могла никак, лишь отползла на полметра, и убийца бросился вперед.

Раздался грохот, сопровождаемый яркой вспышкой, и Кан рухнул лицом в грязь.

Снова поднялся, не выпуская из руки нож.

Грохот раздался снова, и на этот раз убийца, упав, больше не встал.

Робин не осмеливалась оторвать от него взгляд; дыхание выходило из ее легких судорожными толчками. Сделав над собой усилие, она подняла глаза.

Навстречу шагнула темная фигура. Ее выхватила из мрака очередная молния, и Робин увидела перед собой Натаниэля, целящегося в неподвижно лежащего в луже маньяка.

Глава 49

Робин попробовала пошевелиться. Темно, все тело болит... Что случилось?

Память тут же услужливо подбросила мешанину ужасающих образов. Кан... Он где-то здесь? Куда она попала? Кровать чужая... Робин зашарила в темноте руками в поисках оружия. Все что угодно – лишь бы защититься...

– Робин? Робин!

Голос Мелоди пробился сквозь волны окутывающего ее ужаса. Робин вздохнула, судорожно вцепившись пальцами в простыню.

– Что? – хрипло спросила она. – Где я?

– В больнице, – дрожащим голосом успокоила сестру Мелоди. – Ты в безопасности.

– Что со мной? – прошептала Робин.

Говорить было больно – так саднило горло.

– Ты надышалась испарениями гидроксида натрия.

Теплая ладонь легла на ее запястье, и Робин напряглась, чтобы инстинктивно не отдернуть руку.

– Мои глаза... Я не могу...

– Это просто повязка. Глазам тоже досталось – им нужен отдых. Но доктор сказал, что все будет нормально. Через несколько часов повязки снимут.

Робин охватила паника.

– Точно ничего страшного? Я ведь ничего не вижу...

Мелоди нежно сжала ее руку.

– Уж поверь. Доктор меня обнадежил. Я не выпускала его из палаты, пока не получила полный отчет о твоём состоянии.

Робин кивнула в ту сторону, откуда доносился голос. Ей приходилось наблюдать Мелоди в деле – например, когда Эми госпитализировали с острой ушной инфекцией. Медсестра пыталась отделаться от назойливой мамы общими фразами – вроде как все будет хорошо, – однако та в ярости едва не перевернула больницу вверх тормашками. В итоге прибежали два врача и посвятили Мелоди во все подробности лечения дочери.

– Горло болит, – пробормотала Робин.

– Ну да, гидроксид натрия. Говорят, ожог гортани довольно легкий. Еще у тебя пострадала рука – там все похуже. Рану обработали, но шрам останется.

Робин потребовалось некоторое время, чтобы осознать информацию. Мысли путались.

– Кан... Человек, который меня похитил...

– Он мертв.

– Разве? – Она вздрогнула. – Я помню... он шел за мной, а я никак не могла от него убежать...

– Он убит, Робин. Его застрелил детектив Кинг. Сказал, что Кан совсем мертв – что бы это ни значило.

Робин слегка расслабилась, и сестра погладила ее по руке.

– Сколько времени?

– Половина пятого ночи.

– О... А что ты тут делаешь? Почему не дома?

– Шутишь? – Мелоди фыркнула. – Как я могла оставить тебя здесь в одиночестве?

Робин вдруг напряглась.

– Менни! Он был со мной в парке...

– Менни у меня, спит в комнате дочери. Эми в восторге, можешь не сомневаться. Подозреваю, что пустила его в кровать. Он вышел вечером к кафе Джимми. – Голос Мелоди дрогнул. – Я была просто в ужасе! Кинулась к тебе домой, открыла дверь в присутствии копов, но тебя и след простыл. Полиция нашла в парке твой телефон...

Сестра всхлипнула, и Робин, пошарив вокруг, нашла ее руку.

– Успокойся, я ведь жива.

– Ага, – прошептала Мелоди и шмыгнула носом. – Надо сказать детективу Кингу, что ты очнулась.

– С этим вполне можно подождать до утра.

– Он сидит в зале для посетителей. По-моему, лучше сообщить сейчас.

– А, вот как...

Мелоди осторожно высвободила руку и встала. Робин прислушалась к ее удаляющимся шагам. Открылась дверь, затем захлопнулась, и Робин осталась в одиночестве.

В душу вновь вполз страх. Одна, в незнакомом месте... Глаза завязаны, все тело болит. Сейчас ее можно взять голыми руками – сопротивляться она неспособна.

Но... Кан ведь мертв? Совсем мертв...

Ее сердце бешено заколотилось. Черт, надо быстрее отсюда убираться. Все равно куда, лишь бы оказаться в безопасности...

– Робин...

Натаниэль?

Она судорожно выдохнула.

– Привет...

– Слава богу, вы в норме, – тихо сказал он.

– Мелоди говорит, Кан мертв... Вы уверены?

– Да, на все сто.

– Ладно... – Робин попыталась умиротворить сердцебиение. – Когда он хотел меня убить... едва не проболтался – вроде как есть еще кто-то. По-моему, скрывал нечто очень важное. Может, планировал расправиться с очередной женщиной?

– Ну, – Натаниэль пожал плечами, – теперь Кан в любом случае никому уже не причинит зла. Криминалисты изучают его дом. Если он что-то припрятал – найдут обязательно.

– Кэти знает? – с трудом выговорила Робин.

– Кэти?

– Да, Кэти Стоун. Ей сообщили, что похититель убит?

– М-м-м... Нет, пока нет.

– Надо ей рассказать. – Робин в изнеможении свернулась в калачик. – Объясните бедняжке, что злой клоун ушел навсегда.

Глава 50

Робин открыла пассажирскую дверцу машины и сделала глубокий вдох. Сейчас будет больно...

– Давайте помогу, – предложил Натаниэль, выскочил наружу и, обойдя машину, подал Робин руку.

Он предложил отвезти ее домой из больницы. Мелоди собиралась сама проводить сестру, однако позвонили из летнего лагеря – Лайам ввязался в драку, и его следовало срочно забрать. Она заявила, что немедленно вернется за Робин, однако Натаниэль заверил: он сделает все необходимое, да и Робин сказала, что никакой нужды помогать ей нет. Хотела даже вызвать такси – правда, и Мелоди, и Натаниэль посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

Все же хорошо, что не пришлось добираться одной. Выяснилось, что любое движение причиняет боль. Пытаясь убежать от Кана, она подвернула щиколотку, и теперь каждый шаг давался ей с трудом.

Робин оперлась о сильную мужскую руку, и Натаниэль помог ей выбраться на подъездную дорожку. Прикусив губу, она осторожно поставила ногу на землю.

– Ага, хорошо... Теперь нужно забрать сумку из багажника.

– Не переживайте, – успокоил Натаниэль. – Сначала пройдем в дом, а потом я принесу ваши вещи.

– Договорились.

Она повисла на своем спутнике. Тот не торопился и терпеливо вел ее к двери.

– Ах ты ж, – пробормотала Робин. – Ключи-то в сумке...

– Мелоди дала мне второй экземпляр, – улыбнулся Натаниэль, вытащив из кармана связку. – Погодите-ка...

Он отпер дверь, помог Робин пройти в прихожую, а затем проводил до дивана, на который она с облегчением и упала.

– Спасибо...

В ноге пульсировала боль, и Робин на минуту прикрыла глаза.

– Я за сумкой, – сказал Натаниэль и, выйдя на крыльцо, прикрыл дверь.

В доме стояла мертвая тишина. В холле темно, двери закрыты. Робин провела в больнице целый день; там постоянно сновали люди, пищало медицинское оборудование, а здесь – ни звука... С одной стороны, давит на психику, с другой – нечем отвлечься от воспоминаний, и страх, таившийся на задворках сознания, снова запустил в ее душу коварные щупальца. Робин начала задыхаться. Попыталась напомнить себе, что она дома, в безопасности, однако разум отмахивался от любых доводов.

Перед глазами побежали кошмарные сцены. Кан с ножом, боль от удара в лицо, ужас при виде ковыляющего сзади изуродованного убийцы, вперившегося в нее единственным уцелевшим глазом...

– Вот и я, – возник рядом Натаниэль. – Как вы?

– Хм... – Робин проглотила ком в горле. – Если честно – не очень.

– Боюсь, это естественно.

– Вчерашний день был немного... травмирующим.

Натаниэль кивнул и мягко сжал ее руку.

– Многие произносят это слово, толком не осознавая его значения, – заговорила Робин дрожащим голосом. – Допустим: «Целых два часа простоял в пробке! Представляете, какую жуткую психологическую травму я получил?»

– Вам-то известен его истинный смысл.

– Известен. Я даже знаю, как помочь пациенту в такой ситуации, однако... видите ли, мне самой это знание не помогает. Ну, вроде бы изучила инструкцию и прекрасно представляю себе теоретические основы работы мозга. Понимаю – сейчас миндалевидное тело оказывает огромное влияние на его функции. Но... э-э-э... все равно чувствую себя, словно...

Невольно затряслись губы, и эту мысль Робин закончить не смогла. На глаза наворачивались слезы, перед ними повисла влажная пелена. Натаниэль склонился над диваном и взял ее руки в свои ладони. Робин зарылась лицом в его рубашку и, содрогаясь всем телом, зарыдала.

Плакала она долго, а затем нашла в себе силы отстраниться и вытереть мокрые глаза.

– Простите...

– Вам не за что извиняться, – прошептал Натаниэль.

– Не сочтите за глупость... Не сможете еще ненадолго со мной остаться? Не хочу быть одна. Не готова...

– Что же тут глупого? Да я пока и не планировал уходить. Собирался приготовить завтрак.

– Ну зачем вы... – Робин слабо улыбнулась.

– Мне совсем не сложно.

– У меня и продуктов толком нет. Можно что-нибудь заказать. Здесь неподалеку есть неплохое тайское кафе. Или бургеры, как вариант. Или суши-пиццу...

– Что, простите? – Натаниэль открыл рот.

– Суши-пицца. Тут рядом появился новый филиал «Суши-пиццы от Билла». Они делают такие пиццы в виде ролла на рисовой подушке. Новое слово в кулинарии!

– М-м-м... И что, вкусно?

– Так себе, – подумав, ответила Робин. – Пожалуй, вообще ничего хорошего.

– Ага, и звучит соответственно... – Хмыкнув, Натаниэль поднялся. – Давайте уж я приготовлю нормальный завтрак. Продукты привез с собой.

Робин только сейчас заметила два стоящих на полу бумажных пакета.

– Когда же вы успели?

– Прямо с утра, пока вы выписывались.

– Значит, спланировали все заранее?

– Хм. Хотел позавтракать сам – жареная курочка, зеленая фасоль... Ну и решил – может, вы составите мне компанию?

– Здорово! – Сердце Робин пропустило удар.

– Если не возражаете – я пошел на кухню стряпать.

– Ага, а я пока приму душ.

Натаниэль некоторое время пристально ее разглядывал. Хочет предложить помощь? Как следует в этом случае среагировать?

В итоге Натаниэль улыбнулся:

– Если что потребуется – кричите.

– Обязательно. – Она улыбнулась в ответ. – Спасибо!

Подхватив сумки, Натаниэль двинулся на кухню, Робин же, осторожно поднявшись с дивана, захромала в спальню. Отчего-то нога

беспокоила уже не так сильно. Дома и стены помогают... Опять же – о ней заботятся, вот боль и утихла.

Она закрылась в спальне, однако, поколебавшись, оставила щелку – снова ожил давешний страх. С кухни доносились звуки – Натаниэль готовил еду. Она не одна. Она под защитой.

Отражение в зеркале выдало безжалостную правду. Огромный кровоподтек на щеке, красный нос, опухшие от слез глаза, отхваченная ножом Кана прядь волос... Робин стиснула зубы. Давно хотела подстричься коротко – вот и настал подходящий момент.

Она осторожно сняла повязку с руки. Ожог от щелочи выглядел ужасно. На участке размером с десятицентовую монету кожа практически отсутствовала. При одном взгляде на пораженное место Робин затошнило. Врач сказал, что можно сделать небольшую пластическую операцию после того, как рана заживет, и шрам будет почти незаметен.

– Ладно, тому ублюдку досталось куда сильнее, – пробормотала она в зеркало и нервно усмехнулась.

Прикрыла дверь в ванную, также оставив щелку. Вела себя, словно ребенок. Хорошо, Натаниэль не в курсе, что она принимает душ с открытыми дверями. Стыд и срам...

И все же запирается Робин не стала. Прислушивалась к звукам с кухни, откуда сейчас доносилось легкое постукивание – видимо, ножом о разделочную доску. *Не одна...*

Душ стал для нее настоящим благословением. Обжигающе горячая вода смывала боль. На подвернутую ногу опираться было не слишком комфортно, однако Робин заставила себя простоять под плотными струями как можно дольше. Четыре раза вымыла шампунем волосы, после чего наконец перестала ощущать грязные прикосновения Кана.

Она надела облегающую черную блузку, купленную еще в начале весны, и клетчатую юбку, которую ей подарила на день рождения Мелоди. Подошла к зеркалу и занялась макияжем, уделив особое внимание кровоподтеку. Затем, глубоко вздохнув, заковыляла к Натаниэлю.

Пахло в доме неподражаемо: с кухни шли волны ароматов только что приготовленной пищи. Натаниэль уже ждал у накрытого стола. Его глаза удивленно распахнулись при виде Робин, и к ней потихоньку

начала возвращаться уверенность в себе. Она уже не та жалкая развалина, которой полчаса назад предстала в зеркале. Теперь в глазах Натаниэля отражалась красивая женщина.

– Это... – пробормотала Робин, уставившись на стол, – это просто невероятно... Вы ведь говорили – курица с фасолью, ну, я и представила...

– Нечто сухое и неаппетитное, так? – Натаниэль ухмыльнулся.

– Я... э-э-э... в общем, здоровую пищу и все такое. Но вы...

– Всего лишь цыпленок и та самая зеленая фасоль, только приготовлено на сковороде с лимоном и чесночным маслом.

– О-ля-ля, – выдохнула Робин, чувствуя, как рот заполняется слюной.

– Да, и еще я посыпал блюдо мелко нарезанной петрушкой.

– Петрушкой, вот как? – Робин уселась за стол.

– В ней полно витамина К – во всяком случае, так говорила моя мама.

– Что это за витамин такой?

– Без понятия, – Натаниэль пожал плечами. – Наверняка очень полезная штука. Погодите, сейчас открою вино... Положил его в морозилку – наверное, уже охладилось.

Робин не сводила с него глаз, а он тем временем достал бутылку белого вина.

– Штопор в ящике слева, – вдруг охрипнув, подсказала она. – Бокалы в буфете, на верхней полке.

Натаниэль перенес на стол все необходимое и вытащил пробку. Начал разливать вино, и ароматная жидкость многообещающе забулькала.

Взяв бокал, Робин сделала маленький глоток, наслаждаясь прохладным пьянящим напитком, а затем отрезала кусочек цыпленка и зачерпнула фасоли с зеленью.

– Чертовски вкусно, – проглотив, похвалила она.

– Наверняка лучше, чем больничная диета? – улыбнулся Натаниэль.

– А вы как думаете? – Робин откусила еще.

Несколько минут они молчали, получая удовольствие от пищи. Наконец долгожданное расслабление... Прекрасная еда,

приготовленная мужчиной, заставляла не думать ни о чем, кроме тяжелого выбора: что сейчас взять – курочку или фасоль?

Робин допила вино. Еще бокал не повредит. Забыв о подвернутой щиколотке, она встала за оставленной на кухонной стойке бутылкой – и тут же, зашипев от боли, оперлась о стол.

– Все нормально? – встревожился Натаниэль.

– Да, – выдохнула Робин. – Просто оступилась, вот и всё.

– Да, надо было подать вам завтрак в гостиную, там вы могли бы положить ногу на стул... – виновато забормотал Натаниэль, спеша на помощь.

– Ну, не преувеличивайте, я... ой! – Она прикрыла глаза. – А знаете, правда: поможете мне ненадолго перебраться на диван? Наверное, и в самом деле стоит прилечь...

– Конечно! – Натаниэль подставил руку, и Робин, опершись о его локоть, перешла в гостиную. – Вот, ложитесь.

Она упала на диван и задрала больную ногу, затем медленно согнула ее в колене и помассировала.

– Массаж помогает? – осведомился Натаниэль.

– Более-менее... – Робин поморщилась.

– Позвольте мне. – Он присел рядом и, осторожно обхватив ногу, выпрямил ее и слегка надавил на подошву. – Как сейчас?

– М-м-м... – Робин зажмурилась. – Так гораздо лучше.

– Отлично. Если вдруг будет больно – скажите.

– Ладно.

Мужские пальцы массировали ее пятку, затем перешли на свод стопы. По ступне прокатилась волна тепла, пошла выше, и поврежденная щиколотка вдруг перестала о себе напоминать.

– Очень хорошо, – прошептала Робин.

Натаниэль начал делать большим пальцем круговые движения по ее подошве.

– Так не больно?

– Нет... – Она глубоко вздохнула. – Правда, помогает...

Он аккуратно коснулся щиколотки.

– А здесь?

– Ага... Осторожно, пожалуйста.

– Конечно...

Его пальцы скользили по ноге, словно мягкий шелк.

– Можно немного выше, – жмурясь, пробормотала Робин.

– Так? – уточнил он, разминая ногу выше щиколотки.

– Да... только еще немного выше.

Натаниэль переместил руку и погладил ладонью ее лодыжку, а Робин продолжала таять под его прикосновениями.

– М-м-м... Можно еще выше?

Его пальцы легли на бедро.

– Здесь? – негромко спросил Натаниэль.

– Ага. – Она тихонько застонала от удовольствия. – Так хорошо...

Хорошо для щиколотки...

Он массировал ногу, продвигаясь вверх и вниз по бедру, порой проникая под юбку; разок даже коснулся трусиков.

Робин взяла Натаниэля за руку и притянула к себе, а сама пробежала ладонью по крепкой мужской спине и проникла под рубаху. Его кожа оказалась гладкой и теплой; мускулы играли под ее прикосновениями. Их губы встретились. Если у Робин что-то и болело, теперь это было забыто.

Глава 51

Робин не раз видела, как мать реагирует на кризисные ситуации. Например, у Мелоди через несколько часов после рождения Лайама открылось сильное кровотечение, которое никак не удавалось остановить, к тому же с пугающей скоростью начало падать давление. Медикам потребовалось некоторое время, чтобы понять причины происходящего, и с объяснениями к родственникам роженицы врачи вышли далеко не сразу.

Утомленная долгим ожиданием мать тогда набрасывалась с претензиями на проходивших мимо медсестер и докторов. Мало того, еще и упала в обморок прямо в больнице. Отец доставил ее домой, и она принялась бомбить звонками младшую дочь и зятя, требуя немедленно сообщать ей любые новости. В какой-то момент в разговоре заикнулась о необходимости подготовиться к похоронам старшей дочери. Вместо того чтобы заниматься Мелоди и ее новорожденным сыном, Робин и Фред потратили несколько часов на переговоры с матерью.

Конечно, тот случай был из ряда вон, хотя подобные истерики происходили из раза в раз, и именно тогда Робин с Мелоди пришли к соглашению: что бы ни стряслось, мать следует по возможности держать в неведении.

Поэтому Мелоди и не поставила ее в известность о нападении маньяка. Естественно, когда выяснилось, что сестра исчезла, позвонила матери – вдруг та в курсе, куда запропастилась ее младшая дочь? Ничего полезного не услышав, повесила трубку, предварительно обмолвившись – мол, наверное, она занята с пациентом.

Робин не придавала рассказу Мелоди особого значения, а через три дня получила сообщение от матери:

Только что узнала – оказывается, на мою дочь совершили жестокое нападение... И все вокруг об этом слышали, кроме меня! Надеюсь, ты жива-здорова... Жаль, мне никто не сказал, иначе постаралась бы помочь.

Робин перечитала текст раз десять, и у нее создалось сильнейшее впечатление схожести сообщения с рисунком Зигмунда Фрейда: чем

дольше на него смотришь, тем лучше понимаешь – на самом деле перед тобой обнаженная женщина. Какой тут заложен смысл? Мать обеспокоена и одновременно обижена, что ее никто не оповестил? Или в трех строчках проявляется человек с наклонностями нарцисса, который в первую очередь ошеломлен тем, что его обошли вниманием?

Как бы там ни было, ясно одно: чем дольше откладываешь разговор с родительницей, тем тяжелее потом будет при личной встрече. И Робин ближе к обеду направилась к матери, заранее понимая, что испытание предстоит сложное.

– Привет! – подала она голос, открыв дверь. – Мама, это я.

Несколько секунд в доме царила тишина, затем из спальни послышалось слабое:

– Робин?

– Да-да. Я... э-э-э... тебе звонила, но ты не сняла трубку.

Робин медленно заковыляла по коридору. Щиколотка уже не так болела, однако довольно сильно опухла и реагировала на движения.

– Я спала...

Голос звучал странно – пожалуй, даже отрешенно.

Робин добралась до двери и прислонилась к косяку. Поджала ногу, дав ей отдохнуть.

Смертельно бледная мать лежала в постели. Полное отсутствие макияжа, ночная рубашка... В обед такого не случалось в принципе. За своим внешним видом она всегда следила тщательно.

– Что с тобой? Ты больна?

– Нет... – прошептала мать. – Я... приняла успокоительное.

– Ого! – Робин переступила порог и присела на краешек кровати.

– Ужасно испугалась, когда услышала новости... – Подбородок матери заметно дрожал. – Мне сказала Гленда. Гленда! Якобы тот человек тебя схватил и куда-то увез в багажнике машины.

– Мама, со мной всё в...

– Я уже потеряла твоего отца. А если б еще лишилась и ребенка... Ни одна мать такого не вынесет, знаешь ли. – Ее глаза заволкло слезами. – Твоя смерть превратила бы меня в жалкую развалину.

Робин тяжело сглотнула.

– Копы приехали вовремя, и ничего страшного не случилось. Правда, мам.

– Все кончилось – и ни одного звонка... Хоть бы сказала – мол, всё в порядке... Мелоди и не намекнула, что мне надо мчаться в больницу. Знаешь, когда ты была совсем малышкой, у тебя случилась серьезная ушная инфекция – на целую неделю тогда угодила на больничную койку. Я все эти семь дней провела с тобой в палате. Врачи не могли заставить меня уйти. Один даже заявил медсестре: с такой матерью ребенку ничего не грозит. До постороннего человека и то дошло...

Робин откашлялась. Прошло пять минут, а она уже как выжатый лимон.

– Не хотела доставлять тебе беспокойства, потому и не звонила.

– Гленда была в шоке, что я ничего не знаю. Должно быть, я выглядела полной дурой...

– Мама, наверняка она все поняла.

Глаза матери вспыхнули.

– У тебя в детстве однажды случилась серьезная ушная инфекция. Тебя тогда положили в больницу на целую неделю...

– Мама... Ты хорошо себя чувствуешь?

– Они не могли меня заставить выйти из палаты. Все врачи были под впечатлением. Один из них даже сказал медсестре, что я – прекрасная мать.

Похоже, мама здорово не в себе. Робин еще никогда не видела ее в подобном состоянии. Смотрит в стену, выглядит совершенно потерянной... Неужели это Диана Харт, сильная и властная? Транквилизаторы словно превратили ее в другого человека – мягкого и нерешительного. Сердце Робин вдруг заколотилось, и она нежно сжала руку матери.

– Мама, со мной все хорошо.

– Я стала бы жалкой развалиной...

– Понимаю, мам, но у меня и вправду все отлично.

– Иногда... иногда думаю: слишком жестко тебя воспитывала.

Однако ты должна понимать, что я всегда желала тебе только добра.

Робин смахнула нечаянную слезинку.

– Да-да, конечно...

– А ты меня вечно так разочаровывала!

Робин изумленно уставилась на мать.

– Сколько я вложила в тебя сил и времени... – продолжала та. – Ты всегда делала не то, что нужно. Потому я и была с тобой сурова.

– Понятно, – пробормотала Робин, отпустив ее руку.

– Может быть, теперь, после этого ужасного происшествия, ты наконец возьмешься за ум, – с надеждой и уже гораздо спокойнее произнесла мать.

Ее глаза слипались; она явно проваливалась в сон.

– Может быть, – вздохнула Робин, поднимаясь с кровати. – Пойду заварю чай. Тебе что-нибудь принести с кухни?

Мать глянула на нее сквозь щелочку полуприкрытых век.

– Что ты сделала с волосами? Почему подстриглась так коротко? Выглядит ужасно.

Через несколько секунд она уже тихо похрапывала.

Робин прошла на кухню и налила себе чашку чая. Пошарив в сумке, выудила пачку сигарет. Две сегодня уже выкурила – третья будет лишней...

Прикуривая, она думала о матери. Та проснется, зайдет на кухню и ощутит запах табака, который на дух не переносит. Робин втянула дым в легкие и выдула его в потолок, покачивая головой то вправо, то влево. Наблюдала, как сизые струйки сливаются в облачко и поднимаются в воздух, заполняя комнату.

Пепельницы здесь, разумеется, нет и быть не может. Робин открыла буфет с великолепным китайским фарфором и достала одну из чашечек с золотым ободком, которыми мать так дорожила. Усевшись, вытасила еще одну сигарету – уже четвертую за день. Прикурила от третьей, а окурок раздавила в драгоценной чашке.

Прикрыв глаза, затянулась. Где четвертая, там и пятая.

Завтра надо бросить...

Глава 52

Последние несколько дней Натаниэль был сам не свой. Пытался внушить себе: все это последствия дела Кана. Ему удалось положить конец череде серийных убийств. После такого сознаешь, что быть копом все же не столь плохо. Жаль, что подобные ощущения возникают далеко не у всех. Кстати, неплохая ступенька по карьерной лестнице...

Безусловно, на его настроении сказывалась профессиональная гордость, однако легкость во всем теле на самом деле имела совсем иную причину. Робин...

Они теперь общались каждый день. Натаниэль снова пришел к ней в гости и остался на ночь. Уже несколько лет он ни к кому не испытывал таких сильных чувств. Невероятно – и в то же время страшновато. Пройдет время, и Робин, подобно Имани, осознает: отношения с копом – не лучший выбор. Нет, конечно, когда тебя вырывают из лап серийного убийцы, все прекрасно. А потом?

Не случайно в среде полицейских разводы – обычное явление.

Впрочем, надо наслаждаться тем, что имеешь. В лабораторию Вернона Горовица он вошел с никак не желавшей сходить с лица улыбкой – вспоминал последний обмен сообщениями с Робин.

– Чего скалимся? – буркнул Вернон.

– Да ничего. Просто настроение хорошее.

– Вот как? По-моему, у меня тоже когда-то такое бывало...

Вернон делал приседания – разминался. В темной лаборатории он проводил целые дни – в основном согнувшись у компьютера – и частенько рассказывал, насколько подобный образ жизни вреден для здоровья. Потому и использовал различные методики, пытаясь свести вред к минимуму.

– Получил твое электронное письмо, – начал Натаниэль. – Значит, ноутбук Кана ты уже исследовал?

Криминалисты с найденными в доме убийцы уликами особо не торопились, учитывая, что Кан отбросил копыта, поэтому экспертизы шли как никогда долго.

– Ага. – Верно оперся о стол и вытянул ногу. – В основном память заполнена фрагментами из ужастиков. Кан составлял из них бредовые нарезки – там таких несколько штук.

– Ясно. Что-нибудь интересное нашлось?

– Ну, одни длиннее, другие короче... В самой маленькой – всего пять отрывков.

Натаниэль устроился на стуле.

– Пять отрывков? Позволь угадать: значит, один – из «Крика», второй – из «Пятницы, тринадцатое»...

– Да-да, верно. Каждый соответствует одному из убийств.

– Угу... Шестого, выходит, там нет, – пробормотал Натаниэль, размышляя над словами Робин о возможной шестой жертве.

– Нет, всего пять.

Вероятно, эту самую нарезку Кан и просматривал, когда держал в плену Кэти. А девочка потом воспроизвела ее в кабинете Робин.

– Ладно, понял.

– По-моему, он больше ни для чего особо ноутбук и не использовал. Я просмотрел его документы и нашел некоторые съемки еще со времен колледжа – но им уже несколько лет. Обнаружил список ужастиков – такую длинную простыню в «Экселе». Там фильмы отсортированы по жанрам, видам убийств, степени кровавости и так далее.

– Занятное хобби, – сухо заметил Натаниэль.

Верно наконец уселся.

– Кан вообще был занятым парнем. История его браузера – это летопись путешествия по жуткой дороге. Он то и дело прочно заикливался на определенном нюансе ужастиков и упорно копал в этом направлении. Например, в начале апреля провел пять дней подряд в поиске и просмотре разных видео, на которых люди тонут в зыбучих песках. На короткое время увлекся зараженными чумой крысами. И еще изучал фокусы с глазными яблоками...

– Хватит, хватит, – Натаниэль поднял руку. – Все понятно. Говоришь, ты нашел съемки из колледжа?

– Ну да. Видимо, Кан изучал кинематографию?

– Получил степень бакалавра в области кино и медиа, но дальше не пошел – два года назад бросил учебу.

– Ага... По-моему, я обнаружил несколько его домашних заданий. У меня не сложилось впечатления, что Кан был увлечен образованием. Так, в основном передирал информацию из «Википедии».

– Наверное, на его вкус в заданиях было маловато хоррора.

– В общем, на самом ноутбуке больше ничего толкового нет. А вот на флешке...

Натаниэль затаил дыхание. Именно из-за флешки он и пришел к Вернону.

Открыв сейф в доме Кана, первым делом криминалисты обнаружили его трофеи – четыре пряди волос, по количеству жертв. Волоски, замеченные Натаниэлем на ножке столика, а также те, что нашлись в комнатах позднее, соответствовали сувенирам из сейфа. Значит, периодически Кан их доставал. Специалист по профилям наглядно пояснил им причины подобного поведения убийцы, однако Натаниэль предпочел бы забыть эту информацию как можно скорее. Пятая – рыжая – прядь волос была у Кана за пазухой, от чего Натаниэлю стало совсем уж худо. Новая прическа Робин ему нравилась. Другое дело – причина, которая заставила ее подстричься...

Кроме волос, в сейфе лежала защищенная паролем флешка, и Вернон наконец умудрился взломать защиту.

– На флешке было четыре видео. Из серии порнофильмов с реальными убийствами.

Голос Вернона дрогнул, что само по себе казалось довольно необычным. Будучи экспертом-криминалистом в области компьютерных технологий, он перевидал много всякой грязи. Вероятно, на флешке и вправду хранилось нечто из ряда вон.

– Ты их просмотрел?

– Да, частично. Как только понял, что там содержится... – Вернон откашлялся. – Одно дело изучить коллекцию роликов из фильмов ужасов, и совсем другое, когда... хм...

– Когда там настоящие убийства, – закончил за него Натаниэль.

– Вот-вот.

– Можешь показать?

– Включить-то включу... – Вернон заколебался. – Только давай я немного пройду, пока ты наслаждаешься? Знаешь, для спины полезно каждые два часа совершать короткую прогулку.

– Конечно, валяй.

Компьютерщик открыл один из каталогов.

– Вот, видишь – четыре файла? Давай, а я скоро вернусь.

Натаниэль сделал глубокий вдох. Ему уже пришлось увидеть кадры из камеры, на которую Кан снимал в день похищения Робин. Жутко было наблюдать, как та боролась за жизнь. Впрочем, Натаниэль испытал и прилив гордости, когда запись дошла до места, где Робин освободилась и выплеснула кипящую щелочь в лицо убийце.

Здесь, должно быть, всё на порядок страшнее. Может, плюнуть? Кан ведь все равно мертв и никого уже не убьет. Его жертвы известны, их тела найдены. Посмотришь эти кадры – потом никогда забыть не сможешь...

Однако у Натаниэля имелся должок перед семьями погибших. Придется изучить запись. Вдруг кто-то из убитых напоследок сказал нечто важное, о чем родственникам обязательно следует знать? Или на видео появится намек, проливающий свет на доселе неизвестные факты, заставляющий задуматься... Так или иначе, смотреть придется.

Он кликнул по первому файлу. Ага, Синтия Роджерс.

Слава богу, что он не завтракал – лишь выпил кофе. Конечно, его вырвало посреди просмотра, но лабораторию он уделал не сильно. Несколько бумажных полотенец – и снова все чисто.

Вернон сбежал не просто так...

Натаниэль пошел на компромисс: решил добраться до конца, но звук приглушил, хотя и не совсем – вдруг прозвучит заслуживающая особого внимания информация?

На следующем видео убийца запечатлел смерть Глории Бассет. Натаниэль стиснул зубы так, что едва их не сломал. Осталось две сцены.

Третий файл был посвящен Мэнди Росс. Натаниэль уже пожалел о своем решении дойти до конца. Теперь будет сниться по ночам. Как хорошо, что Кан мертв... И как здорово, что именно Натаниэль всадил в него пулю!

Последней оказалась Хейли Паркс. Еще чуть-чуть – и Натаниэль отправится домой. Примет душ...

Стоп.

Он отмотал видео назад и просмотрел второй раз. Так, самое начало. Вот Кан борется с Хейли, сжав в руке нож, а потом...

Пришлось снова запустить ролик сначала. О, черт...

Когда вернулся Вернон, Натаниэль в задумчивости сидел перед экраном, где на паузе застыла сцена убийства.

– Слушай, – попросил он, – можешь просмотреть один фрагмент вместе со мной?

– Я... э-э-э... Не хотелось бы.

– Там не самая ужасная часть. Звук приглушим. Мне просто нужна еще одна пара глаз.

Вернон побледнел и уселся.

– Ладно, давай.

– Обрати внимание на деревья на заднем плане.

Натаниэль включил воспроизведение – и эксперт ахнул.

Детектив кивнул. Если наблюдать лишь за борьбой Кана с Хейли – ничего не заметишь. Слишком быстро они перемещались, слишком резкие, неистовые движения совершали. А вот если глянуть на неподвижные деревья в правом углу картинки...

– Кадры слегка плавают, – пробормотал Вернон. – Камера-то не на треноге...

– Кто-то помогал снимать. Значит, Кан в тот день был не один... Еще смотри сюда. – Натаниэль нажал на перемотку вперед. – Видишь? Здесь то же самое.

– Ага, вижу.

– Я тут подумал... Хейли Паркс убили, когда Кэти была в плену. Не могла ли она держать камеру?

Вернон наклонился к экрану, внимательно изучая видео.

– Ну, я в этом не большой спец, но, по-моему, нет. Все же камера вполне устойчива, небольшие колебания еле заметны... Вряд ли ее держал ребенок. Да и угол съемки был бы совсем другим.

– Да, наверное. Однако она могла встать на какое-нибудь возвышение, – предположил Натаниэль.

– Возможно. И все-таки маловероятно. А раз так...

– Раз так – у Кана имелся сообщник.

Глава 53

Кое о чем Клэр умалчивала даже на сеансах у психотерапевта. Ей было страшно мыть посуду.

Полтора года назад всего-то на несколько минут отвлеклась, отчищая сковороду, – и Кэти исчезла. Теперь каждый раз, подходя к мойке, Клэр сперва проверяла, рядом ли дочь. Глаз с нее не спускала – потому и разбила несколько тарелок. Что ж, такова цена... Пекла она отныне в одноразовых формочках – зато ничего потом тереть не надо. Вообще избегала готовки, после которой пришлось бы тщательно драить кухонную утварь. Даже попыталась вменить Питу в обязанность мыть посуду, однако разгорелся такой долгий спор, что Клэр в ярости отказалась от своей идеи.

И если уж мытье тарелок оказалось столь сложным мероприятием, что говорить об отлучках из дома, когда Кэти оставалась одна на несколько часов... Вот это было хуже всего. Ладно еще, если Пит находился дома. Достаточно звонка, чтобы убедиться: с дочерью всё в порядке. Другое дело – отвести Кэти на сеанс к Робин. Целый час... Клэр стискивала зубы, сопротивляясь паническим атакам.

Подобные особенности – часть процесса исцеления, говорил ей психотерапевт. Естественно, Клэр сознавала, что не может до конца жизни постоянно держать Кэти при себе.

Однако, отправившись с Питом в город на ужин, она почти сразу пожалела о своем решении.

Идею выдвинул муж. Сказал – им нужно порой проводить время наедине, ведь дома каждая минута так или иначе посвящена Кэти. Даже поздним вечером, когда дочь уже спала, между ними возникало напряжение, выливавшееся в разногласия, споры – разумеется, свистящим шепотом, – а в итоге они только и делали, что злились друг на друга.

И вот Пит настоял на посещении кафе. Они договорились не обсуждать за ужином вопросы, связанные с Кэти. Забыть на время о возможности возобновления сеансов у Робин, о следующем учебном годе и о разных подходах по отношению к дочери. Клэр по-прежнему,

по мнению мужа, слишком с ней нянчилась, а Пит, на ее взгляд, полностью игнорировал психологические травмы ребенка.

Решили посвятить вечер друг другу, разобраться: смогут ли пробудить в своих сердцах уснувшую любовь, сумеют ли вновь стать настоящей семьей.

Клэр хотела немного посидеть с Кэти перед сном, однако в самом конце разговора с психотерапевтом ей поступило сообщение от Пита. Дочь легла раньше обычного, так что им лучше встретиться в городе... Предложение выглядело разумным – любой шорох наверняка разбудит Кэти, и, если она испугается, на планах придется поставить крест. И все же Клэр не могла отделаться от желания хоть на секундочку увидеть дочь. Да и душ принять было бы неплохо...

* * *

Они перешагнули порог ресторанчика, и администратор сладко им улыбнулась:

– Привет! Столик заказывали?

– Заказывали, – ответил Пит. – На имя Пита Стоуна, столик на двоих в...

– Да-да, в беседке, – перебила девушка. – Пойдемте со мной.

Их провели в заднюю часть ресторана, а потом через дверь во дворик.

– Ого... – прошептала Клэр.

Маленькая беседка с увитыми виноградной лозой стенами стояла прямо на берегу реки. По периметру крыши шла гирлянда светильников, столик был украшен лепестками роз.

– Хотел, чтобы вечер стал для нас особенным.

– Даже не подозревала, что тут есть такая милая беседка, – пробормотала Клэр.

– Красиво, правда? – просиял Пит. – Эван знаком с владельцем ресторана. Он и посоветовал место для ужина. И все для нас организовал.

* * *

Робин прибиралась в игровой комнате после напряженного дня. На четвертом сеансе в Донни проснулась неумная энергия – ей хотелось играть всеми игрушками сразу. Теперь следовало расставить их по местам. Робин двигалась медленно – она устала, да и подвернутая нога давала о себе знать.

Собрала игрушки с пола, где Донни выстроила свою «армию монстров». Дракон, тролль, акула, Джокер и белка явно вынашивали самые злодейские планы. Расставив страшилищ на полочке, Робин сжала в руке злобного клоуна и уже не в первый раз за неделю задумалась: не избавиться ли от него, в конце концов?

Джокера она ненавидела. Нервничала, видя красный, растянутый в ухмылке рот, и сразу вспоминала самую ужасную в своей жизни ночь. Берегла злодея лишь в расчете на возобновление сеансов с Кэти. Клэр сообщила, что намерена убедить мужа в необходимости продолжать лечение. Если Кэти вернется, Джокер понадобится – ведь в нем ключ к ее воспоминаниям.

Впрочем, пока можно запрятать его поглубже в шкаф.

Запиликал телефон. Робин посмотрела на экран и улыбнулась. Сердце невольно сбилось с ритма: Натаниэль!

– Привет! – выдохнула она.

Сама поражалась, как с ним говорила. Новая Робин, щебетавшая, словно влюбленная школьница...

– Привет! – ответил Натаниэль. Похоже, и он улыбается. – Как дела?

– День был сложный, но все отлично.

– Ага, у меня тоже. Обещал приехать к ужину, однако боюсь, ничего не выйдет.

– У-у-у... – разочарованно протянула Робин.

– Я приеду, только попозже, – виновато заговорил Натаниэль. – Поужинай без меня, а потом посмотрим какой-нибудь сериальчик, например...

– Ладно. У тебя что-то случилось?

– Ничего особенного. Тут у нас вроде как продолжение...

– Новое убийство?

– Нет, все то же дело Кана.

– Что там может продолжиться?

– Только не волнуйся...

- Вы нашли еще одну жертву? Так и думала...
- Нет-нет. Есть предположение, что в паре случаев ему кто-то помогал.
- Второй убийца... – ахнула Робин.
- Да, не исключено. Сейчас допрашиваем двух парней, с которыми Кан прятельствовал в колледже. Определяемся, не подходит ли кто из них под профиль. Скорее всего, сообщник тоже интересовался кинематографом.
- А что... со мной? – дрожащим голосом спросила Робин. – И с Кэти?
- У нас нет оснований полагать, что сообщник о вас вообще знает. Насколько нам известно, он принимал участие только в убийстве Хейли Паркс. Кэти ведь на сеансах не намекала на подельника Кана?
- Робин уставилась на фигурку Джокера. Тот словно ухмыльнулся еще шире.
- Нет, не намекала.
- Мы уверены, что Кан следил за тобой в одиночку. Впрочем, как только что-то выяснится, я тебе обязательно сообщу.
- Хм... Когда закончишь – если даже будет поздно, – все равно приезжай.
- Конечно, – пообещал Натаниэль. – Завершу дела – и сразу в Бетельвилль.

* * *

Клэр отпила красного вина, поглядывая на человека напротив. Незнакомец...

Когда-то она влюбилась в Пита Стоуна, и уже через полгода согласилась за него выйти. Только это была другая Клэр, из далекого прошлого. И вспоминалась она словно подружка из детства, пути с которой у них в какой-то момент разошлись.

После похищения Кэти от прежней Клэр остались одни ошметки. Ей удалось взять себя в руки и на протяжении бесконечных пятнадцати месяцев действовать во имя спасения дочери. Вот тогда она и стала совсем другим человеком. Время шло, весточек о Кэти не поступало, и Клэр снова погрузилась в пучину отчаяния. Жила как в тумане. Пит

пытался помочь, однако они теперь будто говорили на разных языках. А потом дочь вернулась. Девочка нуждалась в матери, и Клэр второй раз восстала из пепла.

Однако, как говорится в детской сказке, вся королевская рать не могла склеить из осколков ту женщину, какой она была полтора года назад.

Клэр до сих пор гадала, в кого превратилась. Возможно, со временем ей вновь понравится этот человек, Пит. Все же прежняя Клэр не просто так за него вышла. А вот получится ли еще раз влюбиться в мужа? Вряд ли...

Пит рассуждал о будущем. О том, как они начнут все с чистого листа. Предлагал принять решение вместе. Если Клэр не хочет сейчас переезжать в Индианаполис, ничего страшного; потом можно обсудить. Он так рад, что жена заново обретает себя. Их семья станет еще лучше, крепче. Они знают, как жить, опираясь друг на друга.

Клэр слушала его, поражаясь, насколько по-разному они воспринимают действительность. Взять хотя бы эту беседку... Да, сперва у Клэр был легкий шок, однако теперь она задумалась: с чего он взял, что это хорошая идея? Подобные места отлично подходят для предложения руки и сердца. Что здесь делать семейной паре, решающей, продолжать ли совместную жизнь?

У нее в сумочке звякнул телефон. Вытащив его, Клэр глянула на экран, и Пит нахмурился. Раздражен, что она позволила такой ерунде перебить его напыщенную речь.

Звонила Элли – ее сегодня попросили посидеть с Кэти.

Клэр ответила мгновенно, чувствуя, как участилось дыхание.

– Алло!

– Клэр...

Элли явно была в панике – похоже, ее душили слезы.

– Что случилось? – выдохнула Клэр. Господи, ведь знала: нельзя оставлять Кэти!

– Я не знаю... – плакала Элли. – Все было хорошо, мы играли с набором Барби, а потом... Кэти что-то увидела. То есть кого-то... Кого-то за окном. Завизжала и заперлась в своей комнате, а я никак не могла открыть дверь...

– Мы будем через десять минут, – поднявшись, бросила в трубку Клэр. – Я ее успокою. Иногда у Кэти так бывает...

– Ее здесь нет! – перебила Элли.

– О чем ты?

Сердце Клэр упало в желудок, а потом еще дальше, и все продолжало проваливаться.

– Мне наконец удалось отомкнуть замок. Кэти выбралась в окно, и я не могу ее найти...

Глава 54

Робин проложила себе дорогу к входу в офис шерифа, и ее охватило чувство дежавю. Внутри толпились серьезные и напряженные люди, сквозь общий гул пробивались обрывки разговоров: «через окно...», «думала, он мертв...», «ее нет уже несколько часов...»

В Бетельвилле ожили худшие воспоминания в истории городка. Снова случилось страшное.

Она прибежала сюда после звонка Мелоди. Та рассказала, что Кэти опять исчезла, а шериф организует поисковые партии. Робин немедленно позвонила Натаниэлю, и тот уже был в пути.

Заметив заплаканную Элли, Робин протолкалась вперед.

– Привет... Что произошло? Мелоди говорит – Кэти вновь пропала?

– Это я виновата, – всхлипнула Элли. – Присматривала за ней, а потом что-то появилось снаружи... какая-то тень. Кэти ее увидела и перепугалась.

Робин вздрогнула. Сразу представила, как расширяются от ужаса глаза девочки, как вспыхивают в ней травмирующие воспоминания. Только что вызвало их на сей раз?

– Она... она заперлась у себя в комнате. Я пыталась уговорить ее выйти, понимаете? Хотела успокоить, говорила с ней через дверь... Какая я дура – только потеряла время!

– Что было дальше?

– Мне наконец удалось попасть в спальню – замок можно открыть кухонным ножом или отверткой. Ну, вы знаете... Только Кэти уже не было. Окно нараспашку – через него она и выбралась из дома. Я искала, кричала, но малышка так и не откликнулась. – Элли подавила рыдание. – Вдруг где-то упала, расшиблась? Или... или...

– Она просто спряталась, – попыталась успокоить девушку Робин. – Наверняка скоро объявится.

– Ага, – дрожащим голосом произнесла Элли. – Знаете, когда ее похитили в первый раз, я видела... Наверное, я могла что-то...

– Ничего ты сделать не могла... – Робин вздохнула. – Да и какая уже теперь разница? Нам следует думать о том, что случилось сегодня.

– Да, правда... – Элли заморгала. – Надо ее искать!

Робин не решилась говорить о своих страхах. У Кана был сообщник. Не его ли тень мелькнула за окном дома Стоунов?

* * *

Клэр рассеянно слушала указания, которые раздавал поисковику шериф. Полиция организовала блокпосты на основных ведущих из города дорогах. Не более чем мера предосторожности... В конце концов, похитивший Кэти человек мертв. Нет никаких причин думать, что история повторится.

Пит высадил ее у конторы шерифа и поехал домой – на случай, если объявится Кэти. А надо было поступить наоборот. Наверняка дочь вернется, как только немного придет в себя. Как раз лучше, чтобы дома ждала мать.

В сумочке завибрировал телефон. Пит... Клэр с прыгающим сердцем нажала на кнопку. Неужели Кэти пришла?

– Это я...

Судя по тону мужа, надеялась она напрасно.

– Ничего? – спросила Клэр.

– Пока ничего, но я не сомневаюсь, что Кэти вот-вот появится.

– Да-да, – отрешенно сказала Клэр. – Не понимаю... Ей ведь последнее время стало намного лучше. И когда ты уходил, все было спокойно, правда?

– Ну, ничего серьезного я не заметил.

Интересно, почему у него такой неуверенный тон?

– Пит, – повысила она голос, – ты ведь говорил, что все прошло гладко?

– Ну да! Конечно, Кэти немного заволновалась, когда я уходил. Но это ведь ожидаемо, верно?

Клэр прикрыла глаза. Зачем она доверилась Питу? Если дочь была напугана уже во время его ухода, легкий страх мог запросто перерасти в паническую атаку. Она с отвращением прервала разговор.

– Клэр, – мягко тронул ее за плечо шериф Прайс. – Вам следует ждать Кэти дома, вместе с Питом. У нас всё под...

– Нет уж, – резко возразила она.

Сидеть дома и ждать, как пятнадцать месяцев подряд? Немыслимо! Тем более в обществе Пита.

– Я присоединюсь к поисковой партии. Если Кэти до сих пор не явилась домой, значит, спряталась в каком-то известном ей месте, так? Мне нужен напарник с машиной, чтобы объехать такие места.

– Ну... – заколебался шериф.

Клэр обвела глазами комнату и наконец остановилась на знакомом лице.

– Эван! – окликнула она приятеля Пита.

Тот обернулся и вздрогнул, а затем подошел.

– Я только что приехал. Всего пять минут назад услышал, что... Клэр, я уверен, Кэти скоро вернется.

– Можем мы с тобой кое-куда съездить? – спросила она, не обращая внимания на его сбивчивую речь. – Мне нужно осмотреть те уголки города, где могла укрыться Кэти.

– Но... шериф сказал, что я должен обследовать район вокруг школы. – Эван заморгал. – Может, кто-то другой...

Клэр схватила его за руку.

– Пожалуйста... Не хочу искать дочь с незнакомым человеком.

– Я найду, кого отправить к школе, – поддержал ее Прайс.

– Хорошо, – вздохнул Эван. – Моя машина прямо перед входом.

– Спасибо, – поблагодарила его Клэр, судорожно вспоминая места, которые они с Кэти посещали за последний месяц. – Начнем с парка у нашего дома.

* * *

Робин медленно ехала по улице, посматривая по сторонам, – отчаянно надеялась увидеть одинокую хрупкую фигурку Кэти, испуганно прячущуюся в каком-нибудь углу.

Шериф попросил Робин прочесать южную часть города, где находился ее дом. Однако чем больше она колесила по району, тем

больше проникалась уверенностью: Кэти ей не найти. Во всяком случае, вот так ездить бесполезно.

Девочку Робин знала хорошо. Даже напугавшись до полусмерти, та будет искать место, где сможет ощутить себя в безопасности. Самым естественным для нее поступком было бы вернуться домой.

Если только ее снова не похитили...

Робин содрогнулась, вспомнив о неизвестном сообщнике Кана. Неужели это человек, лично знающий Кэти? Если так – он понимает, что девочка способна его опознать, и, разумеется, она является для него фактором риска. Возможно, сообщник ждал, пока все немного уляжется, а потом нанес удар?

Робин вдруг пришло в голову, что Кэти могла и не сбежать сама. А если ее похитили через окно? Какой смысл покидать дом, увидев нечто ужасное снаружи? Куда более разумно запереться в комнате и спрятаться под кровать.

Надо вернуться в офис шерифа, поговорить с ним, а заодно дождаться Натаниэля.

Вот только сперва следует наведаться к себе. Если Кэти все же сбежала, единственное надежное для нее место – игровая комната Робин.

Значит, сейчас она быстренько заглянет домой. Если Кэти там нет – поедет к шерифу.

Оставалось надеяться, что сообщник Кана, во-первых, не схватил Кэти, а во-вторых, не затаился нигде поблизости.

* * *

Клэр смотрела в окно машины. Чувствовала она себя беспомощным зрителем, неспособным повлиять на ход пьесы, приближающейся к печальному финалу. Мать, разыскивающая пропавшую дочь... Знакомая роль. И сценарий Клэр знала наизусть. Сперва суета, затем отчаянные поиски, потом тающая надежда. А дальше – завлакивающая мир черная пустота...

Они ехали сквозь парк. Вглядывались в темноту, искали. Больше здесь никого не было – другие добровольцы прочесывали город.

Набежавшие тучи сгустили мрак на улицах, и уличные фонари вступили в безнадежную битву с ночью.

Эван в основном молчал, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев. Неожиданно для Клэр он вырулили к обочине, припарковал машину и заглушил мотор.

– Почему мы остановились? – отрешенно спросила она.

Эван повернулся и глянул на нее широко раскрытыми остановившимися глазами.

– Прости меня, Клэр...

* * *

Едва перешагнув порог дома, Робин поняла: что-то неладно. Внутри было темно и тихо, однако она почувствовала в воздухе непонятное колебание. Пустой дом ощущается иначе.

Где же Менни?

Робин прошла в коридор на цыпочках, с отчаянно колотящимся сердцем. Ее захлестывали волны страха. В голове тут же всплыли воспоминания: тесный багажник, связанные руки, обшарпанная ванна, Кан готовит адскую смесь, бегство от искалеченного убийцы под проливным дождем...

Она прикрыла глаза, заставив себя дышать мелко и спокойно, и сделала шаг вперед.

Из игровой зоны донесся звук.

Робин пересекла коридор и заглянула в кабинет.

В темной комнате у кукольного домика стояла Кэти и невозмутимо передвигала игрушки.

Робин тяжело и шумно выдохнула. Медленно открыв дверь, осмотрела кабинет. Открытое окно – вот как Кэти пробралась в дом. Менни лежал в углу, радостно пережевывая остатки пластмассового стетоскопа. Заметив хозяйку, пес замер и бросил на нее виноватый взгляд.

– Привет, Кэти, – тихо сказала Робин.

Девочка подняла голову и улыбнулась. Испуга на ее лице не было. Здесь, в игровой комнате, она чувствовала себя в полной безопасности.

– Мама с папой тебя разыскивают, – войдя в кабинет, заговорила Робин.

Кэти несколько раз моргнула, а затем вновь отвернулась к кукольному домику.

– Я им позвоню, хорошо? Попрошу их – пусть приедут и заберут тебя.

Девочка напряглась, посмотрела на нее и, стиснув зубы, яростно замотала головой.

Робин перевела взгляд на кукольный домик. Три оставшиеся игрушки находились внутри – Джокер в гостиной, девочка и женщина с тортом в крошечной кухне.

– Мама наверняка рассказала, что злого клоуна больше нет? Он умер и больше никогда никого не обидит. Маленькой девочке теперь ничего не угрожает.

Кэти задумалась. Затем вытащила из домика фигурку девочки и сжала ее в кулаке.

– Он больше не сможет ей навредить, – повторила Робин.

Кэти встала спиной к домику и осмотрелась. Пересекла комнату, направляясь к коробке, где Робин держала машинки, порылась внутри и вытащила красный кабриолет. Раньше он управлялся дистанционно, однако батарейки давно сели, а дистанционка потерялась, как обычно и случается с подобными игрушками.

Кэти вернулась обратно к кукольному дому с машинкой в руке, посадила девочку на пассажирское сиденье, а на водительское пристроила женщину с тортом и покатила кабриолет по столу прочь от домика.

– Ага, – прокомментировала Робин. – Девочка и женщина теперь могут уехать – злой клоун им больше не помешает.

* * *

Клэр в замешательстве уставилась на Эвана.

– Простить? Но за что?

Тот, заметно побледнев, продолжал на нее смотреть.

– Я... Это все моя вина. Я уговорил Пита. Он не хотел оставлять Кэти дома одну с нянькой. Говорил – она, мол, еще не готова. Но я

решил, что ваш ужин наедине – отличная идея. Если б я не...

– Эван... – процедила Клэр. – Мне нет никакого дела до твоего чертова раскаяния. Я просто хочу найти свою дочь!

– Э-э-э... Да-да. Я поэтому и остановился. Решил, что нам лучше пройти парк пешком. Вдруг мы на нее наткнемся?

– Хорошо. – Клэр открыла дверцу и вышла из машины. Не самый плохой план, в конце-то концов. – Пойдем поищем.

Глава 55

Кэти катала машинку по столешнице – то туда, то сюда.

– Отлично, – мягко приговаривала Робин. – Злого клоуна больше нет, девочка с женщиной свободны. Они уезжают.

Кэти, сжав кабриолет, не сводила глаз с машинки, словно больше ничего в этом мире не существовало.

– Я все-таки позвоню твоим родителям, ладно?

Девочка вновь замотала головой и скрипнула зубами. Кабриолет она двигала все быстрее – от домика к краю стола и обратно. Все ее тело сотрясала дрожь.

– Девочка с женщиной в безопасности, – терпеливо уговаривала ее Робин.

Незаметно взяла телефон и отправила сообщение Клэр:

Я нашла Кэти, с ней все хорошо. Сама привезу ее домой.

Из горла девочки вырвалось рыдание, и по щеке скатилась слеза. Машинка продолжала курсировать по столешнице.

Убрав телефон, Робин присмотрелась к действиям Кэти. На протяжении двух месяцев она оценивала достижения своей маленькой пациентки и знала, что та исключительно много внимания уделяет мелким подробностям.

Сейчас кабриолет ехал по направлению к домику. Фигурка Джокера по-прежнему стояла в гостиной. Робин уже несколько раз повторила, что тот умер, однако Кэти его упорно не убирала – ни на полку, ни в могилку в песочнице. Не верила, что Джокер мертв?

– Плохой клоун умер – я видела его смерть своими глазами, – настаивала Робин. – Ты ведь мне доверяешь?

Кэти кивнула.

– Значит, мы можем убрать его из домика.

Девочка покачала головой, направила машинку к дому и остановила чуть поодаль. Забрала пассажиров, поставила их так, словно они держатся за руки, и заставила подойти к двери.

– Злого клоуна больше нет, – вздохнула Робин. – Он не сможет...

Она вдруг замолчала, присмотревшись к игрушкам.

Похоже, Кэти вовсе не пыталась сказать, что чего-то боится. Судя по всему, она проигрывала случившиеся в прошлом события.

Не день ли похищения?

Робин проглотила комок в горле. Они ведь решили, что похититель – Кан. В конце концов, девочку удерживали в его доме. Вот только доказательств не было – скорее, даже наоборот. Ей вспомнилась поездка с Клэр в заброшенную хижину, где нашли туфельки Кэти. Тропа туда вела совсем незаметная. Если человек не местный – запросто проедет мимо. Значит, похититель, скорее всего, в Бетельвилле не живет, однако хорошо знаком и с городом, и со старой заброшкой, где подростки устраивали импровизированные вечеринки.

Кан ведь захватывал взрослых женщин. Увозил в багажнике и потом убивал. Никакого интереса к маленьким девочкам не выказывал.

В голове у Робин всплыл ответ Кана, когда она заявила, что есть и другой человек. Она-то думала о жертве, о которой не знает полиция, и Кан отчего-то занервничал. А потом расслабился, стоило Робин обмолвиться о еще неизвестном убийстве.

Нет, девчонка тебе точно ничего не рассказала... Ах, сука! Все-таки ей удалось сбежать!

Она тогда решила – речь о Кэти. С другой стороны, побег-то девочка совершила давно, откуда такие эмоции? Значит, Кан говорил о другом человеке. Кто еще мог сбежать? Конечно, сообщница! Скрылась, осталась на свободе, хотя самого Кана полиция вычислила.

Проводя с Кэти сеансы, Робин уверила себя, что в домик бедняжка заселила жертв убийцы, самого Кана и себя. Только, выходит, женщина с тортом вовсе не жертва! Кэти каждый раз ставила ее рядом с маленькой девочкой... То ли мать, то ли страж, не дающий вырваться из темницы. И точно кто-то из местных. Женщина, которая, видимо, провела последние годы не в Бетельвилле, жила в том доме, где Кан держал в плену Кэти!

Девочка снова посадила фигурки в машинку и начала катать ее взад-вперед. Поглядывала на Робин: поняла наконец?

С чего бы Кэти бежать через окно, увидев кого-то на улице? Ребенок она неглупый – наверняка осталась бы у себя в комнате. И дверь заперла бы, и окно.

Стало быть, опасность поджидала не на улице? Выходит, бежала Кэти от человека, находившегося в доме?

Элли...

Вот кто два года провел в другом городе! Вот кто вернулся лишь недавно!

Она ведь заявляла – якобы видела нечто подозрительное в тот день, когда исчезла Кэти, а сама-то в то время должна была находиться в колледже!

Робин вспомнила их с Мелоди завтрак в кафе. Джимми рассказывал, что Элли окончила колледж. Какой же именно? Вроде бы он говорил о сценариях и фильмах...

Да, точно! Элли изучала медиа и кинематографию. Как и Кан, кстати. Ее два года не было в Бетельвилле. В город она вернулась за пару-тройку недель до побега Кэти. Наверное, в колледже и познакомилась с Каном, бросила учебу и переехала к нему...

А встреча в супермаркете? Робин разговаривала с Элли, когда в магазин вошли Клэр и Кэти. Девочка тогда замерла от страха, и Робин решила, что причиной тому – неожиданная встреча вне игровой комнаты. Ничего подобного! Она просто увидела Элли...

По первой версии полиции Кэти похитил кто-то из близких знакомых – ведь следов борьбы не было. Девочка, похоже, села в машину добровольно. В машину своей прежней няньки.

Сегодня Клэр и Пит оставили Кэти дома наедине с Элли – той самой женщиной, которая ее и похитила! Вероятно, Элли даже не слишком и лгала. Да, Кэти заперлась у себя в спальне, потом выскользнула в окно. Бежала – но не навстречу опасности, а *от нее*.

– Кэти, – хрипло пробормотала Робин, указывая на женщину с тортом, – это Элли? Твоя нянька?

Девочка кивнула, и ее подбородок мелко задрожал.

– Ясно... Ладно, не бойся. Я обо всем позабочусь.

Она вытащила телефон. Надо скорее позвонить Натаниэлю!

В этот миг раздался стук в дверь. Робин подняла взгляд от телефона, и Кэти вцепилась в ее руку.

– Не бойся, – повторила Робин.

Сейчас она сходит и посмотрит, кто пожаловал. Только сперва...

На этот раз в дверь позвонили, а затем раздался голос:

– Робин?

Голос Элли...

Дрожащие пальцы Робин торопливо забегали по экрану телефона.

Входная дверь со скрипом открылась.

Глава 56

В дороге к Бетельвиллю Натаниэль думал о Робин. Вспоминал ее взволнованный и напряженный голос, когда она рассказывала по телефону, как Кэти сбежала из дома. Он надеялся, что девочку быстро найдут, и все же по спине то и дело пробегали мурашки: сообщник Кана все еще на свободе.

Натаниэль провел пару допросов, однако результаты не оправдали ожиданий. Общался с двумя парнями – сокурсниками Кана. Ни один, ни другой не сказали ничего особенного... Похоже, он пошел по ложному пути. Первый с трудом вспомнил, что Кан встречался с какой-то девушкой с курса, однако имя этой подружки у него из памяти выветрилось. Можно было бы пойти по наметившемуся следу, но...

В кармане звякнул телефон. Робин! Он улыбнулся и тронул пальцем иконку с трубкой.

– Привет!

Ответа не последовало – лишь какой-то странный шум на другом конце провода. Так бывает, когда человек случайно кому-то звонит, сам о том не подозревая.

– Робин? Слушай, я в пути. Буду у тебя где-то через час. Алло! Ты меня слышишь?

В эфире по-прежнему царила тишина, и он занес палец над красной кнопкой, а потом замер – смутили неясные звуки из динамика. Учащенное, хриплое дыхание...

* * *

– Робин, Робин! Вы дома? – донесся из прихожей высокий мелодичный голос Элли.

Замечательная молодая женщина – как такую заподозрить?

Входная дверь захлопнулась; из коридора послышались торопливые шаги. Робин застыла посреди комнаты. Дверь в кабинет медленно открылась.

На пороге возникла Элли. Красный нос, опухшие от слез глаза...

– Ой, вот вы где, – выдохнула она. – Знала, что вы дома – видела вашу машину на подъездной дорожке...

– Да-да, – хрипло отозвалась Робин. – Я... я вернулась домой.

– Наверное, мы с вами подумали об одном и том же, – продолжила Элли.

– Хм, возможно... Только о чем именно?

– Ну, что Кэти могла спрятаться здесь. Бедная девочка была так испугана – уж не знаю, что она увидела в окне, – поэтому я предположила: она точно спрячется в безопасном для нее месте.

– А, точно. Мне эта мысль тоже пришла в голову. Вот и заглянула на всякий случай домой.

Элли кивнула и осмотрелась в кабинете. Вытерла набежавшую слезу.

– Все корю себя... – вздохнула она. – Открой я дверь в ее спальню быстрее – и ничего не случилось бы.

Робин удивленно воззрилась на девушку. Неужели ошиблась в своих предположениях? Вроде бы Элли говорит честно, да и огорчена не на шутку...

– Нет смысла себя винить. При чем тут ты? В любом случае я надеюсь, что Кэти скоро найдется.

– Ага... – прошептала Элли и бросила взгляд на распахнутое окно.

– Пожалуй, нам следует помочь поисковой партии, – заявила Робин. – Иди, я догоню – вот только возьму из шкафа что-нибудь теплое.

– Хорошо, – откликнулась Элли и подошла к кукольному домику. Замерла перед ним, разглядывая фигурки маленькой девочки и женщины с тортом, которые Кэти так и бросила у порога, а затем подняла обе игрушки.

Сердце Робин пропустило удар, и она остановилась на полпути – между Элли и туалетом, не осмеливаясь двинуться дальше.

– Ну что? Собираемся? – спросила она.

– Алло? – снова сказал Натаниэль. – Робин? У тебя все нормально?

Прибавив звук динамика, он прислушался. Кто-то дышал в трубку. Дышал судорожно и явно находился на грани истерики. Фоном доносился чей-то тихий разговор, который Натаниэль из-за работающего двигателя разобрать не мог.

– Робин, я еду. Скажи, ты точно в безопасности?

Снова дрожащий вздох, затем всхлип.

– Робин, у тебя...

– Нет, – послышался неуверенный голосок. – Не в безопасности...

Голос принадлежал не Робин – скорее маленькой девочке.

– С кем я говорю? – спросил Натаниэль.

В трубку часто задышали, и у девочки вырвалось тихое рыдание.

Черт, уж не Кэти ли?

– Кэти, ты?

– Да... – прошептала девочка.

– Где ты находишься?

– В доме у Робин, – дрожащим голосом ответила она. – Пожалуйста, помогите...

Натаниэль схватил микрофон рации и нажал кнопку.

– Диспетчер, вызывает Дельта пять-два.

– Говорите, Дельта пять-два, – прохрипела рация.

– Бетельвилль, чрезвычайная ситуация. Немедленно требуется помощь полиции.

* * *

– Элли, нам следует выдвигаться на поиски, – снова подала голос Робин.

– Вы ведь хотели взять что-то теплое? – ответила та.

– Я передумала – на улице не так холодно.

– А по-моему, очень даже прохладно, – возразила Элли. – Вот я и удивилась: почему у вас открыто окно?

– Обычно проветриваю кабинет после сеансов. Ну, знаешь – пандемия, вирусы... Кстати, я тут вспомнила твои слова. Помнишь, ты начала: «Когда ее похитили в первый раз...», но не договорила.

– А? – рассеянно спросила Элли, обшаривая глазами кабинет.

– Ты тогда увидела что-то странное?

– Да-да. Показалось, что встретила Кэти с Эваном... А что у вас там? – Она указала на закрытую дверь туалета.

– Это туалет для пациентов. – Робин сделала шаг вперед и встала перед дверью. – Там сейчас грязно. У сегодняшнего пациента было расстройство кишечника, ну и...

– Вдруг там спряталась Кэти?

– Я уже проверила, – Робин махнула рукой. – Никого в туалете нет. Так ты говоришь, видела Эвана?

– Ничего, если я сама проверю? – бросила Элли, роясь в сумочке.

– Мне неловко, но там, как я сказала...

В руке девушки появился пистолет, и его дуло уставилось в грудь Робин.

– Элли! – ахнула та, не отрывая глаз от оружия. – Что ты делаешь?

– Второй раз спрашивать не буду, – отрезала та. – Отойдите в сторону! – Она повела стволом.

Робин сделала шаг вправо, и от страха у нее перехватило дыхание. Девушка продолжала в нее целиться; пришлось отступить в угол комнаты. Робин бросила взгляд на Менни: тот по-прежнему жевал стетоскоп, посматривая на них в некотором замешательстве.

На лице Элли появилась безумная ухмылка.

– Менни, – проворковала она. – Иди-ка сюда.

Пес поднялся и, виляя хвостом, пошел в центр кабинета. Элли наклонилась и погладила его за ухом, держа Робин на прицеле.

– Ну, кто у нас хороший мальчик? Кто тут у нас отличная собака?

Менни прикрыл глаза и завалился на бок, надеясь, что сейчас ему почешут животик. Робин вздохнула, глядя на свою бесполезную собаку и ненормальную девушку с пистолетом в руке.

Элли разогнулась и направилась к туалету, держа Робин в поле зрения. Нажала на ручку, однако дверь не поддалась. Хмыкнув, снова полезла в сумку и извлекла маленькую отвертку.

– Извлекла урок из сегодняшнего происшествия, – пробормотала она.

Вставив отвертку в замочную скважину, Элли резко ее повернула, и замок щелкнул.

– О, Кэти! – по-дружески сказала она, заглянув внутрь. – Давай, выходи к нам.

Робин затаила дыхание; Элли ждала у порога.

– Кэти! – уже более резко бросила она, – ты ведь знаешь, что происходит с девочками, которые не выполняют просьбы...

Вроде бы преступница отвлеклась. Броситься на нее? Нет, то и дело поглядывает в сторону Робин, и пистолет держит твердо.

Дрожащая Кэти вышла из туалета.

– Ну, ничего сложного, правда? – улыбнулась Элли и вытащила из сумки маленькую тряпичную куклу. – Смотри, что я принесла! Вторая куколка – помнишь, я тебе ее подарила? Никуда она не потерялась, скажи мне спасибо...

Робин вспомнилась та кукла, с которой Кэти вышла в центр Джаспера. С ней появилась и на установочном сеансе. Вторая кукла – копия первой, обе ручной работы. Похоже, Элли сшила их сама, специально для своей пленницы.

Девушка вытянула руку, и Кэти, сделав шаг вперед, подала ей свою ручонку. В ее глазах плескался страх.

– Сейчас мы совершим небольшую поездку, – жизнерадостно заговорила Элли и вручила куклу девочке. Затем медленно потянула ее к выходу из кабинета, направив пистолет в угол комнаты.

Робин беспомощно провожала преступницу взглядом, а в голове металась тысяча мыслей. Она должна остановить Элли. Та ведь любит поболтать... Наверняка захочет рассказать всю историю со своей точки зрения, будет наслаждаться воображаемым моральным превосходством. Подобную склонность Робин заметила в ней еще в кафе у Джимми. Почему бы не попробовать?

– Зачем тебе понадобилась Кэти? Ты ведь ее бросила...

Элли замерла на полушаге и нахмурилась.

– Вы не понимаете, о чем говорите.

– Разве? Ты выкрала тогда Кэти из дома и держала бедняжку в плену у Джонаса Кана...

– Никто ее в плену не держал! Она... она была моей дочкой! Я о ней заботилась.

Ах вот в чем дело... Элли воспринимала себя как приемная мать Кэти.

– Заботилась? – Робин приподняла бровь. – Ты ведь сбежала от Кана за месяц до того, как Кэти вырвалась на свободу, или я ошибаюсь? Оставила малышку с этим чудовищем...

Пистолет в руке Элли дрогнул.

– Вы его не знали! Он был вовсе не таким...

– Он запер ее в амбаре, Элли.

– Ну а что я должна была делать? – зарычала девушка. – Она перестала со мной общаться! Дулась целыми днями у себя в комнате. Я для нее всем пожертвовала, а она, видите ли, в молчанку играет...

Теперь Робин уже полностью управляла разговором и понимала, что представляет собой Элли. Ее и саму воспитывала женщина приблизительно такого же склада. Тактику общения с подобным человеком Робин могла бы воспроизвести даже во сне. Не ввязываться в спор – иначе она лишь разозлится; расположить ее к себе, изредка отпуская комплименты. Пусть рассказывает историю со своей точки зрения.

– Могу себе представить, как ты была задета, – заметила Робин.

– Да что вы можете представить... У вас-то детей нет! Я готовила ей пищу, читала на ночь... Играла с ней! Джонас... с ним порой было сложно, иногда он выходил из себя. Я в таких случаях оберегала Кэти, а она мне вот как отплатила! Знаете, в чем проблема? Она воспринимала мою заботу как должное. Вот я и решила: пусть пару месяцев проведет без меня. Тогда оценит...

– А она убежала, прежде чем ты вернулась.

Элли разочарованно кивнула.

– Думала, Джонас сможет обеспечить ей более-менее нормальный уход, однако его интересовали только кинематографические проекты.

Кинематографические проекты... Робин едва не стошнило.

– И Кэти удалось вернуться к матери...

– Я! Я была ее матерью! Вы просто не знаете, сколько раз миссис Стоун жаловалась на Кэти, когда я с ней сидела! – Элли изменила голос, пытаясь подражать интонациям Клэр: – «Дочка сегодня меня чуть с ума не свела, Элли... Не представляешь, как трудно воспитывать ребенка по время локдауна, Элли... Ужасно хочется хоть минутку уделить себе, Элли...» Неужели так должна говорить о дочери настоящая мать?

– И ты решила, что из тебя получится мама куда лучше...

– Я и была лучше! Клэр выпускала девочку одну гулять во дворе. Без всякого наблюдения! Вот я и подумала: раз судьба дочери ее не слишком волнует, я ей помогу. Пусть уделяет время себе, а я буду растить Кэти.

Так девочка и исчезла в тот день. Робин представила подъехавшую ко двору Элли. Вот она останавливает машину, машет Кэти рукой. Естественно, та побежала к своей няньке...

– Ее туфельки нашли в заброшенном доме.

– Верно... – Девушка хмыкнула. – Мы там встретились с Джономасом и решили кинуть кость копам – пусть думают, что Кэти похитили местные наркоманы. Угадайте, кому в голову пришла эта идея!

Если нарцисс задает на первый взгляд риторический вопрос, то, как правило, он ждет на него ответа.

– Тебе?

– Точно, мне!

– Отличная мысль. И ведь сработало! Кан до такого не додумался бы.

– Ни в жизнь, – гордо заявила Элли.

– А все-таки что ты хотела рассказать об Эване?

Девушка пожала плечами.

– Мне хотелось найти стрелочника. Человека, которого заподозрит полиция. У Эвана алиби не было, я точно знала – следила за его социальными сетями. Копы ведь в первую очередь начинают заниматься людьми, которые знают жертву, верно?

– Все же ты решила его не подставлять?

– Это привлекло бы внимание к моей персоне. Мне-то откуда вдруг было взяться в Бетельвилле? Я ведь училась в колледже... Копы задумались бы: что она тут делает? Ну вот, в итоге я остановилась на туфельках. И задумка действительно сработала! А мы с Джономасом получили Кэти.

– Вы получили Кэти, – повторила Робин. «Пусть болтает, пусть...» – Ты могла стать ей мамой. Что же пошло не так?

– В смысле «пошло не так»? Я была для нее идеальной матерью! Никогда ни на что не жаловалась. Весь день посвящала доченьке. А вот из Джоноаса папа получился так себе. Он был еще не готов к

отцовству. Несколько раз позволял Кэти смотреть свои нарезки... Любил ужастики – словно ребенок, ей-богу! Думал, и Кэти полюбит.

Робин вспомнился сеанс, когда Кэти приковала фигурку маленькой девочки к ножке дивана. Видимо, Кан не просто «позволял» ей смотреть свои видео.

– Я ему сказала – такие вещи не для детей, а он ответил – подобный материал закалит ее волю. Ну да, мне хотелось, чтобы девочка выросла сильной. Этот мир – место не для слабаков, Робин. Ковид, глобальное потепление, войны... Наши дети должны расти, понимая, что жизнь может стать сложной. – Глаза Элли вдруг заволочило пеленой – видимо, погрузилась в воспоминания. – Сперва все шло отлично. А потом Кэти как-то выскользнула из комнаты, когда Джонас работал над своим проектом... Ну, первым, с девчонкой Роджерс.

Синтия Роджерс... Та самая, которую обнаружили в лесу расчлененной. Вот о чем пыталась рассказать Кэти на первом сеансе, нарисовав вопящего человека и море крови. Вот откуда ритуал со смыванием красной краски. Робин пробила невольная дрожь. Кэти – умненькая девочка, и времени для раздумий у нее было много. Тогда она и поняла, что видео, которые Кан просматривал раз за разом, – не просто фильмы.

– Я ее вовремя поймала, – отрывисто продолжила Элли. – Помоему, она почти ничего не увидела. В любом случае – сама виновата! Знала ведь, что нельзя выходить из спальни без разрешения... Ну вот, я отвела Кэти обратно в комнату и сидела с ней, пока не успокоила. Несколько часов сидела! А она... Нет чтобы меня поблагодарить – начала играть в молчанку. А через некоторое время вообще перестала разговаривать.

Робин сразу сообразила, какую следует подать реплику:

– А все из-за Кана.

– Точно! – горячо подтвердила Элли. – Говорила ему – не работай со своими проектами дома, для Кэти это вредно... Но иногда до него было не достучаться.

– Из тебя вышла хорошая мама, – утешила ее Робин. – Просто ты попала в сложные обстоятельства.

– Верно, я была отличной...

Элли вдруг взвизгнула и отшатнулась. Кэти вырвалась из ее хватки, пробежала через комнату и, спрятавшись за Робин, вцепилась ей в юбку.

– Маленькая сучка! – взвыла преступница.

С ее руки закапала кровь. Глянув на Кэти, Робин заметила у нее в кулачке пилку, которой они обычно вычищали остатки краски из-под ногтей. Должно быть, прихватила, выходя из туалета. Кончик пилки был окрашен алым.

Элли подняла пистолет, и Робин инстинктивно переместилась, прикрыв собой девочку.

– Видели, что она сделала? – зарычала девушка. – Вот чем отплатила мне за доброту!

– Тебе лучше уйти без Кэти, – предложила Робин.

– Хм... Она – моя дочь. Мать никогда не бросит свое дитя. И я далеко не глупа. Если оставлю ребенка здесь, другого шанса забрать его у меня не будет. Иди ко мне, Кэти!

Девочка еще сильнее ухватилась за Робин, и та положила ладонь ей на плечо, пытаясь успокоить.

– Элли, ты должна уйти.

– Без девчонки не уйду, – хрипло ответила девушка. – А вас пристрелю, если будете мешать.

На улице завывала сирена, и в окне замигали красно-синие отблески. Прибыла полиция. Робин выдохнула. Вероятно, Натаниэль сообразил, что она в беде. Он и вызвал наряд.

Взгляд Элли метнулся к окну.

– Вот черт!

– Все кончено, – тихо сказала Робин.

– Думаете, вам поверят? – Элли прищурилась. – Поверят психотерапевту, который использовал девочку для удовлетворения профессиональных амбиций? Все об этом знают! Если расскажете им свою версию, я заявлю, что Кэти украли вы. Хотели продолжить над ней свои извращенные эксперименты...

– Считаешь, полиция купится на твои басни?

– Я – положительный человек. Меня в городе все любят. Кому скорее поверят – вам или мне? Девочка-то будет молчать. – Она медленно опустила пистолет в сумку. – Ну, я здесь лишняя. Я ухожу.

Элли развернулась и шагнула через порог. Робин, выдохнув, бросив взгляд на Кэти.

– Ты как?

Девочка ответила слабой улыбкой.

Робин прислушалась: дверь распахнулась, потом со стуком закрылась.

– Где мой телефон?

Кэти приподняла рубашку и извлекла из-за пояса штанишек ее сотовый. Забрав его, Робин заметила, что звонок Натаниэлю так и висит на экране, и поднесла телефон к уху.

– Натаниэль!

– Робин! Ты не пострадала? – с облегчением выпалил тот.

– Нет, все хорошо. Ты ведь слышал?

– Каждое слово.

– Отлично. – Она взяла Кэти за руку. – Пойду пообщаюсь с полицией, пока Элли не смылась.

Глава 57

Остановившись посреди улицы, Робин наблюдала, как Менни нетерпеливо обнюхивает пожарный гидрант. Устройство его явно очаровало – похоже, одна из самых занятных штуквин за последнее время.

– Обычная водяная колонка, – объяснила псу Робин. – Ты ведь ее уже сто раз видел. Или для собаки это своего рода достопримечательность? А может, тут сделал пи-пи пес какой-нибудь знаменитости?

Она потянула за поводок, но Менни, обиженно фыркнув, от своего занятия оторваться не пожелал.

Робин вздохнула. Они уже достаточно погуляли, и ей хотелось домой. Щиколотка больше не беспокоила. Все раны зажили, кроме ожога на кисти. Она говорила с пластическим хирургом, и тот уверенно заявил: сделает все так, что рука будет как новенькая.

Пластические хирурги умели устранить дефект, скрыв его внешние проявления. Ей, к сожалению, подобное искусство недоступно – шрамы в душе залечить сложнее.

И все же Робин потихоньку восстанавливалась. Сегодня умудрилась совершить с Менни трехминутную прогулку в парке. Настоящий рекорд! Правда, потом молчание леса начало казаться зловещим; каждая тень словно скрывала за собой врага. Завтра они попробуют довести продолжительность прогулки до четырех минут. Робин не позволит Кану разрушить ее привычный образ жизни.

Менни наконец отлип от гидранта, и они двинулись дальше.

Кафе «У Джимми» было закрыто уже месяц. Однако сегодня хозяин суетился внутри – подметал пол. Робин заколебалась, затем подошла и тихонько постучала костяшками пальцев по стеклянной двери. Джимми поднял взгляд и заморгал. Потом, положив веник, зашаркал ко входу.

Постарел... Робин он всегда казался человеком без возраста: неизменные, слегка грубоватые манеры и прическа в стиле Джепетто – всегда один и тот же образ. Сегодня так сказать было нельзя – двигался Джимми медленно, да и выглядел усталым.

Дверь открылась, звякнул колокольчик, и старик улыбнулся:

– Привет, Робин! Боюсь, мы закрыты...

– Да, я знаю. Просто хотела поздороваться и спросить, как у вас дела.

– Спасибо тебе большое. – Он хмыкнул и уставился на Менни. – А вы, сэр, похоже, изнемогаете от жажды?

– Жарковато сегодня, – ответила Робин.

– Уфф... Ну да ничего, сейчас сообразим. – Джимми затопал внутрь кафе. – Заходите, налью ему миску воды.

Робин и Менни проследовали за ним. В зале царил атмосфера запустения: столы и стулья покрывал тонкий слой пыли, да и воздух был затхлым. Интересно, Джимми посетил свои владения впервые за месяц?

Вскоре он вышел из заднего помещения с миской и собачьим печеньем в руках. Печенье пес тут же слизал, оставив на пальцах Джимми несколько капель слюны, и принялся шумно лакать воду.

– Что-нибудь хочешь? стакан холодной воды, например?

– Да нет, спасибо.

– С того самого дня ни разу с тобой не общался, – угрюмо пробормотал Джимми, поглядывая на собаку. – Не могу найти себе места: стыдно за то, что устроила моя племянница...

Старик не пытался отказаться от родства с Элли. Мог ведь просто назвать ее по имени, а все же сказал «племянница». Мог и вообще ничего не говорить.

– Вы в этом не виноваты, Джимми.

– Тут долго можно обсуждать, кто виноват. Я и сам много думал, и с родственниками не раз спорил... – Он нахмурился, сдвинув кустистые брови. – Не хочу тебе пересказывать.

Робин кивнула.

– Когда планируете открыться?

– Не знаю... Все сложно, Робин. Каждый раз, как сюда захожу, возвращаюсь мыслями на несколько лет назад. Элли тогда еще здесь не работала, и я порой нанимал местных подростков, а иногда управлялся сам. И всегда все было нормально. Но когда она появилась... – Джимми вдруг замолчал, затем откашлялся и продолжил: – Я ведь знал, что Элли – не самый добрый человек, однако приятно, когда кто-то из семьи рядом. Такая она норовистая и энергии хоть отбавляй.

Честное слово, подумывал взять ее в долю – знаете, превратить кафе в общий семейный бизнес... – Он пожал плечами.

– Мне очень жаль, – мягко сказала Робин.

– Навещаю ее в тюрьме, – рассказывал Джимми. – Последний раз приходил два дня назад, обещал, что на следующей неделе опять появлюсь. А ее родители... Моя сестра не желает иметь с Элли ничего общего. Получается, мать отказывается от дочери – разве это правильно? Даже если дочь совершила нечто ужасное...

В уголке его глаза блеснула слезинка.

– По-моему, правильного ответа тут нет, Джимми. Все зависит от матери. Или от отца. Вероятно, сейчас они злы на Элли, но время лечит. Конечно, им тяжело.

– Не знаю, у меня ведь детей нет... И тем не менее – по-моему, поступки человека в сложных обстоятельствах показывают, чего он стоит.

– Важно все, что мы делаем в повседневной жизни, Джимми.

Он тяжело вздохнул.

– Моя сестра вечно отчитывала Элли. Та часто попадала в неприятности в школе и, по рассказам своей матери, всячески лгала, пытаюсь уйти в сторону от тех проблем, которые сама и создавала. Я-то всегда ее поддерживал, а теперь думаю – наверное, сестренка была права. Возможно, племянница лгала всю жизнь. Или, может, стала такой, потому что родители никогда не подставляли ей плечо... – У Джимми сдавило горло.

– Какая уж теперь разница...

– Да, наверное, никакой. Как вышло, так вышло.

– Ну да.

– Знаешь, Робин, возможно, мне станет легче, если я не буду навещать Элли. Хотя бы какое-то время. Подержусь немного в стороне... – Он покачал головой. – Правда, все это только слова. Не смогу я так поступить. Каждый раз ухожу, а она меня спрашивает, когда теперь появлюсь... И я сознаю: не сумею просто взять и бросить девочку.

Джимми и не догадывался, насколько хорошо Робин его понимала.

– Семья есть семья... – Она слабо улыбнулась. – Что бы ни происходило, семейные узы никуда не денешь, правда?

Джимми тихонько, грустно усмехнулся.

– Да, пожалуй...

Робин пожала ему руку.

– Так или иначе, – сказал старик, повернувшись и подхватив с пола веник, – не знаю, смогу ли вообще снова открыть кафе. С другой стороны – сколько можно держать его на замке? Возможно, кому-нибудь сдам – пусть работает... Горожанам требуется местечко, где можно посидеть и выпить горячего кофе.

– А что, неплохая идея! – оживилась Робин. – Наймите на некоторое время молодого управляющего, пока не придете в себя.

– Угу... – неуверенно пробормотал Джимми.

– Пусть готовят современные напитки, а мы представим, что живем в большом городе. На прошлой неделе ходила с приятелем в «Старбакс» – пила там чай с ванильным сиропом, миндальным молоком и приправой из сладкой тыквы. Фантастическая штука! Неплохо бы и здесь организовать нечто в этом духе.

В глазах Джимми появилось отвращение, Робин же мечтательно продолжила:

– Или кофе со льдом и сиропом из ириса, а поверх – пеночка из холодного соевого молока... В колледже часто такое заказывала.

– Погоди-ка...

– О, а еще как-то пробовала карамельный латте...

– Сядь, Робин! – сердито указал на стул Джимми. – И впредь не произноси здесь такие словечки! У меня тут уважающая себя фирма.

Она робко присела на барный табурет, а старик, покачивая головой, скрылся за стойкой и включил кофемашину.

– Сейчас сварю тебе кофе, – пробурчал он. – Хороший кофе! Первая чашка – за счет заведения. Хочу убедиться, что ты еще помнишь, каков на вкус настоящий благородный напиток.

– Мне черный, пожалуйста, – пискнула Робин.

– Конечно, конечно...

Джимми колдовал за стойкой, что-то бормоча под нос. Его движения вдруг стали четкими, и усталого выражения на лице как не бывало.

Робин довольно откинулась на спинку. Кто же откажется от черного, словно деготь, фирменного кофе Джимми...

Глава 58

Психотерапевт Клэр попросил ее выполнить специальное упражнение: измерить свою тревогу по десятибалльной шкале. Однако, похоже, десяти баллов было явно недостаточно. Иной раз тревога одолевала настолько, что точно зашкаливала. Какие десять? Сто, тысяча! И все же упражнение имело определенный смысл.

Сейчас она сидела в гостях у Мелоди. Попивала холодный лимонад, поглядывала, как сыновья подружки в шутку мутузят друг друга на лужайке, и степень тревожности оценивала на четверочку. Ниже не получалось – Кэти была вне поля зрения, в комнате Эми. Опять же, Клэр беспокоилась, чтобы Лайам во время игры не вывихнул себе руку.

– Как устроился Пит? – спросила Мелоди, сделав глоток.

В свой лимонад она плеснула немного рома; предложила и Клэр, однако с таблетками алкоголь не сочетался.

– Сложно сказать. Мы ведь толком о его делах не говорим, когда созваниваемся. В основном – о Кэти.

– Ну да, понимаю.

Хм, подружке-то о Пите, пожалуй, известно куда больше... В конце концов, бывший муж ведь дружит с Фредом. Впрочем, бог его знает, сколько Пит на самом деле доверяет приятелям. Клэр знала, что он обставил новую квартиру, выделил и комнату для дочери – рано или поздно они договорятся насчет визитов Кэти с ночевкой, и дождутся, когда та будет готова психологически. Пит периодически публиковал разные разности в «Фейсбуке» – фотографии с работы, например. На них несколько раз попадалась женщина, державшаяся неприлично близко к бывшему мужу. Похоже, у него новые отношения?.. Странно, Клэр-то почему беспокоят его амурные дела?

– Не хотят ли мальчики лимонада? – заговорила она.

– Да нет. Прибегут, когда наиграются. – Мелоди пожалала плечами.

– Ясно, – пробормотала Клэр.

Ее план провалился. Задумано было иначе: Мелоди следовало согласиться и позвать сыновей. Тогда Клэр самым естественным тоном предложила бы спросить и девочек, не желают ли те попить. Разумно

ведь, раз мальчики угостились? Разумно и справедливо. А Клэр заодно посмотрела бы, как там Кэти.

Кого она старается надуть? Мелоди, которая и так видит, что Клэр каждые пятнадцать минут заглядывает в комнату Эми? Или Кэти, уже уставшую от излишней опеки?

Может, саму себя?

Ее психотерапевт заявлял, что динамика у нее очень даже неплохая, и Клэр хотелось ему верить. Она так измучилась... Да, наверное, прогресс имелся. Только терпение уже кончалось – настолько в ней бурлило желание возобновить, черт возьми, нормальную жизнь!

– Как Кэти? Готова вернуться в школу? – поинтересовалась Мелоди.

– Готова, – кивнула Клэр. – Даже странно, насколько быстро она нагоняет пропущенное. Невольно задумываешься: чем они занимаются в школе целыми днями?

– Всякой ерундой, – вздохнула подруга. – Учителя детишек вообще не контролируют. А ведь во время карантина некоторые были предоставлены сами себе...

– Ужасно, – поддержала ее Клэр. – На детей пандемия повлияла куда сильнее, чем на взрослых. Ее последствия они будут ощущать всю жизнь.

– И не говори. Вот обещают, что расскажут о принимаемых мерах на следующем родительском собрании, только дальше разговоров дело не идет.

– Разве мы не способны воздействовать на школу? Вопрос ведь важный – это будущее наших детей.

Она неспешно вела беседу – совсем как раньше, и Мелоди уже не поглядывала на нее с опаской: взорвется вдруг или нет? Вчера заходила в кафе Джимми, и никто вроде бы не шушукался на ее счет...

Да, Клэр шла на поправку. И ее знакомые тоже. Может, тревога и впрямь не зашкаливала за четверку?

Пожалуй, все-таки три с половиной. На шкале должны быть не только целые числа.

Глава 59

– Можешь достать мармелад? – попросила Робин, указав на банку на верхней полке.

– Конечно!

Натаниэль обошел стол, протянул длинную руку и легко снял банку, словно плод с дерева.

Робин воспользовалась возможностью лишней раз прижаться к нему, и Натаниэль обнял ее свободной рукой.

– Вот, держи, – тихо сказал он и поцеловал ее в шею под затылком.

– М-м-м... – Она приняла банку. – У высоких мужчин есть свои преимущества.

– Высокие парни просто незаменимы.

– Да что вы говорите? Просто берешь стремянку или стул...

– А может твой стул сделать вот так?..

– Ну-ка убери руку! У меня сеанс через пятнадцать минут.

Натаниэль отошел в сторону, и Робин, прикрыв глаза, медленно выдохнула. Пора бы привыкнуть... Хотя, честно говоря, почти привыкла. Натаниэль оставался у нее на ночь уже пятый раз подряд. Каждое утро сообщал, что сегодня переночует в своей квартире в Индианаполисе. Ехать далеко, дорога выматывает, и на службе потом ползает словно сонная муха, а шеф злится... Вечером же звонил и спрашивал: «Ничего, если сегодня приеду?»

Видимо, поездки к Робин того стоили, и Натаниэля не могли удержать ни долгая дорога, ни пробки, ни раздраженный шеф. Робин чувствовала себя просто... невероятно. Каждый раз, когда они были вместе, ее переполняло счастье. А еще Натаниэль спокойно доставал банки с верхних полок. Что тут можно добавить?

Она намазала на тост масло с мармеладом и уселась за стол. Натаниэль устроился напротив, прихлебывая утренний кофе.

– Мелоди пригласила меня на ужин в эту пятницу. Составишь компанию?

– Конечно. Что-нибудь приготовить?

– Если найдешь время.

– Могу сделать запеканку с цуккини.

– Будет чудесно, – пробормотала Робин, почувствовав, как потекли слюнки.

Натаниэль уже несколько раз предупреждал ее: отношения с копом – история сложная. Работа у него непростая и часто вторгается в личную жизнь. В то же время заявлял, что хочет провести границу между службой и семьей. Главное – он ее любит, и Робин готова была совместно с ним противостоять любым трудностям.

Стук в дверь отвлек ее от размышлений. Так, сколько времени?

– Наверное, это пациент, назначенный на восемь.

Она поднялась, запихивая в рот остаток тоста.

– Рановато они... – заворчал Натаниэль. – Ладно, я через несколько минут выхожу.

– Ага, давай.

Робин обошла стол чтобы поцеловать его. Поцелуй, отдающий мармеладом и тостом, перемешанными с исходящим от Натаниэля кофейным ароматом... Идеально!

– Вечером появишься?

– Наверное. А может, останусь в Индианаполисе. Хотел хоть сегодня лечь пораньше...

– Я могу к тебе приехать, – предложила Робин.

– О, пожалуй, так будет лучше, – просиял он.

Квартирку Натаниэль занимал совсем маленькую, да еще молодые соседи сверху нередко закатывали вечеринки, поэтому вряд ли подобный вариант был лучше. Однако они будут вместе, и черт с ними, с соседями и маленькой площадью!

– Приезжай; я позвоню, когда освобожусь.

Робин погладила его по плечу и пошла открывать.

– Привет, – улыбнулась ей Клэр.

Робин улыбнулась в ответ и бросила радостный взгляд на Кэти.

– Приятно вас видеть! Проходите.

– Заеду через часок, – сказала Клэр и поцеловала дочку в щеку. – Пока, милая!

Робин провела Кэти в игровую комнату.

– Со следующей недели перенесем наши сеансы на вторую половину дня. Ты ведь пойдешь в школу?

Кэти кивнула.

– Итак, чем желаешь сегодня заняться?

Кэти посмотрела на кукольный домик, по-прежнему стоящий на столе. Камень преткновения, выросший между Робин и матерью. При каждом разговоре Диана просила его вернуть. Робин же напоминала: кто-то согласился отдать ей домик, разве нет? Или обещала, что вернет через пару недель. А иногда просто меняла тему разговора. Она была исполнена решимости сохранить кукольный дом в кабинете, где с ним смогут играть ребяташки. Да и на нее саму его присутствие оказывало психотерапевтический эффект.

– Займешься домиком?

Кэти глянула на нее, затем осмотрелась в игровой зоне.

– Нет, сегодня хочу поиграть в постовую медсестру, – наконец подала голос она.

– Как скажешь. В этой комнате только ты решаешь, во что играть.

Благодарности

– Послушай, – сказал я моей жене Лиоре, вернувшись с часовой пробежки. – У меня есть потрясающий сюжет для книги. Хочу его с тобой обсудить.

– Может, сперва примешь душ? – предложила она, сморщив носик.

– Нет уж! Сначала поговорим.

Мы долго общались, устроив первый мозговой шторм, которых потом последовало немало. Никогда эта книга не родилась бы без Лиоры: жена затевала дискуссии, не обращая внимания на мое паршивое настроение, помогала с самыми трудными главами и исправляла ужасающие ошибки в первом наброске.

Мой редактор Джессика Триббл Уэллс, получив рабочий вариант, покачала головой. С ее помощью начало книги стало более захватывающим, она (с моим участием) дополнительно поработала над характером Робин и сыграла важную роль в поиске почерка убийцы.

О копах и федеральных агентах я написал девять книг, но произведение о детском психотерапевте стало для меня серьезной задачей. Как выяснилось, психологи не посещают места преступлений и не исследуют улики криминалистической экспертизы. Похоже, вопросы поимки серийных убийц их вообще не слишком интересуют. К счастью, я знаком с несколькими психотерапевтами – например, с Кристин Манкузо, которая уже потом стала блестящей писательницей. Кристин прочла черновик и дала мне кучу советов, более касающихся вопросов проработки характеров персонажей и темпа книги, нежели психотерапии. Потом книгу прочитали родители и сестра Яэль – между прочим, все как на подбор психологи. От них я тоже получил кое-какие замечания. Спасибо маме за эпизод, где Робин наставляет Клэр и Пита. Папа, в свою очередь, усомнился в некоторых действиях Робин, и мы их убрали. С помощью Яэль мне удалось достоверно описать сеансы, которые Робин проводила с Кэти и другими детьми. Атара Бейзерман, замечательный друг и великий детский психотерапевт, также много меня консультировала. При содействии

такой компании Робин была просто обречена стать прекрасным психологом и моим самым любимым персонажем.

Кевин Смит, занимающийся развивающим редактированием, помог мне придать окончательному варианту последние замечательные штрихи. Придумывая идеальную тайну, всегда ходишь по натянутому канату: надо рассыпать по тексту туманные намеки и в то же время отвлечь от них читателя. Кевин помог мне довести эти приемы до совершенства.

Элиз Лион, получив финальную версию книги, вычислила самые мельчайшие ошибки, которые неизбежно остаются в тексте (бывает, что дашь маху с последовательностью событий или с именами персонажей – те иной раз словно подчиняются собственным капризам). Местоимения порой тоже живут своей жизнью.

Меня здорово поддерживала мой агент Сара Хершман. Получив от меня синопсис, сказала, что у нее побежали мурашки по коже. Автору триллера только того и надо.

Очень помогла Стейси Манн, указывавшая мне дорогу в дебрях социальных сетей. Как хорошо, что я с ней познакомился!

И, разумеется, благодарю моих замечательных читателей, которые погружаются в мои книги и пишут мне чудесные письма. Вы – лучшие читатели, каких только может желать автор!

---

notes

Примечания

1

Скелетор – суперзлодей и главный антагонист франшизы «Хи-Мен и Властелины Вселенной».

2

Джепетто – игрушечных дел мастер, отец Пиноккио.

Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Нельсон Ролихлала Мандела (1918–2013) – первый президент Южно-Африканской Республики.

«Энн из Зеленых Крыш» – цикл книг, написанный канадской писательницей Люси Мод Монтгомери.

Теодор Сьюз (1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор.

7

1 дюйм = 2,54 см.

8

1 фут = 30,48 см.